

Russian Academy of Sciences
Institute for the Material Culture History
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography /Kunstkamera/

**MESOLITHIC AND NEOLITHIC CULTURES
OF EASTERN EUROPE: INTERACTION
AND CHRONOLOGY**

**Abstracts of the International Conference,
dedicated to the Centennial of the Professor Nina N. Gurina**

St. Petersburg 2009

Российская академия наук
Институт истории материальной культуры
Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера)

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ХРОНОЛОГИЯ
КУЛЬТУР МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию Н.Н. Гуриной

Санкт-Петербург 2009

УДК 902”634”(470.1/.6)
ББК 63.3(2)4
В40

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *Васильев С.А.*

Редколлегия:
кандидат исторических наук *Хлопачев Г.А.*
кандидат исторических наук *Синицына Г.В.*
кандидат исторических наук *Шумкин В.Я.*
Герасимов Д.В.

ISBN 978-5-88431-147-3

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ХРОНОЛОГИЯ
КУЛЬТУР МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.** СПб.: ИИМК
РАН/МАЭ РАН, 2009. 198 с.

Сборник содержит тезисы докладов, представленных на проводящейся в 2009 г. в Санкт-Петербурге международной научной конференции, посвященной 100-летию выдающегося археолога, исследовательницы каменного века Евразии, Н.Н. Гуриной. Он включает работы ведущих специалистов России, Украины, Белоруссии, Финляндии, Латвии, Великобритании, Италии, Испании и США. Тематика сборника соответствует широте научных интересов Н.Н. Гуриной и охватывает различные разделы первобытной археологии – финальный палеолит, мезолит и неолит европейского Севера и Северо-запада, древние культуры Урала и Сибири, вопросы изучения раннего искусства. Особое место в сборнике занимают статьи, раскрывающие фундаментальный вклад Н.Н. Гуриной в развитие археологической науки в нашей стране.

**INTERACTION AND CHRONOLOGY
OF THE MESOLITHIC AND NEO-
LITHIC CULTURES OF EASTERN
EUROPE.**

The book contains the abstracts of the papers presented for the international conference dedicated to the Centennial of the outstanding scholar, the researcher of the Stone Age of Eurasia, Nina N. Gurina, held at St.Petersburg in 2009. It includes the contributions of leading scholars from Russia, Ukraine, Belarus, Finland, Latvia, Great Britain, Spain, Italy, and the USA. The topics covered correspond to the wide research interests of Nina N. Gurina and embrace the different areas of prehistoric archaeology – The Final Paleolithic, Mesolithic and Neolithic of Northern and Northwestern Europe, prehistoric cultures of the Urals and Siberia, early art, etc. The papers devoted to the role of Nina N. Gurina in the development of the prehistoric studies in our country take a particular place in the book.

ISBN 978-5-88431-147-3

Предисловие

Дорогие участники конференции! Мы рады приветствовать вас от лица отдела палеолита ИИМК РАН. Несмотря на название и традиционную сосредоточенность усилий большинства сотрудников на изысканиях в области древнекаменного века, ученые отдела немало потрудились над разработкой проблематики мезолита и неолита различных уголков Евразии, а также внесли большой вклад в исследование более поздних древностей Севера. Говоря об этом, нельзя не назвать имен А.П. Окладникова, П.Н. и В.П. Третьяковых, Л.Я. Крижевской, Л.П. Хлобыстина, недавно ушедшего от нас В.И. Тимофеева и др. Особое место в этом ряду занимает Нина Николаевна Гурина, чей столетний юбилей мы ныне отмечаем.

Круг научных интересов Н.Н. Гуриной определялся широким спектром проблем первобытной археологии в хронологических рамках от финала палеолита до железного века. Территория, на которой она проводила полевые изыскания, простиралась от Прибалтики до Сибири. Приоритетными для Н.Н. Гуриной, тем не менее, всегда оставались культуры мезолита — неолита севера и северо-запада Европейской России.

На основании многолетних полевых исследований Н.Н. Гуриной (исследовательница в разные годы руководила работами Прибалтийской, Горьковской, Нарвской, Кольской и Верхневолжской экспедиций, отрядами в составе Ангарской и Красноярской экспедиций) получена богатейшая источниковедческая база по материалам каменного века обширных территорий. Добытые уникальные коллекции составляют основу экспозиций в ряде центральных и региональных музеев. Не случайно в качестве второго организатора конференции выступает старейшее в нашей стране хранилище археологических коллекций — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ РАН).

Н.Н. Гурина принадлежала к советской школе изучения каменного века, отличительными особенностями которой была социологическая направленность, сложившаяся благодаря распространению исторического материализма и открытию палеолитических жилищ и поселений, по представлениям того времени да-

вавших прямые свидетельства родовых отношений в первобытную эпоху. Позднее центр внимания исследовательницы перемещается в область выделения археологических культур и изучения этногенеза.

Вместе с тем советская археология оставалась частью европейской науки, и возникающие в мире направления и тенденции не могли не оказывать на нее влияния. Н.Н. Гурина всегда с повышенным интересом относилась к работам Г. Кларка, благодаря как близости исследовательских позиций, так и личным контактам. Выделенные и исследованные Н.Н. Гуриной археологические культуры (кольская, нарвская, неманская, валдайская) рассматривались ей в контексте развития и характера хозяйственной деятельности древнего населения.

Более двухсот опубликованных работ Н.Н. Гуриной посвящены проблемам происхождения, эволюции, трансформации и преемственности культур, их хронологии и периодизации. Решение этих вопросов сопровождалось и во многом стимулировало активное внедрение в практику археологических исследований методов естественных наук, в первую очередь радиоуглеродного датирования. Заслуги Н.Н. Гуриной в этой области получили адекватную оценку в серии конференций, в том числе посвященных памяти исследовательницы («Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии». СПб., 2004).

Отдельный аспект научного наследия Н.Н. Гуриной составляют ее теоретические разработки, связанные, в первую очередь, с определением содержания понятий «тип» и «археологическая культура». Много внимания в ее работах уделялось вопросам терминологии, усовершенствования понятийного аппарата — словом, тем проблемам, которые постоянно поднимались на заседаниях отдела палеолита ЛОИА, на конференциях и совещаниях, проходивших по инициативе и под руководством самой Н.Н. Гуриной.

Полноценное изучение северных территорий нашей страны и Прибалтики невозможно без обращения к монументальным монографическим исследованиям Н.Н. Гуриной (Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956; Древняя история северо-запада Европейской части СССР. М.; Л., 1961 (защищена в 1963 г. в качестве докторской диссертации); Из истории древних племен западных

областей СССР. Л., 1967; История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997 и др.). Дискуссионные проблемы мезолита, начиная с понимания его как отдельного этапа в развитии культуры и заканчивая обоснованием локальных мезолитических культур, были в центре внимания научной общественности на протяжении нескольких десятилетий (У истоков древних культур. Эпоха мезолита. М.; Л., 1966; Памятники эпохи мезолита. М., 1977).

Рассмотрению эволюции археологических культур, реконструкции хозяйственной деятельности и духовной культуры древнего населения были посвящены как отдельные тома обобщающих изданий, так и сборники, вышедшие в свет под редакцией Н.Н. Гуриной (Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита и раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991; Время, врезанное в камень. Мурманск, 1982). В монографии «Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР» (Л., 1976) особое внимание было уделено изучению кремневого сырья.

Археология и полевые исследования были образом жизни Н.Н. Гуриной; масштабные разработки в области культур позднего каменного века остаются актуальными по настоящее время.

С.А. Васильев, Г.В. Синицына, Г.А. Хлопачев

**ИССЛЕДОВАНИЯ Н.Н. ГУРИНОЙ
И ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА КАРЕЛИИ**

Плодотворная научная деятельность Н.Н. Гуриной, долгие годы связанная с территорией Карелии, способствовала разработке важных и спорных проблем карельской археологии. Некоторые из них и сейчас представляют интерес и не могут считаться окончательно разрешенными.

Это, во-первых, вопрос о возможности синхронного бытования на неолитических памятниках Карелии разных видов глиняной посуды, во-вторых — вопрос о хронологических и пространственных взаимоотношениях между поселениями с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной посудой, тесно связанный с проблемой карельского энеолита.

Обратимся к первой проблеме. Во второй половине XX в. Г.А. Панкрушев, специалист по каменному веку Карелии, поддерживал, вслед за А.Я. Брюсовым (1953, С. 23–27), идею об одновременном использовании древним населением трех типов керамики: сперрингс, ямочно-гребенчатой и асбестовой или, чаще, двух из них (1964, С. 44–53; 1978, Ч. 1, С. 12, Ч. 2, С. 25). Следует заметить, что объективные предпосылки для такого предположения есть. Древнее население этого региона в каменном веке и в энеолите предпочитало селиться на одних и тех же участках песчаных прибрежных террас, наиболее удобных для охоты и рыболовства. Бытовая деятельность и природные факторы способствовали перемешиванию культурных остатков.

Н.Н. Гурина на основании полевых исследований в Карелии привела веские доказательства самостоятельного бытования разных типов керамики (1961, С. 45–57, 217). В дальнейшем в результате увеличения числа радиоуглеродных дат и более тщательной фиксации материалов во время полевых работ стало ясно, что, хотя время использования древним населением керамики сперрингс и ямочно-гребенчатой частично совпадает, не существует доказательств сосуществования обоих типов, асбестовая же керамика относится к более позднему времени.

Однако при исследовании поселений позднего неолита с гребенчато-ямочной посудой («прибалтийской», по терминологии

Н.Н. Гуриной), оказалось, что, в материалах большинства памятников встречается керамика и с гребенчато-ямочной, и с ромбо-ямочной орнаментацией (на 30 поселениях найдена только гребенчато-ямочная керамика, более 170 содержат только ромбо-ямочную керамику, а примерно в 100 пунктах имеются и та, и другая). На некоторых памятниках, например, на поселениях Пегрема II, X, XXII; Черная Губа IV и IX, планиграфические и стратиграфические наблюдения подтверждают синхронное бытование обеих разновидностей посуды (Журавлев, 1991, С. 32–50; Витенкова, 2002, С. 34). В других случаях нельзя исключать существование между ними хронологического разрыва. Время появления и исчезновения обеих разновидностей посуды на территории Карелии практически совпадает. Согласно калиброванной дате, самый ранний памятник с гребенчато-ямочной посудой Черная Губа III, относится к началу IV тыс. до н.э. Даты поселения Оровнаволок XVI, полученные по нагару на ромбо-ямочных сосудах, располагаются в интервале 3930–3520 до н.э., кал. и подтверждают сравнительно раннее появление ромбо-ямочной посуды.

Для памятников с ромбо-ямочной керамикой и медными изделиями, относящимися к раннему энеолиту, получены более поздние даты, так Пегрема III (датируется 4240 ± 90 (ТА–813), 2990 ± 320 , до н.э., кал. Примерно к тому же времени относится и финал гребенчато-ямочной керамики. В орнаментации обеих разновидностей посуды с течением времени происходят одинаковые изменения: количество геометрических узоров уменьшается (на гребенчато-ямочных сосудах от 50 до 10 %, на ромбо-ямочной — от 27 до 1 %), но сами композиции становятся более сложными. Интересно, что ромбо-ямочная керамика со сложными узорами встречается лишь на памятниках с комплексами гребенчато-ямочной посуды; возможно, это указывает на их взаимное влияние.

В финале существования посуды обеих разновидностей орнаментируются разреженными узорами из круглых или овальных ямок. Пока неясно, могут ли отмеченные факты говорить о сложении единой культуры. При сравнительном анализе материалов памятников в отдельных группах, например, в районе Черной Губы Онежского озера, оказывается, что на более поздних поселениях выше процентное содержание ромбо-ямочной посуды. Ареалы обеих разновидностей не совпадают. В частности, гре-

бенчато-ямочная посуда широко распространена в Финляндии и Прибалтике, а ромбо-ямочная для этих регионов нехарактерна.

Частое совместное залегание обеих разновидностей посуды, видимо, склонило М.Е. Фосс (1952, С. 16) к предположению о связи медных изделий и посуды с геометрическим орнаментом (гребенчато-ямочным). В результате более основательного изучения материалов оказалось, что медные изделия встречаются лишь там, где преобладает керамика с ромбическими ямками. Н.Н. Гурина предприняла наиболее ранние исследования памятников с медными изделиями (Оровнаволок и Деревянное I) на территории Карелии (1947а, б, 1961) и отнесла оба поселения к периоду энеолита. Эти работы и дальнейшие исследования показали, что с ромбо-ямочной посудой на территории Карелии связано начало эпохи металла.

Е.Г. Калечиц

ВКЛАД Н.Н. ГУРИНОЙ В АРХЕОЛОГИЮ БЕЛАРУСИ

Н.Н. Гурина — выдающийся исследователь Северо-запада Восточной Европы, блестящий организатор науки — внесла большой вклад в становление и развитие археологии каменного века Беларуси. Самыми яркими страницами ее творческой биографии были раскопки уникальных памятников на р. Рось — кремнедобывающих шахт в районе Волковысска (Гродненская область).

Следы шахт в карьерах, среди горных выработок в районе Красного Села впервые были найдены и частично исследованы польским археологом З. Шмитом в 1924–1925 гг. Активное и всесторонне изучение памятника связано с деятельностью отряда под руководством Н.Н. Гуриной. Эти работы развернулись в 1963 г. и продолжались семь лет (до 1970 г.).

В общей сложности на площади 21 767 кв. м с помощью раскопок было выявлено и исследовано более 200 шахт. Наблюдения за земляными работами позволило выявить еще несколько сотен их устьев. Общее число шахт, зафиксированных отрядом Н.Н. Гуриной, достигло цифры 650. Работы подобного рода про-

водились на территории страны впервые. Поэтому была разработана особая методика изучения и поиска подобных памятников, апробированы новые методы. Так, под руководством С.А. Семёнова и Г.Ф. Коробковой была исследована проблема производительности труда первых шахтеров, проведены опытные испытания первых шахтерских инструментов, прототипов найденных в шахтах. Попутно с шахтами изучались связанные с ними мастерские по первичной обработке сырья.

Результаты работ изложены в широко известной монографии Н.Н. Гуриной «Древние кремнедобывающие шахты» — первом описании горных выработок в отечественной и зарубежной археологической литературе. В работе проведен анализ всего комплекса выявленных источников, дана датировка, показано место и роль подобных объектов как исторического источника в раскрытии процесса историко-культурного развития человечества.

Но не только проблема источников сырья, технология производства орудий каменного века интересовали Н.Н. Гурину. Она выявила на территории северо-запада Беларуси более 50 древних памятников всех периодов каменного века и эпохи бронзы. Поводом для проведения поисковых работ послужило осознание весьма ограниченной и отрывочной информации по указанному региону, публикация некоторых работ, в том числе В. Антоневича, который суммировал данные о местонахождениях позднепалеолитического и мезолитического возраста, известных к 30-м годам прошлого века.

В результате разведок и раскопок, проведенных отрядом Н.Н. Гуриной на отрезках долин Немана и Западной Двины, были получены артефакты широкого хронологического диапазона — от финального палеолита до эпохи бронзы. В обобщающей статье (Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии // МИА. 1965. № 131) Н.Н. Гурина отмечает существенные трудности в интерпретации и установлении хронологии полученных материалов, связанные, в первую очередь, со слабой археологической и геологической изученностью северо-западного региона в целом.

В указанной статье в научный оборот вводятся материалы по палеолиту (оз. Свитязь, д. Крумплево, хутор Бор, д. Дорошевичи, д. Черешля 7), мезолиту (памятники Черешля 6, Черешля 9, Несиловичи 1–3, 7, Семенов Хутор, Неман 2, Неман 6, Новоель-

ня 14), неолиту (Несиловичи 6, Неман 5, 7, 16, Черешля 1, 2а, 3, 3а, 5, Новоельня 5, Плисса и др.).

Большой интерес представляют при этом экскурсии в сферу изучения источников сырья. Важнейшие выводы сделаны в отношении первоначального появления людей на изучаемой территории в эпоху финального палеолита и последующем непрерывном обитании человека на указанной территории. Исследовательница делает вывод о преемственности технических приемов мезолитической культуры от позднепалеолитической и наличии культурной преемственности в более позднее время (неолит и эпоха бронзы). При этом она отмечает общие черты и региональные особенности огромной культурной общности (от Черного до Балтийского моря). Живучесть технических приемов, проблема генезиса отдельных типов орудий, дифференциация неолитических культур, выделение единой этнокультурной общности на территории северо-запада Беларуси, Литвы и восточной Польши и сохранение очерченной зоны в тех же границах в конце неолита — начале бронзы и другие проблемы стали решающими для производства дальнейших работ на указанной территории.

Нина Николаевна была инициатором множества всесоюзных конференций, тематика которых была всегда актуальной и связана с самыми разными аспектами изучения материальной и духовной культуры древнейшего населения Восточной Европы. Белорусские археологи-«каменщики» были непременно участниками таких форумов. Учитель с большой буквы, самоотверженная труженица на ниве просвещения, неутомимый полевой работник, высококвалифицированный ученый, доброжелательный человек, взрастивший не одно поколение археологов, в том числе и белорусских. Такой осталась в памяти всех, кому посчастливилось тесно общаться с ней.

**JULIUS AILIO — A BRILLIANT RESEARCHER
OF FINNISH AND RUSSIAN STONE AGE A HUNDRED YEARS AGO:
SKETCHES ON THE HISTORY OF STUDY**

Julius Ailio (1872–1933) was a pioneer professional researcher of the Finnish Stone Age. An expert in geology he also succeeded in linking the environmental aspect to his archaeological work. His contacts with the archaeology of Russia were versatile. Already in 1893 he accompanied A.O. Heikel on an archaeological and ethnographical expedition to Russia and Western Siberia.

In 1897 he was Professor Wilhelm Ramsay's assistant on a geological expedition to the Kola Peninsula. Soon Ailio developed his methods of excavation and documentation of Stone Age dwelling sites. Obviously therefore, A.A. Spitsyn (1858–1931), in his excellent fieldwork guide book (*Археологическія раскопки*) published in 1910, made use of the illustration in Ailio's doctoral thesis (*Die steinzeitliche Wohnplatzfunde in Finland*, 1909).

Later, in the study of the history of Lake Ladoga, Ailio demonstrated extraordinary geological expertise (*Die geographische Entwicklung des Ladoga Sees*, 1915). By 1917 Ailio had made several trips to various parts of European Russia and studied Stone Age collections at many Russian museums. His personal notes and drawings of archaeological items are preserved in the archives of the National Board of Antiquities in Helsinki. The Russian archaeological material played the main role in his last comprehensive study *Fragen der Russischen Steinzeit* (Ailio 1922).

This paper will discuss the role of Julius Ailio as a Russian orientated researcher, in the light of the personal archival material of his Russian studies compared with work carried out in Russia simultaneously and earlier by other Finnish archaeologists.

МЕЗОЛИТ И НЕОЛИТ В МАКРОСТРУКТУРЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Макроструктура археологической эпохи (далее АЭ) восстановлена благодаря математической хронологической модели, в основе которой ряд и числа Фибоначчи. В модели семь строк, из которых каждая описывает археологическую субэпоху. Субэпоха — новое понятие, оно объемлет материальное производство (далее МП) и материальную культуру (далее МК), сложность и организацию которых определяет возрастающий уровень сложности человека. Субэпоху нижнего палеолита создал архантроп (вторая строка, первая строка соответствует субэпохе, созданной предками последнего), среднего — палеоантроп, верхнего — неоантроп (*H. sapiens*), мезолита, неолита и энеолита — *H. sapiens sapiens*, субэпох бронзы и железа — современный человек.

Каждая субэпоха подразделена на периоды, составляющие ее структуру. Согласно модели интересующая нас субэпоха включает пять периодов, старшие — шесть, младшие — четыре. Периоды объединены в три фазы: *начальная*, скрытая *становления субэпохи*, выделены *тонким курсивом*, основная явная фаза, соответствующая **истории материальной культуры (жирный шрифт)**, и финальная — скрытая инволюции (тонкий прямой шрифт). Скрытые фазы разворачиваются внутри явных, предшествующих и последующих.

Двум скрытым периодам становления субэпохи соответствуют разные доминанты. Физическое формирование соответствующей формы человека, носителя субэпохи, является доминантой первого, доминанта второго периода — развитие производственно-технологической информации предшествующей субэпохи и формирование МП следующей, что становится очевидным при взгляде на синхронологическую таблицу АЭ.

Синхронологическая математическая модель эволюции АЭ (в тыс. л.)

6765-4181-2584-1597-987-610-377

1597-987-610-377-233-144-89

377-233-144-89-55-34-21

89-55-34-21-13-8-5

21-13-8-5-3-2

5-3-2-1-0

2-1-0-1-2

Эта модель позволяет датировать каждый период в эволюции любой субэпохи. Нас интересует хронология и содержание процессов, которые соответствуют пятой строке. Согласно структуре субэпохи, интервал 21–13 тыс. л. соответствует физическому становлению *H. sapiens sapiens*. Близкий, если не единый уровень его сложности в рассматриваемую субэпоху их родства не исключает, но и не свидетельствует в его пользу. Производственно-технологическое состояние во второй скрытый период, 13–8 тыс. л., позволяет говорить о более коротком, в течение 2–3 тыс. л. (13–10 тыс. л.), времени освоения и развития производственно-технологической информации предшествующей субэпохи и формирования микролитической индустрии, макролитов и МК нового облика. Мир мезолитических культур сложился к 10 тыс. л. В явную фазу эволюции субэпохи, 8–5–3 тыс. л. эти индустрии развиваются в сторону неолитизации (8–5 тыс. л.) и энеолитизации (5–3 тыс. л.).

Появление современного типа человека на уровне 5 тыс. л. (шестая строка модели) — важное историческое событие эпохи, если не считать «утонченности и вырождения некогда мощной культуры камня».

Рассматриваемая субэпоха как целостное явление длилась $21-2 = 19$ тыс. л. В течение этого короткого времени принципиально изменилось многое. Например, расширился список используемых пород камня в качестве поделочного и конструкционного материала. Последний становится предметом добычи. Глиняные смеси приобрели свойства керамики; МП обогатилось за счет новых технологий: индустрия камня за счет тонкой ретуши, шлифования и полирования, последние пригодны и в косторезном, и кожевенном производстве, в изготовлении глиняной и деревянной посуды и других изделий. Номенклатура последних расширилась за счет изготовления предметов в непроизводственной (домашняя утварь, украше-

ния и прикладное искусство) и производственной сфере (транспортные средства, крупногабаритные сооружения из дерева: столбовые конструкции, дома, мосты и т.д.).

Изменения коснулись и организации труда: рядом с индивидуальным ручным трудом все более заметным становится совместный (управляемый коллективный) труд, дополненный механизмами, приспособлениями и энергетикой (кооперированной мускульной силой людей и, со временем, — мускульной силой животных).

Сложность и скорость производственных и культурных процессов, умноженная на сложность и скорость физической и социальной организации человека позволяет говорить о культурно-исторической новизне рассматриваемой эпохи, которая роднит ее более с протоисторией, чем с первобытностью. Более того, вся субэпоха, включая мезолит, неолит и энеолит, является последовательным переходом от первобытности к цивилизации.

Л.Л. Зализняк

ЗАПАДНАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОВИНЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Археологические материалы убедительно свидетельствуют о тесных культурно-исторических и генетических связях бассейнов Припяти, Немана, Верхнего Днепра с территориями Южной Балтии, а также с Центральной Европой на протяжении последних 12 тыс.л. Прослеживается, по меньшей мере, 15 миграционных волн, которые катились через территорию Польши в восточном направлении, начиная с финального палеолита. Имеется в виду продвижение в восточном направлении носителей традиций культур гамбург, лингби, свидер, коморница-кудлаевка, яниславица, линейно-ленточной керамики, воронковидных кубков, шаровидных амфор, шнуровой керамики, тшинецко-комаровской, лужицкой, милоградской, ясторфской, латенской, поморской, пшеворской, вельбарской. Практически все археологические

культуры бассейнов Припяти и Немана от финального палеолита до начала средневековья имеют западное происхождение.

Постоянное направление культурных связей и миграционных процессов объясняется принадлежностью запада Восточной Европы к единой природно-географической зоне Среднеевропейских равнин, которая охватывает Английскую, Северо-немецкую, Польскую и Полесскую низменности. Этот природно-ландшафтный регион с однотипными природно-климатическими условиями, который совпадает с зандровой полосой последнего обледенения, сформировался в финальном палеолите, когда и установилась тесная культурная связь запада Восточной Европы с Балтией.

При решении проблемы истоков культурных явлений финального палеолита и мезолита западных регионов Восточной Европы нужно учитывать доминирующее здесь западное направление миграционных потоков. Поэтому популярное в последние годы предположение о возможных местных истоках лингбийских памятников Верхней Волги или автохтонности постсвидерского мезолита севера Восточной Европы противоречит изложенной выше генеральной тенденции, тем более что наиболее показательные изделия (наконечники стрел) мезолита севера Восточной Европы не имеют местных прототипов, зато имеют прямые параллели в финальном палеолите Южной Балтии (культуры лингби, аренсбург, свидер).

Г.В. Сеницына

ФИНАЛЬНЫЙ ПАЛЕОЛИТ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В геологии переход от плейстоцена к голоцену характеризуется как время резких климатических изменений. В археологии каменного века этот отрезок времени относится к финальному палеолиту, хронологические рамки которого определяются периодами беллинг — молодой дриас (12 800–10 100 л.н.).

Из-за повсеместного преобладания эрозии над процессами осадконакопления геологические отложения этого времени сохранились плохо, культурные остатки представлены преимуще-

ственно во вторичном залегании, с чем связаны основные трудности определения возраста стоянок в рамках финального палеолита. Региональные хронологические схемы практически не разработаны. Тем не менее современные представления о финальном палеолите центра и севера Восточной Европы свидетельствуют о значительном разнообразии культурных традиций и сложном характере их формирования, взаимодействия и эволюции. В настоящее время здесь выделяется восемь как минимум типов индустрий.

Наиболее ранние памятники финального палеолита Восточной Европы расположены в различных ландшафтных зонах и основаны на эпиграветтской технико-типологической традиции предшествующей позднепалеолитической эпохи. Х.А. Амирханов (2002, 2004) прослеживает две линии развития технологических традиций: 1) граветтских широких пластин (шириной 3–4 см и длиной до 10 см) от материалов Зарайской стоянки через Трегубово, Колтово 7, Умрышинки 3 до иеневской раннемезолитической культуры; 2) узких пластин от ст. Карачарово, Шатрищи, Заозерье I до бутовской культуры. Сохранение граветтских традиций отмечено А.Н. Сорокиным (2004, 2006) в материалах ресетинской культуры, в основе которой, по его мнению, лежит прототип индустрии Гагарино.

Во всех случаях проблема преемственности и наследования культурных традиций сталкивается с проблемой большого хронологического разрыва, отсутствием археологических материалов, а часто и геологических отложений, между граветтом и кругом культур финального палеолита. Решение ее может быть связано только со стратифицированными памятниками, если не полностью заполняющими, то хотя бы характеризующими культуру этого времени на отдельных хронологических отрезках.

Наиболее полная стратиграфическая колонка с датированными отложениями переходного от плейстоцена к голоцену периода представлена в разрезе стоянки Баранова гора (Синицына, 2008). Здесь установлено наличие отложений беллинга, среднего дриаса, аллереда, позднего дриаса и пребореала.

Снизу вверх на памятнике представлена следующая последовательность культурных и геологических отложений:

– материалы постграветтской (?) традиции в отложениях беллинга (ширина пластин колеблется в пределах 2,5 см, толщина — 1 см, длина — более 7 см);

– инвентарь из отложений дриаса II представляет собой новый тип материальной культуры в этом регионе (памятники типа Акулово). Ширина пластин 1 см, толщина 2 мм, длина колеблется в пределах 3–6 см;

– культурный слой подольской культуры технокомплекса бромме в отложениях аллереда и дриаса III. Основополагающий тип заготовки: длина 6–8 см, ширина 2–2,5 см и толщина в пределах 1 см. Инвентарь всех стоянок технокомплекса броммелинги выполнен на местной моносырьевой базе, что свидетельствует о высокой адаптивной способности этого населения.

По материалам стоянки Баранова гора можно предполагать, что граветтская традиция была прервана похолоданием дриаса II и вызванной этим сменой населения. Появление населения типа Акулово имело здесь эпизодический и кратковременный характер в пределах непродолжительного периода дриаса II.

На западе территории наиболее ранняя волна ее освоения в финальном палеолите связывается с носителями традиций «прибалтийского мадлена» (Римантене, 1971) распространение которых охватывает бассейн Западной Двины и Верхнего Поднепровья. По материалам многослойной стоянки Вышегора гора I в Смоленской области в истоках Днепра (Синицына, 2008) данный тип индустрии может быть датирован древнее аллереда, поскольку стратиграфически материал, аналогичный «прибалтийскому мадлену», залегал ниже погребенной почвы с экскурсом гетенборг. Прибалтийско-мадленскую традицию в этом регионе сменяют стоянки гренского типа.

В дриасе III огромные пространства Европы от Мазовии в Польше до Валдайской возвышенности на востоке и в меридиональном направлении от Прибалтики до Крыма занимает свидерская культура, исследование которой имеет почти 100-летнюю историю, однако вопросы генезиса остаются во многом дискуссионными. В дриасе III и пребореале разнообразие культурных традиций значительно увеличивается. В юго-восточной части Валдайской возвышенности отмечено существование стоянок типа Золоторучья, Нижнеседелькино и Вашаны, объединенных

наличием позднеплейстоценовой фауны (северный олень, бизон, заяц) и развитым характером пластинчатой индустрии, датировка стоянок этого типа от дриаса III до пребореала.

На юге Восточной Европы в финальном палеолите выделены следующие типы индустрий: эпиграветтские, каменнобалковская, лингби, красносельская, свидерская, позднемолодовская, шанкобинская, тау-бодракская, осокоровско-рогаликская и зимовниковская, памятники типа Рогалика VII (Леонова и др., 2006; Зализняк, 1998; Горелик, 2002; Манько, 2009). Проблема их таксономического статуса составляет отдельную задачу, но скорее всего это различия уровня археологических культур, поскольку все они основаны на сходной экономической базе, в основе которой лежит охота на лошадь (Горелик, 2002; Леонова и др., 2006). Их разнообразие свидетельствует об усилении миграционных процессов на рубеже эпох, которые прослеживаются на всей территории Восточной Европы.

Можно наметить определенную связь культурных образований с природными экосистемами: на севере культуры с черешковыми наконечниками стрел традиционно соотносятся с хозяйственно-культурным типом охотников на северного оленя, на юге, в лесостепной и степной зонах, доминируют культуры с поперечно-лезвийными наконечниками стрел — охотников на лошадь.

Е.А. Кошелева, Д.А. Субетто

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛАНДШАФТОВ И ИНИЦИАЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ ФЕННОСКАНДИИ В РАННЕМ ГОЛОЦЕНЕ

Фенноскандия — это обособленная северная часть Европы, ограниченная перешейками между Финским заливом, Ладожским и Онежским озерами и Белым морем, характеризующаяся общностью геологического строения и физико-географических условий. Формирование Балтийского бассейна происходило на фоне процессов отступления ледника, изостатического подъема территории и эвстатических изменений морского уровня. В Европе нет другой области, в которой бы настолько хорошо было представлено заселение человеком территории с мезолитического времени.

Совпадение по времени на границе позднего плейстоцена и голоцена (10 300¹⁴С л.н.) трех значительных палеогеографических событий — резкое потепление климата, спуск Балтийского ледникового озера и активизация вулканической деятельности — могут быть взаимосвязанными событиями, требующими дальнейшего внимательного изучения. Кроме этого происходит смена условий зональной дифференциации ландшафтов. Она ознаменовалась всеобщим потеплением и уменьшением континентальности климата, вызвавшим почти повсеместное распространение лесной растительности.

Вопрос о времени инициального заселения территории исследования до настоящего времени остается открытым. Как отмечают в своих работах зарубежные авторы (Bjerck, 1995; Bang-Anderson, 2003; Bergman et al., 2004; Zvelebil, 2008), первые области Фенноскандии, которые освобождаются от ледникового покрова, остаются необитаемыми в течение длительного периода. На основании радиоуглеродных датировок стоянок можно выделить два периода раннего голоцена, во время которых человек начал активно осваивать эту территорию.

Первым этапом стал позднепребореальный период (PB₂: 9300–10 000¹⁴С л.н.), в отложениях которого прослеживается увеличение содержания пыльцы кустарниковых видов берез, полыней и маревых. Это указывает на частичное восстановление перигляциального растительного комплекса и ухудшение климата, которое соответствует переславскому похолоданию, связываемому с выбросом из БЛО в Атлантику огромной массы холодной воды. Кроме этого ледниковый покров еще почти тысячу лет существовал в западной части Фенноскандии в районе Ботнического залива, что не могло не сказаться на природных условиях раннего голоцена: здесь долгое время сохранялись экстремально континентальные климатические условия. Около 9300–9500 л.н. пролив Иольдиевого моря в Нерке (Средняя Швеция) в результате изостатического подъема земной коры настолько обмелел, что на его месте образовалась так называемая река Свеа, по которой шел сток вод Балтийского бассейна. В связи с прекращением соединения с Мировым океаном Балтийский бассейн постепенно превратился в пресноводный водоем — Анцилово озеро.

В этот период шло активное заселение периферической части: побережья Норвегии с запада и территории Южной Финляндии и Приладожской Карелии с востока.

Второй этап соответствует бореальному периоду (9300–8000¹⁴C л.н.) — времени господства березовых и отчасти сосновых лесов и начала миграции широколиственных пород в северном направлении. Средние июльские температуры по своим значениям приблизились к современным показателям. Зональность палеорастительности проявлялась совершенно отчетливо, приближаясь к современной (Кошелева и др., 2008). Примерно по 62° 30' с.ш. проходила граница между северной и средней тайгой. В бассейнах Онежского и Ладожского озер господствовали сосновые и березово-сосновые леса.

В этот промежуток осваиваются в основном внутренние области, особенно территории Центральной и Северной Швеции по побережью Ботнического залива.

Статья подготовлена в рамках Международного полярного года: Международного проекта № 276 «Инициальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды» и проекта «Ладожское озеро: история развития и расселения человека» РФФИ 07–05–01115а.

T. Rankama, J. Kankaanpää

SUJALA, AN EARLY POST-SWIDERIAN SITE IN NORTHERN LAPLAND

The Sujala site in Utsjoki, northern Finnish Lapland, was discovered in 2002 and excavated in 2004–6. It consists of two small find areas some 200 m apart. The fully excavated southern area comprised a small dwelling floor with lithics, burnt bone, and wood charcoal, a small pit with similar content, and three clusters of lithic finds. The lithics consist of over 6500 artefacts made from a cherty material that was presumably obtained from neighboring Norwegian Finnmark, as well as roughly 100 artefacts of quartz and other lithic materials, all of which do not necessarily relate to the chert finds. The chert represents an advanced blade industry with a Post-Swiderian flavour, clearly different from the early “Komsa” (Phase 1) industry of the northern

Norwegian coast. Diagnostic traits of the Sujala lithics include thin, straight, parallel-edged blades produced with indirect percussion and pressure, the sectioning of blades by perpendicular rather than diagonal breaks, and tanged arrowpoints on blades made in the Post-Swiderian manner. The bone refuse is primarily wild reindeer (*Rangifer* sp.) but also includes a few bones of black-throated diver (*Gavia arctica*). Five radiocarbon dates suggest a date of c. 8300-8200 cal BC. The dates are the earliest from the inland area of Lapland so far. The use of a relatively “local” raw material and the absence of imported flint suggest that the Sujala people were not total newcomers. The retention of the sophisticated blade technology indicates that the voyage from the group’s original home area in the Post-Swiderian sphere must have been rapid, as raw materials suitable for reproducing the associated reduction techniques and forms (and thus for transmitting them to the next generation) are practically nonexistent in the intervening Fennoscandian Shield.

В.Я. Шумкин, Е.М. Колпаков, А.И. Мурашкин

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В 2008 г. исполнилось 80 лет профессионального археологического изучения Мурманской области РФ (географически Кольский полуостров). За эти годы усилиями четырех поколений отечественных археологов (А.В. Шмидт, Б.Ф. Земляков, Н.Н. Гурина, В.Я. Шумкин, Е.М. Колпаков, Л.Г. Шаяхметова, А.И. Мурашкин, А.Ю. Городилов и др.) было обнаружено и частично исследовано около 500 древних памятников. Наиболее интенсивно, планомерно, последовательно, результативно и ежегодно работы Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН проводятся с 1969 г.

Степень изученности региона в количественном отношении несколько отстает от результатов, полученных за последние 150–200 лет в соседних скандинавских странах и Карелии, но в качественных археологических позициях ситуация постепенно выравнивается.

Получены основательные свидетельства о непрерывном заселении региона за последние 10 тыс. лет. Признавая историческую ценность всех археологических объектов, необходимо выделить памятники, имеющие всемирно-историческое значение, волею судеб сохранившиеся на Кольской земле.

1. Единственный в Европейском Заполярье могильник на Б. Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря (3,5 тыс. л.н.) с уникальным по сохранности остеологическим материалом и богатейшим погребальным инвентарем.

2. Уникальные для Российского Евразийского Заполярья писаницы (рисованные изображения) на п-ове Рыбачий (8 тыс. л.н.).

3. Петроглифы (выбитые изображения) на р. Поной и Канозеро (5–1 тыс. л.н.) по разнообразию сюжетов и свидетельствам взаимных контактов древних культур заметно выделяются даже на фоне всемирно известных аналогичных памятников Скандинавии и Карелии.

4. Каменные лабиринты на побережье Баренцева и Белого морей (3–1 тыс. л.н.).

5. Поселения и жилища (7–2 тыс. л.н.) с хорошо сохранившейся органикой и конструктивными элементами — чрезвычайно редкими составляющими археологических памятников севера Европы.

6. Саамские культовые и хозяйственные объекты (1 тыс. до н.э. — XVII в. н.э), свидетельствующие о системе мировоззрения и адаптации аборигенного населения.

7. Средневековые памятники (800–300 л.н.) начала русского освоения северо-запада Заполярья.

Некоторые из этих памятников уже получили международную известность в широких научных кругах, другие еще ожидают подобной участи при возможности дальнейшего исследования: продолжение изучения наскальных изображений, Оленеостровского некрополя, лабиринтов, раскопки саамских (Ловозеро) и древнерусских (Терский берег) памятников, комплекса археологических объектов из 36 стоянок и поселений (более 150 жилищ от мезолита-до средневековья) в Завалишенской, Орловской и Опасовской губах на северном побережье Мурмана.

Имеющиеся уже сейчас коллекции и памятники (обогащенные результатами новых исследований) позволяют организацию про-

ведения разноплановых выставок регионального, федерального и международного уровня, проведение научных полевых экскурсий и семинаров. Одним из условий результативного выполнения работ и важным моментом следует признать продолжение многолетних успешных совместных полевых работ со скандинавскими (Норвегия, Швеция, Финляндия) археологами как на российской (Кольский п-ов), так и на их заполярных территориях, что не только взаимно обогащает методику и практику нашей науки, но и позволяет лучше понимать процессы заселения и освоения всего Севера Европы.

L. Janik

WEAVING THE PATTERN — CHRONOLOGY OF WHITE SEA CARVINGS REVISITED

The chronology of White Sea rock art was established almost forty years ago. Since then, new discoveries have been made of previously unknown compositions at Zolotec and New and Old Zalavrug. This paper will take a fresh look at these carvings, focusing on a new approach to chronology, establishing the relative chronology of particular locations and the chronological sequencing of particular compositions at Zalavrug. The paper will also consider relationships to other Mesolithic, Neolithic and Early Bronze Age rock art in Scandinavia, situating the White Sea rock carvings in the context of early North European art.

*А.В. Лудикова, Т.В. Сапелко, Д.Д. Кузнецов,
А.И. Мурашкин, Е. М. Колпаков*

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ УРОВНЯ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА В СВЯЗИ С ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ В РАЙОНЕ ОЛЕНЕОСТРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

К настоящему времени был проведен целый ряд палеогеографических исследований, в том числе в районе археологических памятников, приуроченных к древним береговым линиям, с це-

лью реконструкции изменений уровня Онежского озера в прошлом (напр., Девятова, 1984; Saarnisto, Vuorela, 2007). Однако корреляция полученных результатов осложняется тем, что разновозрастные береговые образования в настоящее время наблюдаются на различных высотных отметках. Это явилось следствием разнонаправленности новейших тектонических движений в северной и южной части Онежской котловины.

С целью уточнения имеющихся схем изменения палеоуровней Онежского озера нами были исследованы разрезы позднечетвертичных отложений острова Южного Оленьего и восточной части острова Большого Клименецкого, расположенных к югу от Заонежского полуострова.

Отложения, вскрытые в нижней части разреза торфяника на о. Б. Клименецком, формировались в условиях крупного приледникового бассейна, образовавшегося в котловине Онежского озера ок. 13000 л.н. Береговые линии этого палеоводоёма в настоящее время прослеживаются на абсолютных отметках 95–125 м в северной части Онежского озера и около 60 м на юго-западном берегу (район Шелтозера). Очевидно, в этот период острова Ю. Олений и Б. Клименецкий должны были находиться под водой. Образование р. Свирь около 9500 л.н. привело к быстрому спуску приледникового озера, о чем свидетельствует эрозионный характер контакта поздне- и послеледниковых отложений в разрезе о-ва Б. Клименецкого. Вероятно, в этот период происходили размыв позднеледниковых осадков на о-ве Ю. Оленьем и перемывание моренного материала, слагающего здесь чехол четвертичных отложений.

Состав диатомовых комплексов, изученных в разрезе о-ва Б. Клименецкий, позволяет предположительно датировать отложения следующего этапа бореальным временем. Береговые образования этого периода находятся на 48–53 м в районе Оров-Наволока и 47–39 м в районе Шелтозера. Следовательно, на значительной части о-ва Б. Клименецкого и, вероятно, на наиболее возвышенных участках о-ва Ю. Оленьего (45–48 м над у.м.) в это время устанавливаются субэральные условия.

Последующая регрессия привела к осушению еще больших территорий обоих островов и образованию мелководного зарастающего залива у восточного берега о-ва Б. Клименецкого. Уро-

вень Онежского озера в этот период, вероятно, был выше современного всего на 4–5 м. Корреляция с разрезами в районе Оров-Наволока позволяет предположить, что данный этап снижения уровня имел место около 4500 л.н. (Saarnisto, Vuorela, 2007).

Начало торфонакопления в восточной части о-ва Б. Клименецкого, зафиксированное в изученном разрезе, свидетельствует о дальнейшем понижении уровня Онежского озера до отметки 36 м над у.м. предположительно в середине — второй половине суббореала.

Г.Н. Поплевко

ДАнные ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕМНЕВЫХ ИЗДЕЛИЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЮЖНЫЙ ОЛЕНИЙ ОСТРОВ 2

В июле 2005 г. в ходе проведения разведки на Южном Оленьем острове Северо-Европейским Палеоантропологическим отрядом Музея антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера) под руководством В.И. Хартановича была открыта новая стоянка Южный Олений Остров 2. Коллекция находок со стоянки Южный Олений Остров 2 из раскопа 2006-го г. состоит из 2337 предметов, включая 2285 изделий из камня и 52 кальцинированные кости. Больше всего изделий из сланца, на втором месте — изделия из кремня: 569 отщепов, 144 пластины (включая пластины с ретушью и ретушью утилизации), 131 орудие, 6 нуклеусов и нуклевидных кусков — всего 850 экз.

Для трасологического исследования была представлена небольшая выборка материалов, включающая 96 экз. В основном это фрагменты и несколько целых кремневых пластинок, мелкие отщепы с ретушью, два сланцевых тесла, 3 отбойника и 2 абразива: один в виде узкой пластинки с просверленным отверстием, второй — плитка. Морфологически из кремневых изделий можно выделить скребки, один наконечник, острие. Кремневое сырье рассматриваемого региона значительно отличается от кремневых изделий из мелового кремня с гладкой блестящей поверхностью.

Рассматриваемая коллекция представляет собой микрозернистый перекристаллизованный кремнь из мелких галек, часто это

окремненные породы с включением кварца или других микрозернистых включений. Микрозернистость сырья способствует осаждению микрочастиц суглинка по поверхность кремня, что существенно затрудняет работу с материалом. Методика исследования данного сырья включает, прежде всего, тщательную обработку изделий разбавленным раствором HCl, таким образом, очищается поверхность изделий для дальнейшего исследования. Технологическими заготовками для кремневых орудий служили целые пластины — 8 экз., проксимальные — 21 экз., медиальные — 40 экз. и дистальные — 8 экз. части пластин и мелкие отщепы с ретушью — 12 экз. Трасологически было выявлено несколько групп орудий связанных с обработкой кости, рога, продуктов охоты и несколько изделий по обработке дерева.

Таблица 1

Распределение трасологически выделенных орудий

№ п/п	трасологически выделенные орудия	обработка кости, рога	обработка продуктов охоты	обработка дерева	обработка камня
1	скребки	7		1	
2	сверла	2+1(?)		1	
3	скобели	7			
4	строгальные ножи	4		1	
5	резчики	26			
6	резчики - скобели	5			
7	скобели-строгальные ножи	1			
8	строгальный нож-нож для мяса	(1)	1		
9	ножи для мяса		11		
10	наконечники стрел		2		
11	сланцевые тесла			2	
12	абразив	1			1
13	отбойники				3
	ИТОГО:	54+(1)	14	5	4

Общее количество предметов с микроследами в изученной выборке — 77 экз. и 19 экз. без следов. Несколько изделий имеют по два рабочих лезвия, встречаются и полифункциональное использование одной заготовки. С учетом всех рабочих лезвий об-

щее число орудий возрастает до 88 экз. Основной вывод можно сделать исходя из данных таб. 1.

Главную роль на стоянке играла обработка кости, рога, затем переработка продуктов охоты и обработка дерева. Необходимо отметить, что это пока предварительные результаты, т.к. коллекция огромная и включает изделия из кварца и сланца, которые пока не изучались. Исследование материалов будет продолжено, но выборка именно кремневых изделий большая, и, вероятно, существенных изменений по ним не будет. Отмечу только, что интенсивность сработанности рабочих лезвий на данной стоянке не сильно выражена. Только небольшое количество изделий имеет ярко выраженный комплекс микроследов. В сравнении с данными по материалам из кремня из мезолитической стоянки Южный Олений остров 1 (Оленеостровская), где на основной массе орудий была отмечена сильная интенсивность использования, здесь можно говорить о кратковременности использования. Дальнейшее исследование материалов коллекции скорректирует данные о наборе орудий и общие данные по обрабатываемым материалам.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08–01–00410а.

К.Э. Герман, И.В. Мельников

ПОСЕЛЕНИЯ МЕЗОЛИТА — РАННЕГО НЕОЛИТА ЮЖНОГО ЗАОНЕЖЬЯ (РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ)

В настоящий период времени на территории южного Заонежья известно 41 поселение мезолита — неолита: 22 мезолитических и четыре ранненеолитических. Памятники эпохи мезолита территориально и хронологически относятся к обонежской мезолитической культуре, а ранненеолитические — к культуре сперрингс. По расположению памятники делятся на две группы: материковые и островные. Большинство мезолитических поселений и памятников с керамикой сперрингс являются материковыми. Исключение составляют два мезолитических поселения на Южном

Оленьем Острове, материалы которых не рассматриваются в данной публикации.

Существует разделение материковых памятников мезолита — раннего неолита по расположению над современным уровнем Онежского озера. Мезолитические поселения располагаются на террасах, сложенных крупнозернистыми песками с мелкой и крупной галькой, сформировавшихся в конце бореального — начале атлантического периода с высотными отметками в диапазоне 9–11 м. Памятники с керамикой сперрингс занимают террасы, сложенные мелкозернистыми песками с мелкой галькой с высотными отметками 8–5 м, сформировавшиеся в начале — середине атлантического периода. Если мезолитические памятники отстоят от современного уреза Онежского озера на 1–3 км, то раннеэнеолитические — на 0,3–0,5 км.

Выделяется три вида мезолитических памятников.

1. Круглогодичные поселения с полуземляночными жилищами имеющие жилую площадь свыше 1000 кв. м с окрашенным в красно-коричневый цвет культурным слоем, остатками хозяйственных сооружений типа каменных кладок, очагов, кострищ и ям.

2. Сезонные поселения без жилищ, имеющие площадь до 1000 кв. м с окрашенным в коричневый или оранжевый цвет культурным слоем.

3. Сезонные летние и / или зимние промысловые становища и стоянки, имеющие площадь до 500 кв. м.

Выделяется два вида раннеэнеолитических памятников: круглогодичные поселения или места многократного использования, имеющие жилую площадь свыше 1000 кв. м с окрашенным в ярко-красный цвет культурным слоем, остатками хозяйственных сооружений типа каменных кладок, очагов, кострищ и ям и кратковременные поселения площадью 100–150 кв. м, представляющие собой сезонные рыболовные или охотничьи становища.

На мезолитических поселениях преобладают орудия и отходы из сланца. Сланец использовался для изготовления макроорудий для обработки дерева и рыболовных грузил. Также он использовался для шлифовальных плит, точильных брусков и пил. Широко использовалась техника двухсторонней обивки, пикетажа и длинного скола, а также шлифования и пиления. Степень утилизации сланца невелика и составляет в среднем 5 %.

Кварц был вторым по значимости базовым видом сырья. Из него изготавливали основную массу хозяйственно-бытовых режуще-колющих орудий: скребков, резцов, скобелей, сверл, долотовидных орудий. Все орудия на отщепках. Степень утилизации кварца выше, чем сланца, и составляет в среднем 8 %.

Лидиты широко распространены на территории Заонежья и использовались для изготовления хозяйственно-бытовых режуще-колющих орудий, а также орудий охоты. Все орудия на отщепках. Степень утилизации очень мала и составляет в среднем 2 %.

Кремень не имеет природных залежей на территории Заонежья и приходит с месторождений на южном берегу Онежского озера. Использовался для изготовления хозяйственно-бытовых режуще-колющих орудий, а также орудий охоты. Около 50 % орудий составляют ножевидные пластинки и их сечения. Степень утилизации достигает в среднем 65 %.

В каменном инвентаре раннеолитических памятников, по сравнению с мезолитическим периодом, происходят заметные изменения. В сланцевой индустрии появляются новые формы деревообрабатывающих орудий (топоров, тесел) и новые типы орудий и украшений, ранее неизвестных, таких как кирки, киркообразные орудия, сланцевые кольца и орнаменты для керамики. Мало распространена техника двухсторонней обивки, пикетажа и длинного скола, пиления не зафиксировано вообще. Степень утилизации сланца уменьшилась, по сравнению с мезолитом, в два раза и составила 2,5 %.

Кварц, по-прежнему, остается вторым по значимости базовым видом сырья. Набор орудий не изменяется, однако увеличиваются размеры и более тщательной становится техника ретуширования. Степень утилизации чуть больше и составляет 8,5 %.

Увеличивается количество орудий из лидита при уменьшении размеров изделий. Степень утилизации увеличилась, по сравнению с мезолитом, в три раза и составила 7 %.

В составе кремневого инвентаря отсутствуют ножевидные пластинки и их сечения, размеры возрастают. Однако степень утилизации, по сравнению с мезолитом, уменьшилась почти в три раза и составила 24 %.

В результате проведенного сравнения каменного инвентаря мезолитических и раннеолитических комплексов не выявлено четких

признаков преемственности между данными хронологическими периодами каменного века на территории южного Заонежья.

А.Ю. Тарасов

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ СЛАНЦЕВЫХ МАКРООРУДИЙ НА ОЛЕНЕОСТРОВСКОЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ

Оленеостровская мезолитическая стоянка, расположенная в непосредственной близости от Оленеостровского могильника и исследовавшаяся несколькими поколениями археологов (Гурина, 1956б, С. 423–429; Филатова, 1971; 2004; Панкрушев, 1978, С. 102–104), является одним из эталонных памятников для позднего мезолита бассейна Онежского озера. Одной из основных особенностей, отличающих комплекс этой стоянки, считается значительное количество связанных с изготовлением рубящих орудий (макроорудий) из сланца предметов, превышающее общее количество предметов, относящихся к другим категориям инвентаря. В связи с этим даже высказывалось мнение, что памятник является стоянкой-мастерской (Панкрушев, 1958), позднее поставленное под сомнение (Филатова, 1971).

Недавние исследования на памятнике, проведенные по современной методике, с использованием технологического и трасологического анализа каменного инвентаря, позволили утверждать, что на стоянке представлена разнообразная хозяйственная деятельность, не сводившаяся только к производству макроформ. Вместе с тем богатый технологический контекст индустрии макроформ, полученный со стоянки за все годы исследований, позволяет подробно реконструировать технологию производства макроорудий в позднем мезолите Южной Карелии.

Учтены коллекции из раскопок Г.А. Панкрушева 1955–1957 гг., В.Ф. Филатовой 1972 г., а также материалы из раскопа 2007 г. Всего к контексту макроорудий отнесены 6522 предмета, включая отщепы из сланца (в том числе со следами пиления), заготовки макроорудий (286 экз.), целые макроформы (топоры, тесла, желобчатые тесла, киркообразные орудия, стамески, фрагменты, всего 75 экз.) и сколы со шлифованных орудий. Таким

образом, представлены все этапы «жизненного цикла» рубящих инструментов, начиная от поиска сырья и заканчивая утилизацией сломанных предметов.

Главной причиной того, что данная индустрия приобрела на стоянке такое значение, является легкость добычи сырья, которое может быть в больших количествах собрано как в волноприбойной линии берега острова, так и непосредственно в почве. Сырье преимущественно невысокого качества, мягкое, хотя иногда встречаются изделия из высококачественного материала. При изготовлении орудий использовался ряд несложных приемов краевой обивки, в том числе грубая двусторонняя обработка, а также техника абразивного пиления. При расщеплении использовалась грубая техника скола, предполагавшая применение жесткого отбойника без предварительной подготовки зоны расщепления, и только эпизодически — мягкого отбойника, что сопровождалось и подготовкой зоны расщепления. Значительное количество ошибок и простота технологии свидетельствуют о том, что привлечение особо профессионального труда в рамках данной индустрии было маловероятно. Последовательность расщепления можно реконструировать как перманентную и конкретно-ситуационную.

Применение пиления отмечено на 41 % заготовок и готовых изделий, это максимальный показатель для всех стоянок каменного века в Карелии. Тем не менее предметы со следами пиления неравномерно распределены по площади памятника. Абсолютное их большинство происходит из раскопок Г.А. Панкрушева (111 экз.), в раскопе В.Ф. Филатовой 1972 г. и в раскопе 2007 г. такие предметы единичны. Очевидно, что раскопы Г.А. Панкрушева были заложены на таком участке, где в силу каких-то причин произошла концентрация именно пиленых изделий.

Изготовление орудия завершалось с помощью абразивной обработки, как правило, не очень тщательной и редко покрывавшей всю площадь изделия. Готовые предметы в основном не имеют строгой геометрической формы, отличаются небольшими размерами (обычно менее 10 см).

Наиболее вероятно, что орудия изготавливались в небольших количествах для нужд одного коллектива.

**ЕЩЕ РАЗ О СЛАНЦЕВЫХ «НОЖАХ»
ОЛЕНЕОСТРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА**

Раскопанный в 1936–1938 гг. Оленеостровский могильник на Онежском озере до сих пор является одним из самых ярких и крупных некрополей эпохи первобытности в Северной Европе. Благодаря прекрасным публикациям археологических и антропологических материалов памятника, осуществленных Н.Н. Гуриной (1956) и В.П. Якимовым (1960), они и по сей день представляют большой источниковедческих интерес.

Среди разнообразного погребального инвентаря оленеостровцев особую категорию составляют так называемые сланцевые «ножи». Их найдено 60 штук в 30-ти могилах, еще три обнаружены до раскопок в карьере. «Ножи» однообразны, изготовлены из крупных, но тонких пластин серого глинистого сланца, имеют в большей или меньшей степени удлинённую форму, чаще подтреугольную. Длина их колеблется от 12 до 24 см, ширина почти стабильна — 5,5–7 см, толщина не превышает 0,5 см. Поверхности «ножей» гладкие, у большинства шлифованы. Края тонкие, «но за небольшим исключением не острые, а в ряде случаев даже тупые» (Гурина, 1956). У всех на широких концах края по сверленому отверстию. И лишь один (из погребения 82) имел для привязи небольшой выступ-«пуговку».

Н.Н. Гурина, анализируя функциональное назначение этого типа изделий, пришла к заключению, что «он был совершенно не пригоден для выполнения таких, например, работ, как обтачивание дерева и тем более кости, разрезания мяса убитого животного и т.д.» (Там же). По ее мнению, эти «ножи» применялись исключительно при снятии шкур с убитых зверей, прежде всего медведя, на что якобы указывает совместное залегание их и подвесок из клыков медведя. Однако это предположение достаточно гипотетично и опровергается уже тем, что с помощью данных «ножей» вряд ли можно было освежевать животное, т.к. они, в силу слабых физических свойств глинистого сланца сразу же сломались бы. Они настолько хрупки, что даже не выдержали давления

грунта в могилах и оказались почти все раздавлены им на мелкие куски. По этой же причине их вряд ли следует рассматривать в качестве специальных скребков для выделки шкур и искать им параллели среди костяных орудий из тонких, но широких пластин.

Таким образом, сланцевые «ножи» оленеостровского типа функционально ни режущими, ни скребущими инструментами быть не могли. Тогда возникает вопрос, каково же их назначение?

Ответ на него, как нам кажется, дает анализ месторасположения их относительно скелета. Из 60-ти «ножей» в первоначальном положении зафиксировано 54 экз. в 28-ми могилах. (Анатомический порядок костяков 113 и 157 был нарушен, а в погребении 119 два «ножа» из пяти обнаружены в засыпке.) Более половины «ножей» (28) располагались возле черепа или под ним, еще 13 штук расчищено в непосредственной близости от черепной коробки — в районе плеч, главным образом с правой стороны. Остальные «ножи» (по 7 экз.) находились или среди костей грудной клетки, или в области таза. То есть расположение «ножей» по скелету было строго ограничено и приходилось на те части тела умершего (голова, грудь, живот), которые в древности наиболее часто «защищались» всевозможными украшениями.

Аналогичный «нож» в начале XXI в. был найден в погребении IV на мезолитическом могильнике Минуно II в Вологодской обл. Он расчищен близ правой плечевой кости (Суворов, 2008).

Другими словами, напрашивается вывод: «ножи» оленеостровского типа не что иное, как особая форма каменных подвесок, украшавших костюм погребенных наряду с подвесками из других материалов (Уткин, 1995).

Крепление «ножей» к одежде было, по-видимому, двояким. Те, что расчищены в области грудной клетки и таза, скорее всего, свободно подвешивались на шнурке. Те же, что обнаружены возле костей черепа, просто нашивались на головной убор. Носить эти украшения в повседневной жизни было неудобно и нерационально. Они, вероятнее всего, являлись элементами парадной одежды или, возможно, изготавливались даже специально для совершения погребального обряда. По крайней мере, на эту мысль наводят не только размеры «ножей», но и отсутствие в большинстве случаев по краям отверстий следов протертости, обычно характерных для подвесок при длительной носке.

На неординарную роль «ножей» в системе украшений костюма указывает и их связь с социальным положением погребенных. 18 оленеостровских погребений из 23-х, половозрастной состав которых точно диагностирован, принадлежали мужчинам. При них найдено в общей сложности 70 % всех «ножей» (по 1–5 экз.). Эти погребенные выделялись среди прочих обилием разнообразного инвентаря и имели при жизни в коллективе, очевидно, особый статус. По крайней мере, о двух индивидуумах — из группового захоронения 55–56–57 и вертикальной могилы 100 — это можно утверждать с полной уверенностью. С женскими костяками «ножи» зафиксированы лишь в четырех случаях, в одном случае — с ребенком, у семи скелетов взрослых субъектов пол не определен. Женским являлось и четвертое мининское захоронение.

Единичность находок оленеостровских «ножей» на поселенческих памятниках эпохи мезолита по берегам Онежского озера (13 экз.) и на смежных территориях (Березовая Слободка II–III на Сухоне) опять-таки косвенно свидетельствует, что эти предметы не имели хозяйственного назначения, а являлись также подвесками. Сошлемся на мнение В.Ф. Филатовой (2006), которая видит в них «погребальные атрибуты специального назначения».

K. Nordqvist, O. Seitsonen

**CHRONOLOGY OF THE MULTI-LAYERED STONE AGE
AND EARLY METAL PERIOD SITE PYHÄJÄRVI KUNNIANNIEMI
(RU. КОМСОМОЛ'СКОЕ 3), KARELIAN ISTHMUS, RUSSIA**

Since 2005 “*Lake Pyhäjärvi — Ozero Otradnoe*” — project has studied the archaeology and palaeoenvironment of the former municipality of Pyhäjärvi (Vpl.) (Ru. Plodovoe) in the Karelian Isthmus, NW Russia. The project is part of the long-term research co-operation of the Department of Archaeology, University of Helsinki and the researchers of Russian Academy of Sciences. Research within the project has concentrated on the Stone Age and Early Metal Period of the Lake Pyhäjärvi microregion in the eastern Karelian Isthmus, and the results have already fundamentally changed the image of prehistory of this previously archaeologically little known area.

In recent years several Stone Age sites submerged by the palaeo-transgressions of Lake Ladoga and Gulf of Finland have been located at various places in the Karelian Isthmus. The most extreme example of this was encountered at the site Pyhäjärvi Kunnianniemi (Ru. Kom-somol'skoe 3). Kunnianniemi site was found in 2005, and excavated in the two subsequent field seasons. Excavations revealed a multi-layered site with nearly three meters thick cultural deposits, interlayered by transgression layers connected to the various stages of Lake Ladoga.

Chronology of the site has been clarified with analyses of find material and with nine radiocarbon dates sampled from the different cultural layers. Also palaeoenvironmental studies have been carried out. It is suggested that the occupational sequence of the site covers the period from the Late Mesolithic, ca. 6000 cal BC, to the Early Metal Period, to the fourth century AD. What makes the site even more significant is that the succeeding four cultural layers have always been sealed by the intervening transgressive episodes. The rapid transgressions have also provided unexpectedly good organic preservation at the site. Accordingly, the find contexts are discrete and an excellent stratigraphic control is achieved, which has been missing from many of the other known multi-layered sites in the Karelian Isthmus.

А.В. Волокитин

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЗОЛИТА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

В настоящее время с учетом новых данных можно представить следующую картину развития мезолита европейского Северо-востока (ЕСВ). Постоянное население на данной территории на протяжении эпохи мезолита, как и последующей, отсутствовало. Сюда проникали небольшие группы населения с территорий, находящихся на западе, юго-западе (Волго-окское междуречье и др.) и с территории, находящейся на юге (Прикамье). Выделенные на ЕСВ мезолитические культуры имеют очень высокую степень сходства с таковыми в означенных регионах (например,

парчевская и бутовская культуры, средневычегодская и камская мезолитическая культуры).

Эти культуры и культурные общности, выявляемые на основе их сходства, в известной степени носят условный (служебный) характер, так как не обладают существенным признаком — распространением на единой в культурном отношении территории. Поэтому предлагается выделение на ЕСВ, а возможно и на всем европейском Севере России, двух традиций — западной и приуральской.

К первой из них относятся парчевская культура (стоянки Парч 1, 2 и некоторые другие), представляющая раннюю стадию развития традиции, и более поздняя топыднуровская (стоянки Топыд-Нюр 5, 7, Черта 2), а также Висский 1 торфяник. Очевидны аналогии с бутовской культурой Волго-окского междуречья, особенно на ранней стадии.

Приуральскую традицию составляют средневычегодская культура (по Г.М. Бурову — стоянки Ульяново, Курьядор 1, Пезмог 1), памятники типа Евдино р. Вынь (по Л.Л. Косинской) и Лек-Леса 1 и другие на р. Ижма. Они имеют высокую степень сходства с «камским мезолитом», камской мезолитической культурой (по О.Н. Бадеру), а также мезолитом среднего Зауралья. Стоянка Лек-Леса имеет дату — 9010 \pm 70 ЛЕ-3607 (Волокитин, 2005).

Особо следует отметить мезолитический памятник Пезмогты 6, исследованный в 2007–2008 гг. Он, бесспорно, относится к средневычегодской культуре, для которой характерны присутствие карандашевидных нуклеусов, камский тип распределения пластин по ширине, ограниченный набор орудийных форм при отсутствии наконечников стрел, обилие специфических орудий, так называемых долотец.

Вместе с тем это первый памятник с такой индустрией, исследованный после полувекового перерыва с использованием новейших методик. Сравнение коллекций, полученных Г.М. Буровым, и нового памятника, позволит решить некоторые проблемы, связанные с генезисом и хронологией средневычегодской культуры.

Помимо этих двух традиций в регионе исследованы памятники, в материалах которых сочетаются их черты, то есть на технологическую основу приуральской традиции наложен орудийный

набор западной традиции. Наиболее показательны в этом отношении стоянки Чердыб 1 и 2, исследованные в 2003–2005, 2007 гг. на верхней Вычегде. Дата чердыбских материалов по углю — 7520 ± 90 ; 7460 ± 70 ГИН 13357–13358 (Волокитин, Зарецкая, 2006).

Вероятно, стоит предположить, что «смешение» традиций в регионе произошло на заключительной стадии мезолита. Стоянки, сходные с чердыбскими, были распространены достаточно широко. Это стоянки типа Ветью на Выми, а также Филичаевские 1–5 стоянки на Северной Двине. Среди последних наиболее представительна стоянка Филичаевская 5. Ее инвентарь сравнивается со средневычегодской и сухонской культурами одновременно (Верещагина, 1996). Сухонская же культура, как известно, сопоставляется с бутовской культурой. Стоит предположить, что такие материалы представлены на некоторых стоянках Прикамья (водораздельные озера), Камско-Вятского региона, а также в култинской культуре Волго-окского междуречья.

А.Ф. Мельничук

**ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДРЕВНИХ ОБЩИН
СРЕДНЕГО ПРИУРАЛЬЯ С НАСЕЛЕНИЕМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ НА ГРАНИ ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА —
РАННЕГО ГОЛОЦЕНА**

В позднеледниковую эпоху на территории Русской равнины существенные климатические изменения повлекли за собой перестройку ландшафтной и природной обстановки, что сказалось серьезным образом на характере материальной культуры древних охотников. Это нашло отражение в формировании в период позднеледниковья своеобразных культур Восточно-европейской равнины, носители которых, развивая традиционную позднеледниковую резцовую технику, создают новые виды метательного вооружения (наконечники стрел на пластинах, трапеции). Сходные процессы протекали и на окраине Русской равнины в Волго-Камье (усть-камская культура) и Пермском Приуралье.

Несмотря на особенности материальной культуры финально-палеолитических памятников Пермского Приуралья, обусловлен-

ных более сложным рельефом этого региона и наличием характерной сырьевой базой для производства каменных орудий, в целом ее формы развития органично связаны с позднепалеолитическими культурами Восточной Европы, обладающими развитой техникой ретушного усечения пластин и высоким уровнем разнообразных резцов в орудийном наборе. Новейшие материалы по финальному палеолиту камско-приуральского региона позволяют полагать, что памятники рубежа позднего плейстоцена — раннего голоцена Волго-Камья и Пермского Приуралья, находясь на окраине Русской равнины, формировали своеобразный район или провинцию обитания древних охотников на северных оленей, общины которых генетически тяготели к финальнопалеолитическим культурам Восточной и Центральной Европы.

Поиск истоков культуры древних охотников Пермского Приуралья периода позднеледниковья в области Западной Сибири (П.Ю. Павлов) пока представляется необоснованным. Позднеледнитическими памятники этого региона (Черноозерье II, Гари), если и обладают общими технико-типологическими чертами, близкими к финальнопалеолитическим комплексам Пермского Приуралья, то только по стандартным формам орудий, не играющих культуроопределяющей роли при технико-типологическом анализе. Яркие признаки финальнопалеолитических комплексов Пермского Приуралья (техника выемчатого усечения пластин, разнообразные резцы, острия, трапеции, кварцитовые унифасиальные топоры и тесла с выемками) отсутствуют в материалах зауральских стоянок поздней поры верхнего палеолита.

В настоящее время материалы усть-камской культуры привлекли внимание исследователей, занимающихся проблема финального палеолита центральной части Восточной Европы, в частности А.Н. Сорокина. Нам при изучении проблем культуры древнего населения финального палеолита Волго-Камья наиболее импонируют взгляды этого исследователя на историко-культурную ситуацию в ареале Восточно-европейской равнины в конце позднеледникового периода. По его определению, «сходство иеневских и усть-камских материалов столь существенна, что следует говорить, вероятно, о большей их близости, чем просто традиционная “единая генетическая подоснова”» (Сорокин, 2006, С. 71).

Иневская и усть-камская культуры, как и другие культурные образования Восточной Европы периода позднеледниковья, по А.Н. Сорокину, могут составлять «единую историко-культурную общность, которая вместе со скандинавскими культурами фосна и комса входит в постаренбургскую общность» (Там же). В этой связи памятники заключительного периода позднеледниковья Пермского Приуралья, наиболее близкие к усть-камским, в материалах, где явно проявляются черты памятников финального палеолита центральных областей Восточной Европы (отдельные наконечники стрел свидерского и аренбургского облика, серия унифасиальных топоров и тесел с перехватом) в культурном плане явно будут тяготеть к конструируемой постаренбургской общности.

В то же время нам представляется, что генезис приуральских памятников рубежа палеолита и мезолита достаточно сложен, так как на территории Пермского Приуралья имеется целый пласт стоянок поздней поры верхнего палеолита, культурные традиции которых не могли не найти отражения в памятниках заключительной стадии позднеледниковой эпохи.

Л.С. Андрианова

СТОЯНКА БЕРЕЗОВАЯ СЛОБОДКА-4 НА НИЖНЕЙ СУХОНЕ

Памятники мезолита на нижней Сухоне — крупнейшей реке Вологодской области — начали изучаться сравнительно недавно, хотя первые сборы мезолитического инвентаря были сделаны еще в начале XX в. земским врачом К.А. Линовским. В 1940-е годы несколько местонахождений среднекаменного века обнаружил М.Я. Рудинский, причем некоторые пункты с находками орудий архаичного облика были им интерпретированы как палеолитические (Нюксеница, Наволоки, Кобыла). Спустя 30 лет С.В. Ошибкиной обнаружено два новых памятника эпохи мезолита — стоянки Березовая Слободка на левом берегу Сухоны и Норово на правом берегу р. Городищны, недалеко от ее впадения в Сухону. Материалы последней стоянки — патинированные от-

щепы, крупный резец на отщепе архаичного облика — позволили говорить о раннемезолитическом возрасте памятника.

Интенсивная работа по выявлению археологических памятников на нижней Сухоне велась в конце 1980 — 1990-х годов (экспедиции И.Ф. Никитинского, С.Ю. Васильева, М.В. Иванищевой, Л.С. Андриановой), благодаря чему в данном регионе выявлено более 30 стоянок эпохи мезолита; раскопками исследовано пять памятников: Енангск–1 (222 кв. м), Березовая Слободка–10 (60 кв. м), Побоищное–1 (163 кв. м), Березовая Слободка–4 (116 кв. м), а также мезолитические напластования на многослойном поселении Березовая Слободка–2, 3 (460 кв. м).

Материалы изученных стоянок различаются между собой, что позволяет говорить о нескольких культурных традициях (приуральской, западной), связанных с областями, откуда шло заселение данной территории.

Стоянка Березовая Слободка–4 находится в Нюксенском районе Вологодской области и располагается на 22-метровой боровой террасе левого берега реки Сухоны, справа от впадения в нее реки Уфтюги. Примерная площадь памятника 1000 кв. м, средняя толщина культурного слоя 0,5 м; в ямах и западинах до 0,7–0,9 м. В ходе раскопок 1996–1997, 2007 гг. обнаружено более 7000 изделий из кремня и сланца.

Нуклеусы (70) представлены ядрищами с негативами от снятия пластин и отщепов. Для производства пластин использовались одноплощадочные (конусовидные или слегка уплощенные, близкие килевидным) или двухплощадочные (призматические со встречным скалыванием) нуклеусы; для получения отщепов служили многоплощадочные нуклеусы (по мере срабатывания ударная площадка менялась, а само изделие приобретало аморфную форму). Преобладают нуклеусы торцевого типа, что, по всей видимости, связано с размерами, формой и качеством исходного сырья — мелкими кремневыми плитками и уплощенными желваками. На многих нуклеусах прослеживаются следы поперечной подтепки с тыльной стороны, с целью уплощения ядрища.

Значительная часть нуклеусов находится в стадии «полного истощения» (размеры от 2 до 3,5 см). Морфологически выраженные орудия представлены вкладышами в виде прямоугольных пластинок с мелкой ретушью или следами утилизации, пластина-

ми с ретушью (58), скребками на отщепах (41), остриями на дистальных окончаниях пластин (6), проколками с подработанным жалцем (2), угловыми резцами на пластинах и отщепах (19), единичными скреблами, скобелями, отбойниками, а также выразительной серией сланцевых рубящих орудий (19).

Выделяются три ножа-скобеля на длинных ножевидных пластинах, тщательно обработанных крупнофасеточной вентральной ретушью. Трасологический анализ показал широкое использование пластин и отщепов без вторичной подработки в качестве ножей, пилок, резцов, проколов.

В целом орудийный набор Березовой Слободки–4 типичен для мезолитических стоянок: вкладыши, пластины с ретушью, резцы, скребки, проколки, острия, рубящие орудия. Кремневую индустрию памятника можно охарактеризовать как пластинчато-отщеповую, на что указывает довольно высокий процент пластинчатых заготовок и изделий из пластин. Пластины в основном использовались для изготовления вкладышевых орудий и перфораторов, в то же время некоторые категории орудий делали исключительно (скребки) или зачастую из отщепов (резцы). Для Березовой Слободки–4 характерно широкое использование сланцевого сырья: за единственным исключением все рубящие орудия сделаны из сланца.

Планиграфический анализ указывает на определенные различия в характере и распределении материала на различных участках памятника. Для северной части стоянки характерно малое количество нуклеусов и готовых форм. В центральной части орудийный набор заметно иной: найдена большая серия скребков на отщепах, угловые резцы на правильных пластинах и отщепах, сланцевые орудия, множество нуклеусов и правильных ножевидных пластин, причем более 70 % — микропластины. Аналогичный инвентарь обнаружен в южной части стоянки, но есть некоторые особенности: выявлена серия симметричных и скошенных острий, резко уменьшилось число резцов и правильных ножевидных пластин.

Подобные различия в инвентаре можно связать со спецификой хозяйственной деятельности на том или ином участке древнего поселения, но возможно, что накопление культурных остатков носило дискретный (прерывистый) характер и происходило во

время посещений данного места различными группами населения.

Следует отметить, что Березовая Слободка–4 заметно выделяется среди мезолитических стоянок сухонского бассейна: отсутствие правильных конических и карандашевидных нуклеусов, иволистных наконечников, большое количество орудий на отщепе, широкое использование сланцевого сырья резко отличает ее от стоянок сухонской мезолитической культуры. В то же время вряд ли можно соотнести Березовую Слободку–4 с памятниками приуральской традиции (типа Побойщное–1) с ярко выраженной пластинчатой индустрией.

Можно предположить, что Березовая Слободка–4 является одним из наиболее ранних мезолитических памятников в данном регионе. Расположенная на высоте 22 м, она резко доминирует над другими мезолитическими стоянками этой местности, высота которых над уровнем воды не более 10 м. Расположение памятника на столь высокой террасе говорит о необычайно высоком стоянии воды в период ее существования.

Ранний возраст памятника подтверждают два орудия, имеющие значительное сходство с патинированными изделиями со стоянки Норово: архаичный срединный резец на крупном отщепе и скребло на массивном патинированном отщепе. Обе находки происходят из северной части памятника, где прослеживаются следы древней ложбины.

Дальнейшее изучение мезолитических стоянок на нижней Сухоне и возможное выявление аналогичных памятников позволит более точно интерпретировать материалы Березовой Слободки–4 и выяснить культурно-хронологическую принадлежность памятника.

Н.В. Косорукова, Н.Б. Васильева

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА САЗОНОВО 9 НА РЕКЕ РАТЦЕ

Изучение мезолита Центральной части Европейского Севера началось в 40–50-х годах XX в. с исследований А.Я. Брюсова (Брюсов, 1961, С. 157). Последующее изучение мезолитических

памятников региона производилось С.В. Ошибкиной, Н.В. Косоруковой, М.В. Иванищевой, Л.С. Андриановой, Н.Г. Недомолкиной. В итоге многолетних исследований создана хронология мезолитических памятников, определены пути заселения региона.

В данной статье рассматривается стоянка, расположенная в Молого-шекснинском междуречье. Молога и Шексна являются притоками Волги, т.о. регион относится к Волжскому бассейну. В Молого-шекснинском междуречье за последние два десятилетия работами под руководством Н.В. Косоруковой выявлено порядка 60 памятников мезолитического периода. По характеру каменной индустрии они подразделяются на два типа: с пластинчатой индустрией (типа Лотовой Горы) и с отщепово-пластинчатой (типа Андозеро-М) (Косорукова, 2000, С. 92.).

Анализ каменной индустрии привел Н.В. Косорукову к выводу о том, что памятники типа Лотовой Горы предшествуют памятникам типа Андозеро-М. Трансформация каменной индустрии заключается в постепенном уменьшении пластинчатости комплексов каменных изделий. (Косорукова, 1997, С. 18–19).

Комплексные исследования ряда мезолитических памятников Молого-шекснинского междуречья, проведенные в последнее время Н.Б. Васильевой, основывались на трасологическом изучении каменных изделий комплексов. Для памятников определялся функциональный тип, в основе чего лежало соотношение изделий, задействованных в различных хозяйственно-бытовых операциях (Васильева, 2008, С. 23–28). В итоге в Молого-шекснинском междуречье выделены неспециализированные поселения (кратковременные и относительно долговременные) и периодически посещаемая стоянка-мастерская Лиственка 8.

В характеристике новой мезолитической стоянки Сазоново 9 ставилась задача выявления функционального типа памятника на основе комплексного исследования, включающего трасологическое определение каменных изделий, технологический и планиграфический анализы.

Стоянка Сазоново 9 находится в Чагодощенском районе Вологодской области на правом берегу реки Ратцы (приток реки Песь, бассейн реки Мологи). Памятник располагается в 500 м юго-западнее пос. Сазоново, в 300 м ниже по течению от железнодорож-

ного моста через Ратцу. Высота над уровнем воды составляет 4 м. Стоянка занимает краевой и мысовой участок боровой террасы, которая на данном участке выходит непосредственно к берегу.

Раскопками под руководством Н.В. Косоруковой в 2000 г. вскрыта площадь 52 кв. м. Раскоп полностью оконтурил скопление находок размерами 5 x 8 м.

Для изготовления каменных орудий обитатели стоянки использовали две разновидности каменного сырья: риолит и кремнь (определение В.И. Чернышова, департамент природных ресурсов и охраны окружающей среды Вологодской области, Вологда). По своим «внешним» данным эти породы камня очень похожи. Риолиты — эффузивные горные породы порфировой структуры гранитного состава. Структура основной массы стекловидная, часто наблюдается тонкая полосчатость. Риолиты не являются характерными для обломочных пород Чагодошенского района. Вполне вероятно, что это сырье является приносным.

Общий состав коллекции насчитывает 2321 экз. Среди них основную часть составляют отщепы и обломки кремня и риолита: 1847 экз. В орудийный набор (474 экз.) включены ножевидные пластины, микропластины с притупленным краем, скребки на пластинах (3 экз.) и отщепях (5 экз.).

Ножевидные пластины по большей части неправильных очертаний. Нуклеусы — 15 экз.: конусовидные — 6 экз., подпризматические — 7 экз., килевидные — 2 экз. По наличию серии микропластин с притупленным краем автор раскопок датирует стоянку началом бореального периода.

Трасологический анализ показал, что на стоянке выполнялись различные виды работ по различным природным материалам. Изделия со следами изношенности составляют незначительную часть коллекции.

Средняя плотность распределения находок по площади раскопа составляет 44 экз. на кв. м. Это довольно высокий показатель по сравнению с остальными стоянками Молого-шекснинского междуречья, свидетельствующий об интенсивной деятельности по обработке каменного сырья.

Планиграфически на стоянке выделяется место, где производилась обработка каменного сырья. В центральной части раскопа зафиксировано скопление нуклеусов и отходов каменного произ-

водства. Технологический анализ позволил выявить основные черты пластинчатого производства на стоянке. Для пренуклеусов подбирались уплощенные отдельности риолита, реже — кремня. Чаще всего они подвергались минимальной обработке, так как изначально подбирались отдельности с ровными сторонами. Семь нуклеусов срабатывались по торцевому принципу, еще восемь имеют широкий выпуклый или слабовыпуклый фронт расщепления.

Все ядрища правильной огранки, со следами снятий узких и микропластин. Для подправки ударных площадок нуклеусов определены такие способы подработки, как подготовка одним широким снятием, дополнительное ретуширование края и пришлифовка карниза нуклеуса.

В итоге можно сделать вывод о том, что памятник Сазоново 9 является кратковременной стоянкой, основной вид деятельности на которой был связан с обработкой каменного сырья. Целью производства были ножевидные пластины. Уровень микропластинчатости на стоянке довольно высок по сравнению с другими памятниками региона.

Трасологический анализ позволил дополнить эту характеристику сведениями о проведении на стоянке ряда хозяйственно-бытовых операций: обработке шкур, разделке охотничьей добычи, обработке дерева и кости. Кратковременная стоянка-мастерская по производству пластинчатых заготовок с технологией, основанной на использовании риолита, выявлена в регионе впервые.

I. Zagorska

THE ROLE OF ZVEJNIEKI ARCHAEOLOGICAL COMPLEX IN THE CHRONOLOGY OF THE EAST BALTIC STONE AGE

Stone Age chronology in the Eastern Baltic is rapidly developing and improving during last decades. Important role in this process belong to Zvejnieki archaeological complex, North-Eastern Latvia.

Zvejnieki burial ground is one of the largest of its kind in Northern Europe, consisting of more than 300 burials. This complex is distinguished also by its extended use, covering millennia.

The typological chronology of the burials is confirmed by more than 50 radiocarbon dates, taken from human bones as well as from animal and fish remains.

The radiocarbon dates for the Stone Age burial ground confirm that the cemetery was in use for several millennia — from cal 7480-7290 BC up to 2890–2620 BC. These data extend the previously known time of existence of the burial ground by more than a millennium as well as show more clearly the limits of different stages in the development of the Stone Age society.

The newly obtained dates allow characterise main stages in the formation of burial ground and provides a basis for further comparative interdisciplinary studies of the burial practices and traditions of the North European Stone Age communities.

О.А. Дружинина

**ЗАСЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ПРИБАЛТИКИ НА РУБЕЖЕ ПЛЕЙСТОЦЕНА И ГОЛОЦЕНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

На карте каменного века Европы Юго-Восточная Прибалтика (территория современной Калининградской области РФ) выделяется как один из наименее изученных регионов. Накопление фактической базы археологических данных, связанных с периодами каменного века, в Калининградской области в силу ее специфической исторической судьбы происходило чрезвычайно медленно. К настоящему времени мы располагаем незначительным по объему археологическим материалом, представленным двумя условно разделяемыми видами: находками костяных и роговых орудий, обнаруженных преимущественно при мелиоративных работах в довоенный период, впоследствии частично утраченными; материалами памятников кремневой индустрии, обнаруженных Н.Н. Гуриной (1949, 1961 гг.), В.И. Тимофеевым (1969–1989 гг.), а также в процессе современных исследований.

На сегодняшний день не разработана целостная, непротиворечивая картина появления и развития человеческого общества на рассматриваемой территории, однако имеющийся археологический материал, данные палеогеографии и анализ поселенческой

ситуации прилегающих районов Польши и Литвы позволяют сделать некоторые предварительные выводы.

Впервые возможность освоения территории Калининградской области появилась у первобытных людей в конце раннего дриаса (14–13 тыс. л.н.), что было связано со значительным смягчением климатических условий и освобождением этого пространства от ледникового покрова. Основываясь на материалах памятников Никольское I–V, Рядино II, V (нижнее течение р. Шешупе), допустимо высказать предположение о принадлежности первобытного населения региона культурам бромме, аренсбург.

Открытые в Калининградской области памятники мезолита более многочисленны. Большинство из них также находится в бассейне р. Шешупе. Наиболее изученными следует назвать стоянки Тушино III, IV, «пункт 39», Ливенское I, III, IV (IIIa), Тальники. Мезолитические комплексы представлены материалами, близкими выделенной Р. Римантене неманской мезолитической культуре Литвы; на ряде памятников обнаружены острия и накопечники яниславицкого типа. В Калининградской области известно также несколько десятков мезолитических находок из кости и рога, в отношении которых трудно определить культурную принадлежность.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (Проект 09–06–00150).

И.Н. Сходнов

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА ВИШТЫНЕЦКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ
(Калининградская область)**

Предварительные исследования позволяют предположить, что следы древнейшего населения региона следует искать в пределах Виштынецкой холмисто-моренной возвышенности, освободившейся от ледникового покрова около 14 тыс. л.н. Этот крупнейший геоморфологический район располагается на юго-востоке Калининградской области, являясь отрогом Балтийской гряды, выделяясь в ней как угловое звено, образовавшееся в зоне контакта двух ледниковых лопастей. Множество удобных для стоянок мест, выходы мо-

ренных отложений с желваками кремня, близость источников питьевой воды, богатые рыбой озера, а также дичью лесотундровые и лесные ландшафты должны были способствовать активному освоению Виштынецкой возвышенности.

Этот вывод подтверждают находки изделий из кости и рога, упоминаемые восточно-прускими археологами (впоследствии утраченные), а также найденные местными краеведами и туристами многочисленные кремневые орудия.

Известные на сегодняшний день памятники каменного века в пределах исследуемой территории открыты на берегах крупнейшего внутреннего водоема Виштынецкой возвышенности и всей Калининградской области — Виштынецкого озера. В 1974 и в 1981 гг. работы здесь проводились руководителем Калининградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР В.И. Тимофеевым. В результате на западном и северо-западном берегу озера удалось обнаружить несколько местонахождений кремневого инвентаря, датируемых мезолитом — ранним неолитом, а также провести раскопки стоянки Виштынецкая I, отнесенной В.И. Тимофеевым к раннему неолиту (Тимофеев, 1981, С. 2–4).

Схожие со стоянкой Виштынецкая I материалы были получены разведочными работами РГУ им. И. Канта в 2006 г., но уже по берегам озера Камышовое, расположенного в 6 км на юго-запад от озера Виштынецкое. Было обнаружено два местонахождения: одно на северном берегу озера, другое на юго-западном. Неподалеку от стоянки Виштынецкая I была выявлена еще одна стоянка Виштынецкая III, предварительно датированная мезолитом. На стоянке произведена шурфовка, в результате которой удалось выявить наличие не потревоженного культурного слоя с находками изделий из кремня. Помимо этого на берегах Виштынецкого озера выявлено еще два местонахождения отходов кремневого производства. В настоящее время археологические исследования объектов палеогидросети Виштынецкой возвышенности продолжаются.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 09–06–00150).

**О ПРОБЛЕМАХ СОПОСТАВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ
ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА
(НА ПРИМЕРЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО
ПОСЕЛЕНИЯ БОРОВКА)**

Проблемы поисков аналогий для верхнепалеолитических памятников давно заинтересовали множество исследователей, что в свою очередь вызывало немало споров и дискуссий. Выделялось множество археологических культур, выдвигались теории об их происхождении и эволюции. На счет последнего хотелось поговорить более детально, а конкретней — вернуться к публикации В.Ф. Копытина мезолитического поселения Боровка (Копытин, 2000).

Стоянка Боровка расположена на правом берегу р. Днепр, в 24 км к югу от г. Могилев, на второй надпойменной террасе. Кремневый инвентарь представлен более 50 тыс. экземпляров, как различных орудий, так и отходов производства. Данный памятник относится к гренской культуре и датируется В.Ф. Копытиным ранним этапом финального палеолита Верхнего Поднепровья (Там же, С. 7, 18).

В.Ф. Копытин в своей работе проводит аналогии между Боровкой и верхнепалеолитическим поселением Мезин. Автор говорит об эволюции последнего в финальном палеолите, что нашло проявление на кремневом инвентаре стоянки Боровка. В.Ф. Копытин предлагает сводную сравнительную таблицу кремневого инвентаря Мезина и Боровки (Там же, С. 115–129). Необходимо отметить, что В.Ф. Копытин использовал для сравнения монографию И.Г. Шовкопляса по Мезинской стоянке (Шовкопляс, 1965).

На наш взгляд, некорректно проводить подобные аналогии и делать выводы об неких эволюционных процессах по многим причинам. Во-первых, достаточно велик хронологический период, разделяющий данные памятники (Зализняк, 1989, С. 138). Как известно, Мезинская стоянка датируется 19 тыс. л.н., а предлагаемый аналог — финальным палеолитом. Во-вторых, В.Ф. Копытин провел полностью некорректное сопоставление кремневого инвентаря обоих памятников. Не имея достаточной

информационной базы, В.Ф. Копытин просто в качестве аналогий подставлял похожие вещи из Боровки. Кроме того, не было проведено сопоставления технологий расщепления кремня, направленности в изготовлении заготовок. Необходимо добавить, что в последнее время В.А. Манько и автором был пересмотрен кремневый материал мезинской коллекции, что дает возможность говорить более детально о кремневом комплексе данной стоянки.

В-третьих, сопоставимые памятники имеют разную хозяйственно-бытовую принадлежность. Разные климатические условия проживания населения данных памятников обусловили и разную хозяйственную направленность. Жители мезинской стоянки — охотники на мамонтов, жители Боровки — на северного оленя. Это, в свою очередь, обусловило разнонаправленность в изготовлении орудий. Необходимо отметить, что сходство некоторых категорий орудий (например, концевых скребков, проколов и т.д.) говорит не о каких-либо трансформациях, а об устойчивом орудийном наборе еще с верхнего палеолита.

А.В. Колосов

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО БУТОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ В БАССЕЙНЕ Р. СОЖ

В последние годы в бассейне р. Сож (левый приток Днепра) стало очевидным присутствие памятников бутовской культуры — явления, широко представленного в мезолите Волгоокского междуречья. Начало изучения бутовских древностей в Посожье связано с работами К.М. Поликарповича в середине — конце 1920-х годов. Свое научное обоснование культура получила в результате работ В.Ф. Копытина, О.Л. Липницкой и автора статьи.

Среди посожских памятников бутовской культуры в настоящее время следует указать стоянки Дедня, Криничная, Рудня-1 (Климовичский р-н), Коробчино, Горки, Гренск, Однополье, Пролетарский (ур. Попово). Отдельные из них исследованы путем раскопок — Дедня (408 кв. м) и Криничная (406 кв. м); остальные происходят из разновременных комплексов, полученных в итоге стационарных работ (Горки, Рудня-1, Устье-2), или пред-

ставлены немногочисленными находками из поверхностных сборов (Коробчино, Гренск, Однополье, Пролетарский (ур. Попово).

Стоянки приурочены к первой надпойменной террасе или их останцам, отдельные из них расположены в местах входа сожского мелового кремня (Горки, Криничная, Рудня–1). Культурный слой памятников залегает в иллювиальных отложениях на глубине 0,2–0,5 м и стратиграфически не выражен. На стоянке Дедня изучены остатки углубленного в материк жилища общей площадью 78 кв. м.

Производственный комплекс ряда стоянок (Дедня, Коробчино) базируется на использовании импортного полупрозрачного кремня серого или темно-серого цвета, покрытого тонкой и гладкой желвачной коркой. В качестве заготовок для орудий использовались регулярные отжимные пластины, полученные с одноплощадочных нуклеусов конической формы. Индекс пластинчатости этих памятников достаточно высок, например, для коллекции стоянки Дедня он составляет 1,3, а для орудий труда — 13,7.

Изделия с вторичной обработкой представлены несколькими морфологически устойчивыми категориями, которым присуща определенная стандартизация форм заготовок. Наиболее выразительную серию образуют резцы, которые представлены преимущественно экземплярами на сломе заготовки. Комплекс находок дополняют вкладышевые изделия из медиальных сечений пластин, сохраняющих фасетки краевой нерегулярной полукрутой ретуши, образовавшейся в том числе в результате утилизации. Концы отдельных вкладышей на месте слома подправлены плоскими поперечными микрорезцовыми снятиями.

Группа микролитов включает микропластины с притупленным краем и средневысокие трапеции (Криничная, Рудня–1). Наконечники стрел представлены черешковыми изделиями, обработанными плоской встречной ретушью со стороны брюшка. Имеются наконечники с четко выделенным черешком, который ограничен зубцами с двух сторон и подправлен плоской вентральной ретушью. Перо таких наконечников на треть или половину длины заготовки также обработано фасетками встречной плоской ретуши со стороны брюшка (тип пулли).

Появление стоянок бутовской культуры в Посожье может объясняться сезонными миграциями мезолитического населения

из Волго-окского междуречья, которое первоначально шло сюда со своим сырьем и впоследствии адаптировалось к использованию местного кремня (Криничная, Рудня-1). Топография стоянок, расположенных непосредственно возле источников сырья, определила некоторые особенности техники первичной обработки кремня у бутовского населения, обитавшего в бассейне р. Сож.

На таких стоянках в качестве исходного сырья для нуклеусов старались использовать желваки овально-уплощенной формы или формировали пренуклеус, боковые стороны которого специально выравнивали поперечными сколами. Ударная зона создавалась путем поперечного усечения желвака с последующей ее подправкой в процессе расщепления. Скальвающая сторона формировалась на узкой торцевой стороне конкреции, при этом контрфронт подавляющего большинства нуклеусов (около 80 %) оставался неоформленным. Фактор изобилия кремня и его низкое качество стали причиной выбраковки основной части нуклеусов, оставленных уже на начальной стадии расщепления. В целом кремневый инвентарь стоянок, расположенных «на сырье», характеризуется низкими индексами пластинчатости.

По аналогии со стоянками бутовской культуры междуречья Волги и Оки, кундской Восточной Прибалтики (тип пулли) и культуры Веретье севера Восточной Европы время появления бутовского населения на территории Посожья следует относить к раннему мезолиту, вероятно, ко второй половине пребореального — началу бореального времени (9,6–8,8 тыс. л.н.). Присутствие в кремневом инвентаре стоянок Криничная и Рудня-1 геометрических микролитов, которые в бутовской среде появляются в начале VII тыс. до н.э., косвенно указывает на возможное существование в Посожье отдельных групп охотников и собирателей этой культуры в бореальное время.

**КОРОТКИЕ СЕЧЕНИЯ
ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРНАЯ РЕЧКА И ИХ ФУНКЦИИ**

Верхневолжской экспедицией ЛОИА АН СССР в результате раскопок 1975–1976 гг. мезолитического поселения Черная речка, расположенного на берегу озера Селигер, была получена богатая коллекция каменных изделий, включающая нуклеусы, наконечник стрелы, различные виды скребков, проколки, сверла, резцы на углу сломанных пластин, тесловидные изделия, пластины, микропластины и отщепы с ретушью, отходы производства.

Для выяснения хозяйственных особенностей памятника кремневый инвентарь одного из раскопов, насчитывающий 2500 предметов, был изучен с помощью трасологического метода, позволившего выделить 300 изделий со следами утилизации.

Сырьем для орудий служил галечный кремль разнообразный по качеству и цвету. Обработка кремня, получение заготовок — пластин и отщепов, изготовление орудий производились на самом поселении, о чем свидетельствуют находки нуклеусов, орудий, связанных с расщеплением и отделкой заготовок, многочисленных отходов производства.

Среди кремневого инвентаря привлекают внимание короткие сечения пластин разных размеров, выделенные Н.Н. Гуриной в особую типологическую группу. Их длина от 1 до 2 см чаще всего равна ширине либо слегка превышает ее. Основную группу составляют изделия подпрямоугольных или подквадратных очертаний, имеются также экземпляры, близкие по форме асимметричным и правильным трапециям и треугольникам.

Экспериментальные работы позволили выявить признаки, отличающие сечения, полученные при специальном поперечном рассечении пластин от случайных экземпляров, образовавшихся при изготовлении заготовок и орудий или их поломке.

Трасологический анализ специально изготовленных сечений показал, что некоторые из них не имеют следов использования, большая часть применялась в качестве вкладышей ножей для разделки мяса, имеются также скребки, проколки для обработки

шкур, единичные экземпляры служили микрорезчиками, скобелями для дерева.

Таким образом, проанализированные короткие сечения из материалов поселения Черная речка имели полифункциональное назначение, что позволяет сравнивать их с геометрическими микролитами, применявшимися также в разнообразных функциях.

В.М. Лозовский

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ТЕХНОЛОГИИ КРЕМНЕВЫХ ИНДУСТРИЙ МЕЗОЛИТА ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Для мезолитических памятников Волго-окского междуречья методом технологического анализа в последнее время было изучено пять комплексов — жилище и скопление 2 стоянки Петрушино 1, материалы стоянки Задне-Пилево 1, коллекция стоянки Ладыжино 3А и два мезолитических слоя стоянки Замостье 2. Традиционно стоянки Петрушино 1 и Задне-Пилево 1 (Сорокин, 1991) относятся к бутовской мезолитической культуре, стоянка Ладыжино 3А (Кравцов, Агеева, 2006) — к иеневской, а стоянка Замостье 2, по нашему мнению, представляет собой отличное от указанных памятников культурное явление. Даже краткий типологический обзор выявляет их несомненные между собой отличия.

Так, на стоянках Петрушино 1 и Задне-Пилево 1 мы наблюдаем индустрию ярко выраженного пластинчатого типа, где большинство изделий изготовлено из пластин и микропластин; среди орудий преобладают резцы (преимущественно угловые) и скребки на пластинах, яркой чертой являются серии вкладышей из фрагментов пластин, черешковые наконечники стрел и геометрические микролиты из микропластин.

Индустрия стоянки Ладыжино 3А демонстрирует другие черты. Это использование отщепов и широких пластинчатых заготовок для производства орудий; среди орудий весомый процент занимают ретушные резцы при небольшой доле скребков, яркой характеристикой являются асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой, трапеции и острия с ретушированным краем. При оформлении орудий широко используется крутая вертикаль-

ная, часто контрударная ретушь, что абсолютно не характерно для комплексов Петрушино 1 и Задне-Пилево 1.

В индустриях мезолитических слоев стоянки Замостье 2 основной заготовкой для орудий являлся отщеп. Среди орудий резко доминируют скребки различных форм, типологически выраженные резцы в обоих слоях отсутствуют (!), что само по себе очень необычно для памятников эпохи мезолита. Достаточно широко представлены различные комбинированные орудия из отщепов (скребок — выемка — острие). Наконечники стрел представлены листовидными формами на пластинах с краевой ретушью по периметру. Яркую группу составляют шлифованные рубящие орудия и группа изделий, связанная с их производством — рубящие орудия с обивкой и их заготовки. Все эти черты абсолютно не характерны для памятников бутовской и иеневской культуры.

Чем обусловлено такое разнообразие изучаемых индустрий? Ответ на этот вопрос дает технологический анализ этих комплексов.

Так, на стоянках Петрушино 1, Задне-Пилево 1 комплекс 2 мы наблюдаем индустрию, четко направленную на получение пластин и микропластин техникой отжима. Об этом свидетельствуют остатки сработанных подконических нуклеусов и анализ характера огранки пластинчатых заготовок, среди которых подавляющее большинство представлено «чистыми» пластинами, т.е. конечным продуктом расщепления. Разнообразие и широкое применение приемов подготовки зоны расщепления (редуцирование и абразивная подготовка карнизов, прием ретуширования площадки и изолирование поверхности скалывание) свидетельствуют о совершенстве техники отжима и даже некоторой избыточности этих приемов, что, скорее всего, является уже отражением глубоко укоренившихся культурных традиций в технике расщепления.

Материалы стоянки Ладыжино 3А демонстрируют нам иную технологическую традицию, которая характеризуется использованием жесткого отбойника и ударной техникой при получении широких пластинчатых заготовок. Говорить о каком-либо наборе приемов подготовки зоны расщепления нельзя, поскольку их просто нет. Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства редуцирования и пришлифовка карниза заготовок очень малочисленны и носят, по-видимому, случайный характер. Феномен подобной «ущербной» технологии, очевидно, также неслучаен,

поскольку в дальнейшем полученные заготовки подвергались тщательной обработке в технике контрударного ретуширования, которая и создавала конечную форму орудия. Все свидетельствует в пользу определенной культурной традиции, отличной от бутовских комплексов.

Мезолитические слои стоянки Замостье 2 демонстрируют нам третий вариант культурной традиции в мезолите Волго-окского междуречья. Здесь вся технология расщепления камня была подчинена одной цели — производству шлифованных рубящих орудий. Об этом свидетельствуют как сами шлифованные тесла, так и вся технологическая цепочка их изготовления — от преформ с единичными сколами до почти завершенных бифасиальных заготовок. Основной заготовкой для орудий являлись отщепы, получаемые в больших количествах при обработке преформ в ударной технике с использованием жесткого отбойника. Имеющиеся в коллекциях пластинчатые заготовки также получались в ходе обработки бифасиальных заготовок, в тех случаях, когда возникала подходящая для снятия пластины ситуация. Об этом свидетельствует анализ огранки пластин: подавляющее большинство представлено краевыми сколами и сколами с пренуклеуса, что абсолютно невозможно в «классических» пластинчатых индустриях. Техника отжима микропластин представляет отдельную узконаправленную технологическую линию.

Итак, в мезолите Волго-окского междуречья выявлены три различных технологических традиции, которые оказывают прямое влияние на типологический облик изученных памятников. По существу, это три разных культурных явления, два из них — бутовская и иеневская культуры — уже давно признаны и исследуются, третье явление — два мезолитических слоя стоянки Замостье 2 — только сейчас получает свое признание.

**ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА
МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ ЗАМОСТЬЕ 2**

Изделия из древесины исключительно редки на стоянках каменного века. Особую ценность имеет деревянный инвентарь многослойного поселения Замостье 2 (Сергиево-Посадский район Московской области), отражающий переход от мезолита к неолиту в Волго-окском междуречье.

Коллекция деревянных изделий насчитывает 262 предмета, из которых 217 датируются концом мезолита (начало и вторая половина VI тыс. до н.э.), 16 — ранним неолитом (начало V тыс. до н.э.), остальные не имеют четкой хронологической привязки.

Типологический анализ наиболее выразительных изделий показал большое разнообразие форм и типов орудий внутри категорий и полное отсутствие их стандартизации. Для стоянки в целом характерен низкий процент изделий, связанных с охотой и рыболовством. Единично представлены наконечники и древки стрел, дротики, поплавки, нет выработанных типов весел.

Наиболее многочисленной категорией инвентаря являются небольшие тонкие колья (74 экз.) и разнообразные фигурные детали (31 экз.) — фрагменты составных орудий или конструкций, интерпретация которых на нынешнем уровне знания невозможна. Наличие зооморфных скульптурных изображений и пластин с орнаментом сближает инвентарь нижних слоев стоянки с кругом синхронных (мезолитических) памятников севера Европейской России. Съёмные деревянные муфты и коленчатые рукояти тесел в контексте европейских стоянок каменного века отражают, вероятно, определенный хронологический этап в развитии креплений шлифованных рубящих орудий.

На мезолитических материалах стоянки удалось выделить своеобразный тип орудий — уплощенные острия, представленные выразительной и разнообразной серией. Многие изделий уникальны и не имеют прямых аналогий (крючок и миниатюрные ложечки верхневолжского слоя, конусовидные поделки из верхнего слоя мезолита и др.) в материалах других памятников.

Технология изготовления изделий претерпела на протяжении тысячелетия определенные изменения. В частности, использование шлифованного тесла с выпуклым лезвием для отделки небольших предметов и формирования широких поверхностей отмечается только в нижнем слое стоянки. В верхнем слое мезолита увеличивается роль строгания, в верхневожжском горизонте появляются образцы посуды (ложечки, плошки), выполненные тонким строганием и скоблением. Никаких признаков пиления или сверления на деревянных изделиях памятника не наблюдается, прием прорезания пазов резцом также не применялся.

Часть изделий была изготовлена из веток или тонких стволов (почти все колья, угловые рукояти, некоторые наконечники и др.), часть — из расщепленных крупных бревен (весла, уплощенные острия, посуда, детали и др.). Рубка деревьев и фрагментация стволов производилась за пределами раскопанной территории поселений. Об этом свидетельствует также полное отсутствие каких-либо крупных конструктивных элементов наземных жилых построек и единичные находки щепок.

В хозяйстве охотников-рыболовов позднемезолитических поселений стоянки Замостье 2 деревянный инвентарь играл значимую роль. Такие важные категории изделий, как весла, поплавки, угловые рукояти тесел, могли быть изготовлены только из древесины, то же касается многочисленных кольев, уплощенных острий и крупных деталей для сложных приспособлений и конструкций, контекст функционирования которых пока неизвестен.

Другие категории орудий и бытовых предметов, такие как наконечники стрел, рыболовный крючок, ложки, мелкие детали, зооморфные фигурки и конусовидные поделки, существовали параллельно с аналогичными изделиями, выполненными из кости и рога лося.

В целом общий облик деревянного инвентаря стоянки и его состав отличаются от всех известных в данный момент коллекций изделий мезолита-неолита. Это может быть связано как с хозяйственной спецификой изученной территории поселений, так и с определенной культурной традицией, существовавшей в Волго-окском междуречье в определенный хронологический период конца мезолита — начала неолита. В то же время представлены также типы изделий, которые полностью вписываются в общеев-

ропейский контекст, что отражает, на наш взгляд, общие закономерности развития человеческих навыков и появления оптимальных форм орудий.

В.А. Манько

ВОПРОС О ФИНАЛЬНОПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ И МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ КОРНЯХ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР УКРАИНЫ

В настоящее время различают несколько типов кремневых индустрий, свойственных археологическим культурам начальных этапов развития неолита. В Горном Крыму известна кремневая индустрия Таш-Аир, в степной и лесостепной зоне Украины известны индустрии, основой для которых являются гребениковские и кукрекские традиции, для лесной зоны различаются археологические культуры, в основе которых лежат яниславицкие и постсвидерские традиции. Соответственно анализ происхождения той или иной ранненеолитической индустрии дает возможность исследования проблем культурного взаимодействия, соотношения миграций и культурных заимствований, позволяет рассматривать различные модели неолитизации.

Анализ таш-аирской индустрии показывает, что ее происхождение связано с шан-кобинской индустрией.

Проблема индустрий, основанных на кукрекских традициях, связана с тем, что кукрек не имеет предшественников на территории Украины, появление этой индустрии является результатом миграции. В этой связи весьма сомнителен мезолитический статус большинства кукрекских комплексов. Кукрекская индустрия, будучи изначально неолитической, сыграла важную роль в неолитизации Подонечья (донецкая культура) и Полесья (Лазаревка).

Гребениковская индустрия, на мой взгляд, также не имеет предшественников в мезолите и неолите Украины. Процесс распространения гребениковских памятников сопровождался вытеснением кукрекского населения, а также контактами с автохтонным населением Крыма и Северо-восточного Приазовья.

Неолитизация яниславицкого населения связана с миграцией носителей кукрекских традиций. Процесс перехода к неолиту

постсвидерского населения не связан с какими-либо миграционными потоками.

Таким образом, развитие неолита Украины связано с тремя моделями.

1. Прямая миграция неолитического населения на территорию Украины.
2. Синтез населения мигрантов и автохтонов.
3. Непосредственный переход автохтонов к неолиту в результате культурных контактов с соседним неолитическим населением.

Л.Г. Мацкевой, Г.И. Панахид

МЕЗОЛИТ И ПАЛЕОЭКОСИСТЕМА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ЛЬВОВА

В 1998 г. центральная часть Львова была занесена в Список мирового культурного наследия ЮНЕСКО. Современная территория города составляет около 325 кв. км. Здесь известно 172 пункта, на которых зафиксирован 361 археологический памятник, в том числе 13 мезолитических. Древнейшее поселение датируется по 14-С: Ки-5415, — 27200±170 ВР.

В первой половине XX в. значительный вклад в изучение палеоэкосистемы города и сопредельных территорий внесли Ю. Полянский, О. Степанив и др. Во второй половине XX — начале XXI в. работы по изучению мезолита Львова и сопредельных территорий велись в основном Львовской областной экспедицией. Решались вопросы реконструкции древнего ландшафта (В.П. Матвиів, Львовский национальный университет им. И. Франко, далее — ЛНУ), стратиграфии (М.С. Демедюк, Национальный университет «Львовская политехника» и Р.М. Гнатюк, ЛНУ), проведены геофизические исследования (К.М. Бондарь, И.В. Вершило, О.М. Кожан, Киевский национальный университет им. Т. Шевченко). Фауну изучал К.А. Татаринев (Украинский национальный лесотехнический университет). Над проблемами палеоэкономики ра-

ботал В.В. Гуменюк (Институт земледелия и биологии животных Украинской академии аграрных наук).

Абсолютное датирование осуществлял М.М. Ковалюх (Институт геохимии окружающей среды НАН Украины), спелеологические и физико-географические исследования выполнял И.М. Гуневский (ЛНУ), а минералого-петрографический анализ проводили М.Д. Петруняк и Н.Х. Белоус (Ивано-Франковский национальный технический университет нефти и газа), Е.П. Рыбачек и В.О. Хмелевский (ЛНУ), М.Б. Рыпун и Р.М. Смишко (Институт геологии и геохимии горючих ископаемых НАН Украины). Экологический анализ и картографирование осуществляла Г.И. Панахид (Институт экологии Карпат НАН Украины), а вопросы этнографических параллелей решались Г.И. Горинь (Институт народоведения НАН Украины).

Материалы, полученные при изучении природной среды, использовались в экологических реконструкциях. Ландшафт современного Львова достаточно разнообразен. Центральная часть расположена в котловине на заболоченном стыке Росто́чья, Побужья и Львовской возвышенности. Через территорию Львова проходит главный европейский водораздел. Самая большая в пределах города река Полтва принадлежит к бассейну Балтики, а реки Зубра, Зимняя Вода и другие притоки Днестра текут в Черное море.

Отдельные находки на территории современного города, которые типологически близки мезолитическим, стали известны еще на рубеже XIX–XX вв. Однако только в 40-х годах XX в. характерные для этой эпохи комплексы отмечены на поселениях Львов-1–3 в северной части города. Среди подъемного материала на этих памятниках в наличии характерные геометрические микролиты, свидерские наконечники стрел, скребки, резцы, другие формы.

В 1977–1986 гг. стационарные раскопки на площади 397 кв. м осуществлены на поселении Львов-131 (Фруктовая ул. 7 в Шевченковском р-не города). На памятнике отмечено 1317 каменных артефактов, а из фаунистических остатков — зубы оленя и кабана. Памятник отнесен к группе Вороцев II мезолитической культуры Вороцев-Старуня и датируется VI–IV тыс. до н. э.

В 1994–2004 гг. на площади 76 кв. м проведены раскопки в навесе Львив–7 в восточной части города (Б. Хмельницкого ул. 6 в Лычакивском р-не). Выявлены скребки, резцы, ножи и другие артефакты, а из фауны — благородный олень, лисица, барсук, заяц. Поселение отнесено к культуре Незвиско-Оселивка (по 14-С: Ки-5413, — 8500±70 BP и 9 датировок КА в диапазоне 7589–7355 BC/AD).

Всего на территории Львова к эпохе мезолита принадлежит 13 поселений. На пяти из них проведены раскопки и заложены шурфы общей площадью 503 кв. м (Львив–7, 131, 71, 8 и 123). Культурой Незвиско-Оселивка с рудиментами палеолитического времени посториньяко-граветтоидного типа датировано шесть поселений (VIII–VII тыс. до н. э.).

Выявлено пять памятников культуры Вороцив-Старуня VI–IV тыс. до н. э. В частности, к группе Вороцив II принадлежат Львив–1, 130 и 131, а к культуре Вороцив-Старуня — Львив–132. Культурой Каменица-Баранне группы Баранне I датировано поселение Львив–2. Памятники неопределенной этнокультурной принадлежности отмечены на пунктах Львив–3 и 123.

В целом эпоха мезолита на территории Львова представлена типичными для этого периода материалами, характерными для центрально-европейского региона начала голоцена. Это подвижные общности охотников, собирателей и рыболовов, проживающие в пещерно-скальных ансамблях (Львив–7, 8 и 123).

На территории современного города Львова достаточно полно изучена топография памятников эпохи мезолита, особенно их зональность. Установлено соответствие особенностей природной среды потребностям человека. Например, на территориях Киева и Санкт-Петербурга, которые значительно больше, чем Львов, памятников этого времени значительно меньше. Это яркий показатель паритета природной среды потребностям человека и возможностям его пребывания в определенных условиях. Речь идет, прежде всего, о климате, таких его составляющих, как температура, атмосферное давление и влажность. Большое значение имеет также доступность водных источников, растительности и животного мира, определенный рельеф и наличие каменного и иных видов сырья. Именно такие условия на территории современного Львова

послужили причиной наличия значительного количества памятников мезолита и иных эпох.

Е.В. Смытына

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ НА РУБЕЖЕ ПЛЕЙСТОЦЕНА И ГОЛОЦЕНА: ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ И ДИНАМИКА ВО ВРЕМЕНИ

Теория экологического кризиса как движущей силы исторических процессов в первобытности была выдвинута С.Н. Бибиковым в конце 1960-х годов в связи с комплексным изучением присваивающего хозяйства и образа жизни населения накануне перехода к производящему хозяйству. Он рассматривал экологический кризис в тесной связи с кризисом палеоэкономическим, интерпретируя оба эти явления как естественный результат производственной деятельности в постоянно изменяющейся окружающей среде. Для периода 96 тыс. л. до н.э. он выделял несколько стадий развития экологического кризиса, которые соотносятся в этапами развития палеогеографической ситуации и изменениями в структуре жизнеобеспечения охотников, собирателей и рыболовов.

Теория С.Н. Бибикова стимулировала реконструкцию палеогеографической ситуации на территориях вокруг опорных археологических памятников. На их основании становится возможным очертить основные компоненты экологического кризиса и выделить стадии его развития.

Традиционно базовыми компонентами экологического кризиса в Северо-западном Причерноморье на рубеже плейстоцена и голоцена считались два явления. Одно из них — трансформация фаунистического комплекса в результате нерационального поведения человека в предшествовавший период, в частности из-за чрезмерно активного истребления бизона в условиях повышенной плотности населения в эпоху максимума последнего оледенения. Исчезновение стад бизонов, переход к промыслу туров, сайги и европейской лошади, который осуществлялся индивидуально или небольшими группами, стимулировали трансформацию комплекса охотничьего вооружения и орудий труда обитате-

лей данного региона, а также перестройку их экономических связей.

Другим традиционным, компонентом экологического кризиса в Северо-западном Причерноморье на рубеже плейстоцена и голоцена считается изменение флоры, вызванное климатическими осцилляциями в ходе отступления последнего ледника (Артюшенко, 1970). Это явление, несмотря на свою очевидную важность, следует считать имеющим меньшее, по сравнению с трансформацией фаунистического комплекса, влияние на стратегию жизнеобеспечения местного населения.

Недавние исследования истории бассейна Черного моря на рубеже плейстоцена и голоцена дают возможность рассматривать подъем уровня Черного моря и сопровождающую его миграцию береговой линии как один из важнейших компонентов экологического кризиса в Северо-западном Причерноморье на рубеже плейстоцена и голоцена. В свете активно дискутируемой сегодня гипотезы «Великого Черноморского потопа» как в версии В. Райена и У. Питмана (2003), так и в версии А.Л. Чепальги (2002) детальная хронология этого процесса и ее сопряжение с известными датировками археологических памятников региона приобретают особое значение.

Кроме того, в условиях сухого степного ландшафта важным компонентом экологического кризиса представляется не только сценарий поднятия уровня моря, но и история формирования водоемов (озер и лиманов) и водотоков (малых рек и временных ручьев) в причерноморской области. Формирование гидрологической сети, установление новой береговой линии Черного моря, а также выделение водораздельных суходолов создало новые характеристики жилого пространства, которое предстояло обживать обитателям Причерноморских степей. Именно этими факторами во многом была обусловлена система расселения, выбор места поселения, возможность непосредственных контактов между группами и другие аспекты поведения человека на уровне систем освоения жилого пространства.

Можно выделить четыре фазы обострения экологического кризиса в Северо-западном Причерноморье на рубеже плейстоцена и голоцена: 1) максимум последнего оледенения; 2) аллеред; 3) дриас III — пребореал; 4) вторая половина бореального перио-

да голоцена. На каждой из них действуют специфические факторы, определяющие общий облик и направление развития кризиса, при этом соотношение природных и антропогенных составляющих экологического кризиса неодинаково.

Так, если для максимума последнего оледенения палеогеографический компонент (наступление ледника и зоны вечной мерзлоты) и демографический компонент (увеличение плотности населения в этом регионе вследствие переселения групп из сопредельных областей Центральной и Восточной Европы, двигавшихся в южном и юго-восточном направлении под влиянием климатических процессов) представляются равнозначными для обострения экологической ситуации, то в аллереде и дриасе III — пребореале преобладающим было влияние разнонаправленных климатических процессов, вызывавших существенные и, что важно, быстрые трансформации палеоландшафтов.

Экологическая ситуация второй половины бореального периода голоцена определялась преимущественно антропогенными факторами, среди которых определяющую роль играли высокая плотность населения и социальная интеграция, напрямую связанная с наметившейся долговременной привязкой к определенному жилому пространству.

Разнообразие факторов и компонентов экологических кризисов на рубеже плейстоцена и голоцена в степной части Северо-западного Причерноморья обусловило вариабельность ответной реакции населения на них, что, в свою очередь, для изучаемого времени может рассматриваться как основная детерминанта исторического процесса.

И.В. Пуструил

**СТОЯНКА КАТАРЖИНО 1 И ЕЕ МЕСТО СРЕДИ ПАМЯТНИКОВ
ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

Планомерное изучение памятников каменного века Северо-западного Причерноморья (в пределах Одесской области) было начато в середине XX в. В ходе многочисленных поисковых работ В.И. Красковского и систематических разведок под руково-

дством П.И. Борисковского, В.Н. Станко и других исследователей были открыты более 100 стоянок, которые по типам кремневых изделий отнесены либо к палеолиту, либо к мезолиту. Полностью или частично раскопанных памятников обеих периодов на данный момент насчитывается не более 10. Остальные памятники представлены подъемными материалами. К неолитическому периоду в пределах Одесской области были отнесены только несколько пунктов, в отличие от соседних территорий (напр., Среднее Побужье), где памятники неолита достаточно представительны.

В 2007 г. экспедицией Одесского национального университета им. И.И. Мечникова под руководством автора начато изучение памятников каменного века у с. Червонознаменка (бывш. Катаржино) (Ивановский р-н Одесской обл.) на правом берегу р. Малый Куяльник. Первые памятники здесь обнаружены В.И. Красковским в середине 60-х годов XX в. Подъемный материал шести найденных стоянок, расположенных на небольших мысах вдоль берега реки, датирован им поздним мезолитом.

В 2008 г. на стоянке Катаржино 1 разбит раскоп площадью 25 кв. м. В ходе раскопок обнаружена «конструкция» («вымостка») из песчаниковых плит, около 3500 экз. кремневых изделий, 22 фрагмента керамики и небольшое количество сильно раздробленных костей животных, часть из которых — со следами пребывания в огне.

Культурный слой памятника залегал близко от поверхности (до 0,4 м) и был сильно переотложен по вертикали. Процесс переотложения кремневого инвентаря связывается с интенсивной деятельностью землеройных животных, которые своими ходами практически полностью перемешали слой чернозема.

Первичное расщепление кремня происходило на территории стоянки. Техника расщепления — призматическая, направленная на получение микропластин. Нуклеусы (14 экз.) в основном одноплощадочные, уплощенные. Также выделены двухплощадочные (2 экз.) и карандашевидные (2 экз.).

Среди отщепов (48,3 %) преобладают мелкие. Пятая часть среди них — мелкие чешуйки. Среди пластин (37,5 %) также преобладают мелкие.

Изделия с вторичной обработкой (7,7 % — в подсчеты включены пластины и микропластины со следами использования (3,5 %) многочисленны и разнообразны. Изготовлены они преимущественно на пластинах и микропластинах (кроме скребков).

Среди изделий с вторичной обработкой преобладают пластины с ретушью (43 экз. — 1,2 %). Большинство обработаны, чаще мелкой краевой ретушью по дорсальной и иногда вентральной поверхности. В эту группу также включено небольшое количество фрагментов пластин и микропластин с ретушированными выемками (микрорезцовая техника).

Скрепки занимают второе место среди изделий с вторичной обработкой (26 экз. — 0,8 %). Представлены они в основном подокруглым типом. Трапеций и их обломков — в два раза меньше (13 экз. — 0,4 %). Они разнообразны по размерам и технике изготовления, но достаточно стандартны. У нескольких ретушировано верхнее основание. Две трапеции изготовлены при помощи альтернативной ретуши.

Изделия с резцовым сколом выделены по наличию резцового скола (18 экз. — 0,5 %). Не все из них являлись резцами. В основном тонкий резцовый скол образовывался в момент фрагментации пластин (тип — на углу сломанной пластины). Выделенные два резца атипичны.

Кроме этого, небольшим количеством представлены пластины с подтеской (кукрекские вкладыши), остря, сверла, микропластины с притупленным краем, отщепы с ретушью, несколько ретушированных изделий из местного песчаника, отбойник.

Были обнаружены 22 фрагмента керамики. Это мелкие неорнаментированные фрагменты размерами от 0,4 до 0,9 см.

В коллекции стоянки Катаржино 1 прослеживаются черты гребениковской и кукрекской археологических культур. Памятники с элементами обеих культур известны на территории не только Одесской области, но и соседних регионов (напр., Молдова, Среднее Побужье). Даже если предположить, что этот и подобные ему комплексы подъемного материала соседних районов Одесской области являются смешанными, присутствие хотя и не диагностичной, но древней керамики по-

звolyет датировать данные памятники началом неолитической эпохи.

Это, в свою очередь, позволяет пересмотреть датировку уже известных стоянок Одесской области, материалы которых представлены сборами на поверхности (где такие мелкие керамические фрагменты по объективным причинам отсутствуют) и по-новому представить процессы неолитизации данного региона.

Д.В. Киосак

ТЕХНИКА РАСЩЕПЛЕНИЯ КРЕМНЯ СТОЯНКИ БЕЛОЛЕСЬЕ (ЮГО-ВОСТОЧНАЯ УКРАИНА)

Стоянка Белолесье известна науке уже более полувека. Тем не менее ее хронологическая позиция продолжает вызывать оживленные дискуссии. Часть авторов относят ее к раннему мезолиту (В.Н. Станко, Д.Я. Телегин), другие — к финальному палеолиту (Г.В. Григорьева, Г.Ф. Коробкова, Л.Л. Зализняк, А.А. Яневич, И.В. Сапожников). Все же нельзя отрицать, что эта стоянка является единственным опорным памятником для изучения переходного периода между хорошо изученными эпиграветтскими индустриями и комплексами позднего мезолита.

В последнее время работами преимущественно нового поколения французской школы создан новый синтез методов и приемов технологического анализа каменных индустрий. Материалы Белолесья представляют собой подходящую основу для исследования технологии расщепления кремня этими приемами, такими как «мысленный ремонт» и статистическое изучение косвенных данных («стигматов»).

«Операционная цепочка» стоянки Белолесья характеризуется простотой и целесообразностью. Начало расщепления зависело от ситуации, и первобытные мастера пытались избежать сложной подготовки «открытия» поверхности расщепления, такой как изготовление двусторонней реберчатой пластины. Вместо этого они предпочитали отщеплять природные ребра, полупервичные пластины подтреугольного сечения и полуреберчатые пластины.

Основной целью расщепления были пластинки, хотя и пластины получались систематически. В ходе раскалывания особое внимание уделялось поддержке боковой выпуклости фронта ядрища (синтража). Это достигалось снятием полуреберчатых пластин и пластинок, регулярных пластинок подтреугольного сечения, отщепов с тыла нуклеуса. Реориентация ядрищ происходила довольно часто из-за невозможности дальнейшего использования первичной поверхности расщепления.

Большая часть пластин и пластинок была получена мягким каменным отбойником. Об этом свидетельствуют высокий процент платформ, подготовленных абразией и редуцированием, небольшой размер ударных площадок, постоянное присутствие двух случайно возникающих морфологических черт (ряд небольших волн непосредственно вблизи от точки удара и псевдоскол с ударного бугорка), особая форма «губы». В то же время определенная группа сколов может быть объяснена только применением твердого каменного отбойника. Таким образом, обе техники применялись мастерами из Белолесья.

Так, важным показателем является глубина ударной площадки. В комплексе Белолесья довольно высок процент пластинок с линейной площадкой. Пик графика глубин площадок приходится на 1–1,5 мм, что соответствует применению мягкого отбойника. Другие максимумы находятся у отметок в 2,5–3 и 5–5,5 мм. Эти площадки толще, чем можно ожидать при технике мягкого отбойника.

82 % пластинок несут следы абразивной подготовки удара, 67 % краев ударных площадок пластинок были скруглены редуцированием и пришлифовкой. Этот тип обработки нуклеуса был направлен на укрепление края площадки и подготовку удара в грань между ударной площадкой и поверхностью расщепления, характерного для второго варианта расщепления с применением мягкого каменного отбойника.

Несколько микроскладок на первых сантиметрах снятия были отмечены на 1/6 сколов, негативы атипичных псевдосколов на ударном бугорке — почти на 1/5, что находится в согласии с цифрами, известными из экспериментов.

Кольцевые трещины от ударов представлены достаточно широко, но типичные округлые или эллипсовидные немногочислен-

ны. Множественные трещины, характерные для твердого отбойника, встречаются достаточно редко.

Имеющиеся описания каменных индустрий финального эпиграветта Северо-западного Причерноморья демонстрируют более сложную «операционную цепочку». Возможно, упрощение технологии расщепления связано с иным типом мобильности и поселенческой стратегией населения, оставившего стоянку Белолесье.

P. Biagi, C. Franco

**THE BLADE AND TRAPEZE COMPLEXES OF WESTERN EUROPE:
WHERE DID THEY ORIGINATE FROM AND WHEN?**

The scope of this paper is to discuss the available evidence for the Late Mesolithic Blade and Trapeze industries of Western Europe and try to evaluate their possible origin(s) and chronology. It is well known that assemblages characterised by trapezoidal armatures obtained with the microburin technique, and (notched) bladelets, detached from subconical cores made their appearance roughly at the same time, over a very wide territory that covers north-western Africa, in the west, most of Europe, in the centre, and part of southern Asia, in the east, as far as the Indian Subcontinent. The reason why these complexes substituted (or derived from) the preceding ones is still debated, since they are known from environmental landscapes, climatic zones and altitudes that in many cases highly differ region by region. Nevertheless, the similarities that some of the different Blade and Trapezes complexes show are sometimes very close, even though their discovery regions lie thousand of miles apart.

Given that in most cases they are supposed to mark the beginning of the Late Mesolithic over most of western Europe, some of the main questions to be asked are: where did they originate? Did they ever spread from a central point of diffusion?, or do they represent an almost simultaneous response to environmental changes that took place around the end of the Boreal and the beginnings to the Atlantic climatic phase?

One of the ways we can try to reply to these questions consists in the systematic radiocarbon dating of the earliest appearances of Blade

and Trapeze complexes in well-defined regions of Europe, where the phenomenon is supposed to have taken place and later spread. In this respect the recent radiocarbon results obtained from both the Late Boreal Grebeniki Culture site of Myrne, in southwestern Ukraine, and Laspi 7 in Crimea, are consistent with the appearance of complexes characterised by trapezoidal armatures and bladelets, slightly before the beginning of the Atlantic. Whether or not this region is important in the spread of these assemblages throughout the Balkan Peninsula and the Adriatic is debatable, although important to be discussed. The understanding of the phenomenon is further complicated by the inhomogeneous distribution of the above complexes throughout the Balkan and the Italian peninsulas, which, according to the different territories/countries, is undoubtedly due to environmental factors, among which the absence/richness of raw material supplies, insufficiently detailed surveys and excavations, and a very limited number of radiocarbon dates from specific occupation layers. The data provided by the authors in this paper are supposed to contribute to the understanding of the phenomenon.

И.В. Федюнин

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЧЕТВЕРИКОВО НА ЮГЕ СРЕДНЕГО ДОНА

Памятник был выявлен Ю.В. Горбаневым в ходе археологической разведки 1989 г. (Горбанев, 1989), его координаты были существенно уточнены автором в 2008 г. (Федюнин, 2009). Стоянка расположена на овальной оконечности высокого мыса, возвышающегося над уровнем первой надпойменной террасы левого берега р. Казынка на 8–10 м (Калачеевский р-н Воронежской области). Мыс образован конусом выноса из крупной древней балки Хрещатый Яр. Поверхность, с которой производились сборы, представляет собой относительно ровную пологую площадку на краю мыса, завершающуюся достаточно крутым склоном. Контуры мыса параллельны ориентировке старицы, которая меандрирует в этом месте у его подножия.

«Стратегическая» выгодность топографического положения памятника для древних охотников очевидна: точка наблюдения с

его поверхности включает в себя обзор поймы р. Казынка на 5 км западного сегмента горизонта и первые террасы левого берега реки.

Шурфовка западного участка площадки террасы дала небольшую коллекцию находок, локализованных в нижней части слоя темной гумусированной супеси. Типологический облик и технологические характеристики находок с поверхности памятника и материалы шурфа едины, поэтому их целесообразно рассматривать вместе.

Каменный инвентарь в полученной коллекции представлен абсолютным большинством (273 экз.). Количество орудий — 50 экз. (18 %). По составу сырья коллекция памятника представляет собой достаточно интересное явление: экспедицией ВГПУ в 2008 г. было открыто совершенно «новое» (хотя и известное по коллекциям раскопок прошлых лет) для среднедонской археологии каменного века месторождение качественного кремня сантонского яруса.

Нуклеусы представлены двумя основными типами, образованными параллельным и конвергентным расщеплением. К первому типу относятся призматические нуклеусы, т.н. «кубовидные», с ортогональным расположением снятий, а также торцовые нуклеусы с негативами расщепления с одной из сторон ядрища. Второй тип представлен единичными клиновидными и двусторонними торцовыми нуклеусами. Объединяющим для двух основных типов нуклеусов явился прием торцового расщепления, зафиксированный на разных заготовках. Индустрию памятника можно охарактеризовать как выраженную не пластинчатую. Техника раскалывания имела конечной целью получение коротких сколов путем удара мягким и жестким отбойником и в незначительной степени — путем отжима.

Орудия, выявленные в ходе исследования, представлены достаточно разнообразным ассортиментом. В коллекции присутствуют целые и фрагментированные пластины с ретушью. Встречены два орудия с отвесной встречной ретушью края, противостоящего естественно острому другому краю скола. Скрепки, выявленные в коллекции памятника, концевые, с несколькими «шипами». В единичных случаях встречены небольшая развертка на отщепе, нож на подовальном крупном отщепе с обработкой от-

дельных участков края приостряющей полукрутой ретушью, а также обломок со сплошной обработкой одной поверхности, скорее всего представляющий собой обушковую часть заготовки рубящего орудия.

Самая многочисленная категория орудий в коллекции памятника — резцы. Примерно равны по численности орудия на сломе заготовки и двугранные — симметричные и асимметричные. Среди них два нуклевидных, изготовленных на целых гальках кремня. Единичны боковые резцы — выемчаторетушные и косо-ретушные.

Во вторичной обработке орудий доминируют резцовый скол, крутая и полукрутая ретушь, незначительно представлены сплошная бифасиальная оббивка и плоская подтеска. Отличительной чертой коллекции является представительная серия двугранных резцов.

Несмотря на немногочисленность имеющихся материалов, можно предположить, что комплекс находок памятника представляет собой своеобразное явление в мезолите Среднего Дона. Даже такие обстоятельства, как техника расщепления, в которой широко используется прием торцового снятия, и специфический орудийный набор, где преобладают двугранные резцы и резцы на сломе, выделяют стоянку из круга известных древностей. Сходное соотношение типов резцов и наличие обломка острия с обушком, сформированным отвесной ретушью, сближает нашу коллекцию с материалами нижнего, мезолитического слоя стоянки Ямное на Верхнем Дону, исследующейся А.В. Сурковым на протяжении нескольких сезонов (Сурков, 2006, 2007). Вопрос о хронологии памятника пока не может быть решен даже в общих чертах.

А.Н. Бессуднов

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ПООСКОЛЬЯ

В бассейне среднего течения р. Оскол к настоящему времени благодаря исследованиям С.Н. Замятина, М.Е. Фосса, Л.Я. Крижевской, П.И. Борисковского, А.Т. Синюка, М.И. Карагодина,

А.Г. Николаенко, а также автора этих строк выявлено более 50 памятников археологии, в коллекциях которых в той или иной степени представлены характерные для эпохи мезолита кремневые материалы. Отнесение их к таковым произведено сугубо типологически.

Пока что на примере только двух пойменных стоянок — Ситнянская Лука-1 и Яблоново-4 — была предпринята попытка комплексного изучения, а также хронологического членения мезолитических древностей Поосколья с привлечением данных геологии (Ю.А. Лаврушин), палинологии (Е.А. Спиридонова), остеологии (Л.В. Алексеева) и радиоуглеродного датирования (Л.Д. Сулержицкий).

Наиболее ранней из названных стоянок в Среднем Поосколье является Ситнянская Лука-1, время существования которой, по нашему мнению, соотносится с концом пребореала (8800–8600 л.н.). Этому не противоречит и радиоуглеродная дата отложений погребенной почвы памятника, залегающей несколько выше культурного слоя — 8250 ± 100 (ГИН 7153). Пребореальный период для территории Поосколья был представлен лесостепью, которая, по данным палинологии, была образована сосново-березовыми островными лесами с участием широколиственных пород, таких как вяз, дуб, липа. В то же время открытые степные ландшафты слагались разнотравными сообществами, где велика была роль различных представителей семейств цикориевых и астровых.

Вторая стоянка — Яблоново-4 — является более поздней и может быть датирована концом мезолита — началом неолита, что определено по следующим признакам: а) расположена в днище долины на одной из погребенных почв края массива дюн, образование которых связано с палеоэкологическим кризисом, охватившим север аридной зоны на границе бореала-атлантикума; б) образование погребенной почвы, к которой приурочена стоянка, отражает один из моментов затухания эоловых процессов, ослабление которых и произошло в самом начале атлантического периода; в) среди пыльцы древесных пород возрастает участие широколиственных, в первую очередь липы, но при этом лес тяготеет только к долине реки, а разнотравные степи имеют гораздо

более широкое распространение. Датировка памятника — 8000–7500 л.н.

Послойное изучение разрезов на этих двух стоянках позволило не только наметить этапы существенных изменений природной обстановки, но и определить менее значительные сдвиги ее, которые иногда охватывали очень небольшие интервалы времени. И тем не менее серьезным препятствием для всестороннего изучения как можно большего числа мезолитических коллекций с позиций технологии, типологии и хронологии является смешанность их с кремневыми артефактами самых различных «кремне-носных» культур в пределах площади одного археологического объекта. Она обусловлена, с одной стороны, легкой разрушаемостью культурного слоя ввиду его песчаной структуры, а с другой — потенциально возможной многофункциональной сущностью памятника, в разные годы игравшего роль как жилой стоянки, так и, к примеру, производственной мастерской. Следует отметить, что таких (смешанных) памятников в рассматриваемом регионе большинство.

Территория Поосколья, прежде всего в пределах современного Валуйского района Белгородской области, является зоной богатых месторождений черного мелового кремня достаточно высокого качества, отмеченных еще П.П. Ефименко и П.И. Борисковским. Вследствие этого и использование любой из стоянок в качестве мастерской является вполне логичным. Причем при постоянной потребности первобытных коллективов в сырьевых ресурсах это могло происходить многократно за достаточно короткий отрезок времени, что, к сожалению, вряд ли когда будет возможно проследить археологически. Также отмеченное обстоятельство будет, в свою очередь, сильно ограничивать наши возможности и в культурно-хронологической интерпретации.

**ХРОНОЛОГИЯ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ КОСТЯНЫХ НАКОНЕЧНИКОВ
СТРЕЛ В МЕЗОЛИТЕ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
И ЗАУРАЛЬЯ**

В лесной зоне Восточной Европы костяные наконечники разных типов представлены в материалах мезолитических слоев торфяниковых и пойменных стоянок, грунтовых могильников, а также случайными находками. На Урале и в Зауралье эти изделия происходят, главным образом, из культовых пещер и сборов при торфоразработках. Торфяниковые стоянки с мезолитическими слоями, содержащими костяные наконечники, пока единичны. Если хронология костяных наконечников стрел в мезолите лесной зоны Восточной Европы достаточно хорошо разработана, то для мезолита Зауралья изучение этой проблемы находится в начальной стадии.

Основное внимание в докладе уделено хронологии тех типов костяных наконечников стрел, которые встречены на всей рассматриваемой территории от Восточной Прибалтики до Западной Сибири в достоверно мезолитическом контексте. К их числу можно отнести следующие типы наконечников: игловидные (цельные и вкладышевые), с утолщенной (биконической) головкой, узкие плоские (цельные и вкладышевые), весловидные, однокрылые без шипа, однокрылые с шипом на конце крыла (цельные и вкладышевые).

Синхронность бытования (в пределах мезолита в широком смысле) названных типов наконечников на этой обширной территории говорит о вероятных связях населения лесной зоны Восточной Европы и Уральского региона. В Северной и Западной Европе, в лесостепной зоне Восточной Европы и в Восточной Сибири в мезолите встречаются отдельные типы костяных наконечников стрел, сходные с восточно-европейскими и уральскими. Однако различий здесь гораздо больше, чем сходства.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЕВРОПЫ**

Погребения в течение длительного времени рассматривались как источник информации о прошлом человечества, но только недавно были предприняты систематические, многочисленные попытки расширить наше понимание прошлых культур через анализ погребальных памятников.

Это исследование является попыткой определить, до какой степени возможно определить различные виды социальной дифференциации исходя из анализа погребальных памятников Европы эпохи мезолита.

В целом к анализу были взяты более 150 погребальных памятников в более чем 20 европейских странах, относящихся к эпохе мезолита. В Северной Европе, северной части Центральной Европы, в Юго-Восточной и Восточной Европе мезолитические погребения найдены на памятниках открытого типа. В Норвегии, Великобритании и Западной Европе, южной части Центральной Европы, Юго-Западной Европе, Южной Европе и Крыму мезолитические погребения располагались в пещерах и под скальными навесами. В Дании, Англии и Португалии мезолитические погребения располагались в также раковинных кучах. Для анализа погребения были поделены на изолированные (индивидуальные) погребения и коллективные захоронения.

Данные погребения рассматривались по таким показателям, как количество погребенных субъектов, их пол и возраст, позиция, ориентация и комбинации погребенных субъектов, количество и качество погребального инвентаря, в соответствии с полом и возрастом погребенных, присутствие или отсутствие ритуальных элементов (таких как наличие охры и костей животных в погребении).

Анализ показал, что погребальные практики эпохи мезолита в Европе указывают на существование хорошо регулируемого, сложного общества, характеризующегося избирательностью индивидуумов для погребения и очень индивидуальным обращением с погибшими.

Различия в тщательности погребений и их сложности варьируются регионально. Различные варианты погребального обряда использовались для дифференциации индивидуумов согласно полу и возрасту, значимости в коллективе, причине смерти и пр.

А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КЕРАМИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В РАННЕМ НЕОЛИТЕ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Исследования глиняной посуды, относящейся к ранненеолитической сертейской культуре, позволили выделить несколько культурных традиций. В основу анализа были положены морфологические, технологические и орнаментальные признаки, классификация которых выявила различные по своему характеру изменения. Наиболее ранняя культурная традиция (фаза «с») датируется по нагару с фрагмента сосуда 8380 ± 55 (Ua-37099) ВР. Она представлена сосудами, неорнаментированными, со следами «расчесов», слепленными кольцевым ленточным способом лепки. Вторая керамическая традиция (фаза «а») датируется: по нагару 7150 ± 50 (Ua-37098) ВР, 7870 ± 100 (Ua-37100) ВР, по древесине из культурного слоя, из которого происходит фрагмент сосуда с нагаром Ua-37098, 7300 ± 180 (Je-5260), 7300 ± 400 (Je-5261) ВР. Это сосуды, также слепленные с помощью лент, как правило, залощенные, орнаментированные в прочерченно-отступающей технике. Со второй керамической традицией связаны материалы фаз «b» и «b-1», в которых просматривается смешение и развитие «базовых» культурных традиций.

Выявленные традиции изготовления керамики позволяют поставить вопрос о поиске первоначальных областей, где были распространены аналогичные орнаментальные, технологические и морфологические керамические традиции, а также о характере их распространения. Справедливо выделять несколько этапов в раннем неолите на территории Восточной Европы. Время появления навыков изготовления керамики, точное их распространение в различных областях Восточной Европы — это и есть неолитизация.

Последующий этап — распространение из вторичных центров навыков изготовления глиняной посуды и развитие керамических традиций на различных территориях. Две модели могут быть предложены для объяснения этих исторических процессов. Это могла быть миграция небольших коллективов, распространяющих навыки изготовления и орнаментации глиняной посуды в места своего нового пребывания. Не исключен и вариант «эстафетной» передачи навыков. В начале атлантического периода происходит перестройка климата, вызвавшая аридизацию в степных районах. Вероятно, происходит «взрыв» экологических ниш, что и повлекло за собой выделение групп, отправившихся осваивать новые территории.

Появление традиции изготовления глиняной посуды, будучи единственным археологически уловимым признаком становления неолита на территории Восточной Европы, не должно рассматриваться лишь как формальный признак. Распространение на огромной территории идентичных керамических традиций в короткий хронологический период (с точки зрения анализа технологических, морфологических и орнаментальных признаков), видимо, имело определенные причины, одной из которых может быть идея престижа и / или сакральности появившейся глиняной посуды. Точность копирования технологии изготовления, выбора сырья, орнаментации, форм сосудов свидетельствует о сохранении начальных традиций в среде местного населения на протяжении значительного промежутка времени.

Многочисленные аналогии, связывающие ранненеолитические культуры Восточной Европы, указывают на азово-прикаспийский центр как первичный очаг возникновения керамических традиций. Появление характерной неорнаментированной посуды в этом регионе (памятник Ракушечный Яр), по-видимому, стоит связывать с анатолийско-ближневосточным влиянием, что подтверждают особенности морфологии и технологии сосудов, наличие окрашенных охрой изнутри фрагментов, каменных сосудов, появление производящего хозяйства. Это очень характерная керамика — толстостенная и тонкостенная, со следами заглаживания галькой, «расчесами», неорнаментированная или украшенная прочерченными линиями, организованными в сетку. Подобная керамика встречается во многих ранненеолитических культу-

рах Восточной Европы (елшаноидная керамика, деснинская культура, североприкаспийские памятники, валдайская культура, фаза «с» сертейской культуры).

По-видимому, другой культурный импульс стоит связывать с юго-западными территориями — ареалом буго-днестровской культуры. Он маркируется распространением керамики, орнаментированной крупным зубчатым штампом и оттисками орудия типа ракушки, римской I (последняя присутствует и на фрагментах из самых нижних слоев Ракушечного Яра).

Еще один культурный импульс связан с появлением керамики, орнаментированной в прочерченно-отступающей манере и треугольными наколами, из бассейна Нижней Волги и Северного Прикаспия. Причем керамика, орнаментированная отдельно стоящими треугольными наколами, встречена также в нижних слоях памятника Ракушечный Яр вместе с неорнаментированной керамикой. Этот культурный импульс фиксируется на огромной территории, охватывая культуры лесостепной и лесной зоны Восточной Европы.

Распространение этих традиций, судя по имеющимся радиоуглеродным датам, проходило в очень короткие промежутки времени по основным водным «магистралям» Восточной Европы, идущим в меридиональном направлении и связывающим первичные и вторичные центры.

Подготовлено при поддержке гранта РГНФ 07–01–9016 а/б; гранта Евросоюза (F6 European Project FEPRE) № 028192

А.Ю. Городилов, Л.Г. Шаяхметова

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В настоящее время на территории Кольского полуострова известно около 190 неолитических памятников, расположенных как на побережье, так и во внутренних районах полуострова. Большинство из них открыто во время работ Кольской археологической экспедиции под руководством Н.Н. Гуриной и, позже, В.Я. Шумкина во второй половине XX в. и начале XXI в.

Большая часть памятников представлена лишь небольшим количеством фрагментов керамики, полученных в ходе сбора подъемного материала или закладки рекогносцировочных шурфов. В то же время на ряде стоянок были проведены стационарные раскопки, в ходе которых получены значительные керамические коллекции, насчитывающие до нескольких тысяч фрагментов. Данные памятники расположены в трех районах Кольского полуострова:

1. Южное побережье Кольского п-ова: Чаваньга-1, Наволок.
2. Северное побережье в районе пос. Дроздовка: Нерпичья Губа, Нерпичья Губа I, Усть-Дроздовка, Маяк II.
3. Центральная часть: Цага-1, Мыс Семерка I, Ловозеро I-III.

Первая керамика на территории Кольского полуострова относится к середине пятого тысячелетия до н.э. и представлена памятниками Чаваньга I, Цага I, Нерпичья Губа I и др. Для данной керамики характерны достаточно большие (до 40–50 см в диаметре) остродонные, реже плоскодонные, сосуды с примесью дресвы и песка. Толщина стенок сосудов в среднем не более 1,5 см, преимущественно 0,8–1,1 см. Преобладает П-образный венчик, прямой или слегка скошенный внутрь. Встречаются и венчики с утолщением. Обжиг, как правило, низкотемпературный, плохой. Для орнамента сосудов использовались следующие орнаменты: конические ямки и ямчатые вдавления, оттиски сложной формы, оттиски штампа «веревочка на палочке», оттиски гребенки. Орнамент обычно разбивает сосуд на горизонтальные зоны.

Наиболее близкие аналогии данная керамика находит среди памятников с керамикой Сяр I, распространенной на территории зарубежной Фенноскандии и в Карелии.

Поздненеолитическая керамика Кольского полуострова сохраняет ряд признаков, присущих ранней керамике: форма сосуда, толщина стенок, состав примесей и др. Однако наряду с этим появляются и отличительные особенности. Так, помимо остродонных, получают распространение и плоскодонные сосуды. Тесто становится хуже смешанным. Помимо традиционных примесей используются также слюда и асбест. Орнаментация сосудов становится более «нарядной», используется большее количество

орнаментиров. Получают распространение такие из них, как палочки, кости животных и пр. В большинстве случаев орнамент нанесен более небрежно, оттиски часто смазаны. Меньше соблюдается одинаковый устойчивый наклон оттисков и расстояние между ними.

*Т.В. Сапелко, А.В. Лудикова,
Д.Д. Кузнецов, Д.А. Субетто*

ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В ходе совместных археологических и палеогеографических исследований изучены донные отложения озера Канозеро (67°3'33" с.ш.; 34°6'12" в.д.) в южной части Кольского полуострова, а также проведены комплексные палеогеографические работы на острове Большой Олений в Кольском заливе Баренцева моря (69°13' с.ш.; 33°29' в.д.). Все работы проводились при сотрудничестве с археологами В.Я. Шумкиным, Е.М. Колпаковым и А.И. Мурашкиным

На острове Большой Олений археологами из Института истории материальной культуры Российской академии наук изучался могильник. В результате совместных комплексных работ в 2004–2005 гг. выполнен палинологический анализ образцов, отобранных из археологического разреза. Для корреляции полученных результатов были предприняты исследования донных отложений озера и болота, расположенных неподалеку от могильника. Выполненные геоморфологические, стратиграфические и микропалеонтологические исследования в районе могильника позволили сделать некоторые выводы.

Могильник, по всей вероятности, возник во второй половине суббореального периода, после того как поверхность осушилась, но до того, как началось формирование перекрывающего его органно-минерального слоя, которое связано с началом процесса почвообразования и формированием гумусового горизонта. Небольшая мощность слоя свидетельствует о непродолжительном характере процесса. Провести корреляцию результатов изучения

болота, донных отложений озера и расположенного рядом могильника, как планировалось, не удалось. Однако данные изучения всех разрезов позволили реконструировать развитие природной среды в период большей части голоцена. Палинологические данные из археологического разреза дополняют реконструкцию природной среды этапов голоцена, отсутствующих в донных отложениях озера и болота, которые, как, оказалось, имеют более молодой возраст.

Палеоимнологические работы в южной части Кольского полуострова начаты в 2008 г. в связи с изучением археологами обнаруженных на островах озера Канозера наскальных рисунков — петроглифов. В результате полевых работ отобраны колонки донных отложений, как из самого озера, так и из водоемов, расположенных рядом на разных высотных отметках. К настоящему времени получены предварительные результаты, которые позволили последовательно охарактеризовать этапы развития Канозера с позднеледниковья до современного периода. Дальнейшее исследование позволит уточнить хронологию этапов изменений уровня озера в течение рассмотренного периода. Это особенно важно для уточнения датирования петроглифов.

Результаты наших исследований на Кольском полуострове показали перспективность комплексных естественно-научных работ различных археологических памятников. Значение таких работ всегда отмечала Нина Николаевна Гурина.

В.И. Хартанович, В.Г. Моисеев

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

(ПО КРАНИОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА НА БОЛЬШОМ ОЛЕНЬЕМ ОСТРОВЕ БАРЕНЦЕВА МОРЯ)

Могильник эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря — единственный древний памятник на всем крайнем севере Евразии, давший палеоантропологические материалы хорошей сохранности. Памятник

открыт в 1925 г. сотрудниками Имандровской экспедиции Мурманской биологической станции (г. Полярный) С.Ф. Егоровым и Г.А. Рихтером, которые обнаружили разрушенные погребения и провели раскопки двух из них. В 1928 г. организованы археологические раскопки палеоэтнологической группой Антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции АН СССР под руководством А.В. Шмидта. Исследовано одиннадцать погребений, сопровождавшихся разнообразным каменным и костяным инвентарем. В 1947/1948 гг. Кольская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР под руководством Н.Н. Гуриной продолжила работы (56 кв. м), изучив еще десять погребений.

Впервые краниологические материалы из могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря (из раскопок А.В. Шмидта и Н.Н. Гуриной) были изучены В.П. Якимовым (1953). Автор отметил, что они могут быть сближены с представителями большой монголоидной расы, и охарактеризовал «оленеостровцев» как своеобразный антропологический тип, создавший основу урало-лапоноидных групп современности. В своем генезисе он мог быть результатом смешения европеоидных и монголоидных элементов, происходившего в зоне их контакта, или являться «особым протомонголоидным вариантом одной из ветвей азиатского расового ствола». В.П. Якимов крайне осторожно подошел к интерпретации изученных материалов в силу их малочисленности (четыре мужских черепа, четыре женских). Особо было выделено то обстоятельство, что черепа имеют своеобразный морфологический облик, отличный от антропологических комплексов древнего и современного населения, в том числе и саамов — носителей «лапоноидности».

В 1998–2004 гг. изучение памятника возобновлено Кольской археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством В.Я. Шумкина. Исследовано около 120 кв. м. могильника. Обнаружено девять погребений (пять одиночных, четыре коллективных, содержащих два, четыре, пять и шесть костяков соответственно). Все погребения сопровождались богатым инвентарем. Получено 19 костяков индивидуумов разного возраста, более 250 археологических артефактов.

Новые данные (12 мужских и 9 женских черепов) значительно повысили надежность выводов. Материалы были изучены с ис-

пользованием двух независимых систем краниологических признаков — краниометрии и краниоскопии. Применялся метод многомерного статистического анализа — анализ канонических корреляций.

В увеличившейся серии еще более явно проявились те характерные особенности антропологического типа древних баренцево-морских «оленеостровцев», которые определили специфику их антропологического комплекса в составе и древнего и современного населения Евразии.

На основании результатов анализа можно заключить, что среди близких к современности групп они, несомненно, наиболее близки уральцам — уграм и самодийцам, а в древних группах занимают специфическое положение, в целом близкое к сериям из Западной Сибири. Специфичность указывает на сохранение этими группами, включая серию из Оленьего острова, особенностей древнего недифференцированного морфологического типа.

Новые данные не оставляют сомнений в том, что в генезисе древнего населения севера Кольского полуострова принимали участие выходцы из более восточных территорий — носители весьма специфического антропологического типа, связанного происхождением с «уральской» антропологической общностью. Время появления на этой территории представителей древней «уральской» антропологической общности, а также пути проникновения еще предстоит уточнить, используя все имеющиеся данные.

Е.М. Колпаков, В.Я. Шумкин, А.И. Мурашкин

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

На Кольском полуострове в настоящее время известно два местонахождения (в южной и северной частях) древних наскальных выбивок (Канозеро и Поной-Чальмн-Варрэ) и, кроме них, на северо-западе (полуостров Рыбачий) два местонахождения с гравировками и писаницами (Пяйве и Майка). Канозерские петроглифы включают 1140 изображений, понойские (Чальмн-Варрэ) — 121, на Пяйве и Майке — около 30 писаных фигур и 6 гравиро-

ванных, которые в основном состоят из геометрических узоров, есть два профильных зооморфа и два антропоморфа анфас.

Среди понойских петроглифов подавляющее большинство составляют профильные зооморфы (79), которые, вероятнее всего, обозначают оленей и лосей. За ними следуют антропоморфы анфас (17). Антропоморфы и зооморфы иногда складываются разными изобразительными приемами в определенные композиции.

Канозерские петроглифы весьма разнообразны по сравнению как с остальными памятниками наскального творчества Кольского полуострова, так и с подобными памятниками Северной Фенноскандии и Карелии вообще. На Канозере представлены антропоморфы в профиль и анфас (139), зооморфы в профиль и в виде сверху (126), орнитоморфы (11), ихтиоморфы, причем в подавляющем большинстве китообразные (78), лодки (181), разнообразные следы (174), гарпуны (4), кресты (7), «колеса» (6), топоры-жезлы (4). При этом отдельные фигуры складываются в сложные композиции, которых мы насчитываем 113. Наиболее распространенным сюжетом на Канозере является охота, прежде всего с лодки с гарпуном на китообразных.

Датировка наскальных изображений обычно представляет значительные сложности. Писаницы Пяйве приурочены к древней береговой линии и находятся на высоте 23–26 м над современным уровнем моря. С учетом этих обстоятельств и принимая во внимание их стилистические особенности, писаницы Пяйве можно отнести к позднему мезолиту (5 тыс. до н.э.). Очень похожий по расположению и изобразительным особенностям комплекс с выполненными также красной охрой фигурами был обнаружен недавно в Северной Норвегии.

Понойские изображения, по данным геоморфологии и стилистике, создавались в два этапа, вероятно, в позднем неолите эпохе раннего металла.

Хронологическая привязка канозерских петроглифов в настоящее время может основываться на их сходстве по ряду признаков с Залавругой, для которой А.М. Жульниковым обоснована дата 4–3 тыс. до н.э.

Петроглифы Чальмн-Варрэ сходны с канозерскими по наличию характерных трех- и четырехногих профильных зооморфов. Причем на Канозере почти все они располагаются на высоте до

1 м над современным уровнем воды в озере. Таким образом, являются основания считать понойские петроглифы синхронными поздней фазе создания канозерских изображений.

Т.А. Хорошун

К ВОПРОСУ О ЖИЛИЩАХ ЭПОХИ НЕОЛИТА — РАННЕГО ЭНЕОЛИТА В БАССЕЙНЕ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

Эпоха неолита на территории Карелии охватывает период с середины V до начала III тыс. до н.э. Это культуры керамики сперрингс, ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной. Переходный этап к эпохе раннего металла представлен ромбо-ямочной керамикой (начало III — рубеж III–II тыс. до н. э.).

К культуре с керамикой сперрингс может относиться наземное жилище с округлым основанием на Илексе V (Косменко, 1992, С. 47–48). Жилища, связанные с ямочно-гребенчатой керамикой исследованы на поселении Пегрема V. Здесь вскрыты два, соединенные коридором, жилища четырехугольной формы площадью до 25 м², углубленные в материк на 0,2–0,4 м (Журавлев, 1986, С. 138–141). На памятниках с гребенчато-ямочной керамикой изучено 10 жилищ. Ранние выявлены на поселении Черная Губа III; они прямоугольной формы, углубленные на 0,4–0,6 м с двумя выходами и двумя очагами. Поздние жилища (Черная Губа IV и IX) по очертаниям близки квадратным, с одним выходом. Стены из горизонтально уложенных бревен прослежены по темным углистым полосам. Следы столбов вдоль стен отсутствуют. В одном из жилищ Черной Губы IX выявлено несколько столбовых ям в центральной части пола (Витенкова, 2002, С. 23–49).

Выразительный жилищный комплекс неолита – раннего энеолита изучен на Вигайнаволоке I. Всего на площадке зафиксировано 26 жилищных впадин (Панкрушев, Журавлев, 1966). Из них 16 связаны с эпохой неолита (Панкрушев, 1978, Ч. II, С. 44), но согласно условиям залегания и характеру находок (тонкостенная ямочно-гребенчатая керамика) к этому времени можно отнести 11 жилищ. К переходному этапу от неолита к раннему энеолиту

отнесено 14 жилищ, но из них только пять исследованы полностью.

С ямочно-гребенчатой керамикой связаны жилищные впадины прямоугольной формы, в некоторых случаях обнаруженные под западаниями овальной формы на современной поверхности. Они прослежены по линзам гумусированного песка. Глубина их залегания от современной поверхности варьирует от 0,5 до 1,15 м. Площадь впадин различная (11,5, 28, 36, 40, 50, 60, 70 кв. м). Наиболее распространены площадью 40–50 кв. м. Жилища однокамерные или двухкамерные, соединенные проходом. Выход ориентирован на северо-восток (чаще) или юго-запад. Кострища обнаружены внутри жилищ или в центре коридора (в одном случае).

Раннеэнеолитические жилища в большинстве случаев обнаружены на месте неолитических и прослежены по углистым полосам (возможно, следы от сгнивших бревен). Это однокамерные квадратной формы довольно значительной площади (49, 80 и 100 кв.м) постройки, внутри которых находились кострища. Выход зафиксирован в одном жилище, ориентирован на юго-восток.

При сравнении жилищ неолита с жилищами переходного к энеолиту периода Вигайнаволока I можно выделить схожие признаки. В обоих случаях их основания углублены минимум на 0,4 м, что свидетельствует о полуземляночном характере построек на обоих этапах. Характерны однокамерные помещения. Выявленные следы от бревен (перекрестия угольных полос) в жилищах с ямочно-гребенчатой керамикой предполагают срубный характер построек, хотя для окончательного решения требуется дальнейшее изучение. Но существуют и различия. Для раннего времени характерны двухкамерные постройки, соединенные коридорами. Площадь поздних жилищ значительно превышает площадь более ранних. Только в неолитических жилищах в нескольких случаях, вероятнее всего, имелись настилы на полу.

Тем не менее, несмотря на существующие различия, можно полагать, что для поселений с ямочно-гребенчатой и для поселений с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой (по сравнению с жилищными впадинами с керамикой сперрингс) характерны полуземляночные жилища квадратной и прямоугольной формы.

Полуземляночные жилища фиксируются на памятниках бассейна Онежского озера с середины неолита. Строительство подобных сооружений продолжается в период господства гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики. Это может свидетельствовать о единой традиции в домостроительстве, которая, очевидно, отражает культурное единство памятников с данными типами керамики в течение среднего неолита — раннего энеолита, но и не исключается влияние схожих климатических условий и, вероятнее всего, образа жизни населения.

В.Н. Карманов, Н.Е. Зарецкая

ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

В последнее время наметилась тенденция к повышению качества источниковой базы по неолиту европейского Северо-востока России (далее — ЕСВ), в т.ч. и к появлению новых данных по хронологии. Несмотря на это, круг актуальных проблем расширяется, а пути их решения можно лишь обозначить.

Радиоуглеродная хронология. В связи с особенностями геохимии почв и, вероятно, сравнительно коротким периодом обитания на известных неолитических памятниках региона материалы для радиоуглеродного датирования как единственного надежного метода определения возраста голоценовых памятников крайне скудны. Преимущественно это рассеянный уголь, реже уголь из очагов. В настоящее время ^{14}C датами обеспечены только четыре памятника.

1) Прилукская (черноборской группы): 6680 ± 70 (ЛЕ-4813) и 6350 ± 60 (ЛЕ-4814).

2) Пезмогты 1 (ляловского типа): 5840 ± 100 (ГИН-11914, уголь из очага).

3) Пезмог IV (местонахождение камского гребенчатого неолита): 6820 ± 70 (ГИН-11915, нагар), 6730 ± 50 (ГИН-12322, уголь), 6760 ± 50 (ГИН-12324, культуровмещающие отложения), 6410 ± 90 , 6130 ± 100 (Ки-15428, 2 разные даты по одному образцу керамики).

4) Энъты I (эньтыйского типа): 5625 ± 80 (Ки-15534, керамика).

Необходимо отметить, что к 2000 г. мы располагали датами только для стоянки Прилукская (Волокитин, Карманов, 2000). Имеющиеся данные, однако, требуют пояснений. Очаг стоянки Прилукская, из которого отбирался уголь на датирование, не соотносится с определенным археологическим материалом. Даты по местонахождению Пезмог IV (уголь, культуровмещающие отложения и нагар) позволили авторам высказать предположение о ранненеолитическом возрасте памятников хуторского-боровоозерского этапа камской культуры (Волокитин и др., 2006). Полученные позднее даты по керамике моложе. По мнению авторов, это может объясняться попаданием более молодого углерода в образцы керамики во время ее пребывания в состоянии захоронения и невозможностью разделить синхронный и более молодой углерод физическими или химическими методами во время подготовки образцов на датирование.

Сомнения авторов в валидности метода подкрепляются датами с разницей в 300 лет, полученными по одному и тому же образцу Ki-15428 (см. выше). Если дата по Пезмогты 1 укладывается в серию дат для архаичного и раннего этапов льяловской культуры (Энговатова, 2000), то данные по гребенчато-накольчатой керамике стоянки Эньты I не соответствуют современным представлениям о развитии керамических традиций неолита лесной зоны Восточной Европы. Таким образом, имеющиеся сведения об абсолютной хронологии неолита явно недостаточны.

Сравнительно-типологический метод и принцип синхронизации сходных явлений. Размещение неолитических памятников ЕСВ на временной шкале носит предварительный характер. В этой ситуации правомерно предложить следующий вариант. Если культурно-хронологическая колонка памятников определенного региона достаточно надежно обоснована, то для материалов, типологически соответствующих материалам таких памятников, можно установить нижнюю границу — время, когда на ЕСВ начали появляться памятники известных культурных образований.

Вопрос о верхней границе их существования остается открытым, поскольку дальнейшая судьба этого населения в основном не прослежена. В настоящее время можно говорить о по крайней мере двух периодах заселения региона в неолите. В ранний период, в первой половине V тыс. до н. э., здесь появляются стоянки

типа Дугово I и Черная Вадья, черноторской группы, камской неолитической культуры и энтьгского типа. Следующий этап освоения региона связан с появлением в начале IV тыс. до н.э. носителей гребенчато-ямочных традиций, генезис которых связан с населением льяловской культуры (Карманов, 2008). Сравнительно-типологический анализ материалов ЕСВ и сопредельных территорий позволяет говорить о том, что известные памятники с гребенчато-ямочной керамикой существуют в узком временном отрезке, с нижней границей в первой половине IV тыс. до н.э., соответствующем первым двум этапам существования льяловской культуры (Сидоров, 1992).

Очевидно, что решение проблем хронологии неолита ЕСВ возможно только с условием привлечения материалов сопредельных территорий и Восточной Европы в целом. Например, сравнительный анализ материалов ЕСВ и Вологодской области позволил наметить иной путь решения проблемы генезиса населения печоро-двинской культуры позднего неолита (по И.В. Верещагиной и Л.Л. Косинской). Данные исследования стратифицированных поселений Векса I, III свидетельствуют о сравнительно раннем возрасте этой посуды в пределах конца V — начала IV тыс. до н. э. (Карманов, Недомолкина, 2007).

М.В. Иванищева

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО НЕОЛИТА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящее время на территории севера Европейской части России выявлен ряд культур и групп памятников, относящихся к раннему неолиту.

Исследования последних лет на территории Вологодской области дали новые и важные результаты по заселению и освоению края в этот период.

В нижнем Посухонье раскопками широкой площадью исследованы два поселения у деревни Березовая Слободка в Нюксенском районе. Материалы раннего неолита получены в ходе принятых нами раскопок многослойных поселений Березовая Слободка II–III и поселения эпохи неолита Березовая Слобод-

ка VI. Памятники приурочены к древнему останцу справа от устья реки Уфтюги — левого притока Сухоны, на левом берегу которой располагается деревня Березовая Слободка.

В Южном Прионежье выделена группа памятников типа Тудозеро–V. Опорным является многослойное поселение Тудозеро–М.

Главной задачей, стоящей перед исследователями эпохи неолита, продолжает оставаться археологическое изучение памятников и материальных остатков с целью понимания процессов и факторов развития древних сообществ. Для этого прежде всего необходимо определить:

- 1) время появления гончарной технологии на севере лесной полосы;
- 2) механизм появления керамики у лесного населения;
- 3) соотношение и контакты разных групп древнего населения Русского Севера.

Н.Г. Недомолкина

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО СЛОЯ ПОСЕЛЕНИЯ ВЕКСА III (К ВОПРОСУ О ЗАСЕЛЕНИИ ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕЙ СУХОНЫ)

Территория Верхней Сухоны в силу геоморфологического положения и природно-климатических условий представляет собой своеобразный регион с развитой гидросистемой, сложившейся на площади приледникового Сухонского озера. В период неолита данный район был освоен и достаточно плотно заселен различными культурными группами.

Пониманию историко-культурной ситуации в бассейне Верхней Сухоны способствовали исследования комплекса многослойных поселений Векса. Культурные слои памятников отражают последовательность в развитии культур от раннего неолита до средневековья. Слои четко стратифицированы, так как в большинстве своем разграничены намывными материковыми прослойками (до 0,6 м). Благодаря этому поселения являются эталоном для установления относительной и абсолютной хронологии памятников всего региона, а в ряде случаев могут быть опорными для сопредельных территорий лесной зоны.

В ходе раскопок нижнего слоя (слой 9) поселения Векса III наряду с предметами из камня, керамикой были найдены изделия из кости и рога. Серия костяных предметов, найденная в слое, довольно представительна и разнообразна. Набор изделий представлен различными типами наконечников стрел, кинжалами из трубчатых костей и рога, орудиями с оформленным рабочим краем под углом 45°, рыболовными крючками, мормышкой. В коллекции также содержатся кочедыки и проколка.

Из числа других изделий следует назвать обломки подвески, лопатки или ложки. В ямках найдены специально схороненные массивные кости лося и расчлененные отростки рогов северного оленя. В слое обнаружены фрагменты рогов и костей со следами частичной обработки, а также обломки костей, в том числе полированные.

Коллекция костяных орудий из раскопа дополняется серией костяных орудий, найденных в подъемном материале.

Анализ костяных орудий из нижнего слоя поселения Векса III свидетельствует о своеобразии набора предметов в целом, об устойчивости и однородности форм и типов орудий в пределах узкого хронологического диапазона. Прослеживается отличие материалов из слоя и мезолитических материалов. Большое сходство находкам из кости отмечается в раннеэнеолитических комплексах соседних территорий лесной зоны. Это подтверждает данные о заселении Верхней Сухоны в период раннего неолита не позднее начала V тыс. до н.э.

Н.В. Косорукова, Н.Б. Васильева

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КАРАВАЙХА 4 В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ

Стоянка Каравайха 4 находится в Кирилловском районе Вологодской области на левом берегу реки Еломы (бассейн озера Воже). Она была открыта в 2002 г. объединенной археологической экспедицией Череповецкого музейного объединения и Череповецкого государственного университета. Стоянка расположена на низком болотистом берегу в 150 м от известного неолитического

могильника Караваяха, находящегося на правом берегу реки, раскопки которого проводил А.Я. Брюсов в 1930–1950-е годах (Брюсов, 1961).

Культурный слой залегает под торфом и сапропелем, на контакте сапропеля и материковой глины, на глубине 1,1–1,3 м от верхней поверхности. За 2002–2008 гг. на стоянке исследована площадь 277 кв. м. (Косорукова, 2005, 2006). В ходе раскопок здесь выявлены две длинные узкие западины со столбовыми конструкциями вдоль краев западин, которые представляли собой, вероятно, сооружения для ловли рыбы, построенные в узких ручьях-заливчиках. На участках западин наблюдалась более сложная стратиграфия, глубина раскопов на данных участках также была значительно больше. В нижней части сапропеля здесь фиксировались слой дерева (палок, нетолстых бревен и др.), затем слой щепы, прослойка не оторфованного сапропеля и прослойка песка. Находки залегали в самом низу, на контакте песка и материковой глины, на глубине 1,8–2,2 м от верхней поверхности.

Находки представлены изделиями из кости, дерева, камня и глины. По радиоуглеродным датам стоянка датируется ранним неолитом, что подтверждается типологическим анализом каменных и костяных орудий и единичных фрагментов керамики. Наибольший интерес представляют, конечно, изделия из органических материалов, которые сохраняются здесь благодаря наличию торфа, и керамика. Но не менее интересен и каменный инвентарь. Материалы стоянки, несомненно, представляют чистый хронологический комплекс, находки залегают очень тонкой прослойкой, плотность находок не велика, в отличие от памятников с песчаным культурным слоем, где плотность находок всегда значительно больше и уровень их залегания представляет определенный диапазон (0–0,4 м от верхней поверхности).

Каменный инвентарь представлен изделиями из кремня и сланца. Изделия из кремня преобладают. Кремень использовался черный, хорошего качества, а также серый, белый и очень редко цветной, менее хорошего качества. Среди кремневого инвентаря представлены следующие категории изделий: нуклеусы, нуклеидные обломки и обломки кремня со следами снятий, технологические сколы, пластины, отщепы, чешуйки, изделия с вторич-

ной обработкой, в том числе наконечники стрел, пластины с ретушью, скребки, ножи, скобели, проколки, комбинированные орудия и др. Нуклеусы преобладают аморфные, сработанные, с негативами коротких неправильных пластин и отщепов. Есть также отдельные остаточные нуклеусы вертикального снятия с негативами правильных микропластин.

Технологические сколы немногочисленны и представлены в основном ребристыми сколами. Среди предметов из кремня, после отщепов и чешуек, большинство составляют пластинки и их обломки. Можно отметить наличие серии правильных нешироких пластин и микропластин.

Наибольший интерес представляют наконечники стрел, которые, на первый взгляд, относятся к разным хронологическим комплексам. Среди данной категории изделий преобладают наконечники на пластинах с черешком или намеченным насадом, с минимальной обработкой острия и насада (постсвидерского типа), которые традиционно датируются эпохой мезолита и встречаются в раннем неолите. Кроме орудий указанного типа, встречаются наконечники листовидной формы или с прямым основанием с обработкой ретушью по периметру (не всегда сплошной) по одной или двум сторонам (нередко изделия такого типа сопоставляются с поздним мезолитом — ранним неолитом).

И, наконец, единично представлены наконечники с двусторонней (не сплошной) обработкой ретушью, которые, как правило, сопоставляются с неолитом. Учитывая, что стоянка представляет собой чистый хронологический комплекс, можно предположить, что на определенном (узком) хронологическом отрезке все три типа наконечников сосуществуют.

Среди орудий преобладают скребки, среди скребков абсолютное большинство сделаны на отщепках случайной формы. Характерны скребки однолезвийные (рабочий край занимает один край отщепки или примерно одну четвертую периметра), также встречаются угловые и ретушированные на три четверти периметра. Скобели, ножи и проколки также сделаны в основном из отщепов. Среди изделий с вторичной обработкой на пластинах сделаны только наконечники стрел, представлены и пластины с ретушью, в том числе имеются единичные вкладыши из микропластин.

Изделия из сланца представлены в коллекции выразительной серией. Среди них преобладают рубящие орудия, есть предметы с просверленными отверстиями, пилы, заготовки орудий. Рубящие орудия имеют относительно небольшие размеры, часто обработаны шлифовкой, среди них характерны топоры и тесла подтрапцевидной формы. Небольшой серией представлены также вкладыши-лезвия составных рубящих орудий, обработанные шлифовкой.

Каменный инвентарь стоянки Каравайха 4 находит аналогии среди широкого круга позднемезолитических и раннеолитических памятников лесной зоны.

Т.М. Гусенцова

**К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ
ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ КАМНЯ И БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ Р. СВИРЬ
(СЕВЕРО-ВОСТОК ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Бассейн р. Свирь, соединяющей Онежское и Ладожское озера, является до сих пор слабо изученной территорией на северо-востоке Евразии. Наиболее известной, открытой еще в 20-е годы XX в., является Вознесенская стоянка, расположенная на правом берегу р. Свирь неподалеку от ее истока из Онежского озера. Стоянка открыта Р.Ф. Геккером. Исследовалась В.И. Равдоникасом и Н.Н. Гуриной, которая опубликованы ее материалы. На стоянке собраны материалы неолита (ямочно-гребенчатая керамика), энеолита (асбестовая керамика) и более поздних эпох. В настоящее время стоянка практически размыта.

С 1986 г. автором в бассейне р. Свирь обнаружено более 40 и раскопано 19 памятников эпохи камня и энеолита. Исследования обнаружили достаточно плотное освоение этого района людьми в различные хронологические периоды, начиная с эпохи мезолита. Памятники выявлены в основном на левобережных притоках р. Свирь и озерах, связанных между собой речками и протоками.

Наибольший интерес вызывает бассейн р. Шокши, правого притока р. Оять, где сосредоточено пять крупных озер и находится свыше 20 археологических объектов. Это район наиболее приближен к Онежскому озеру (80–100 м). Вторая многочисленная

(11 объектов) группа памятников расположена у оз. Ащозеро — левобережье р. Оять. На правобережье обнаружены стоянки на крупных озерах Вачозеро и Пидьозеро.

Уникальной является стоянка Щелейки, расположенная на южном берегу Онежского озера, где сохранился культурный слой эпохи раннего неолита (культура сперрингс). Два стоянки обнаружены в бассейне р. Капши, притока р. Паши, относящейся к системе Ладожского озера.

Большинство изученных стоянок относится к памятникам не-однократного заселения на протяжении длительного времени. Древнейших обитателей привлекали сухие песчаные берега, поросшие сосновыми лесами.

Геоморфологические исследования территории южных районов Онежского озера (Шелтозерские стоянки) показали, что во времени формирования террасы относятся к бореальному — суббореальному периодам. Террасы бореального периода занимают более высокое гипсометрическое положение по сравнению с атлантическим периодом. В рассматриваемом районе на останцах таких террас высотой 5–6 м расположены мезолитические стоянки Падань 4, Оренженская I, III.

Наибольший интерес представляют материалы стоянки Падань 4, где на площади раскопа в 80 кв. м. собрано более 13,5 тыс. предметов из камня. Основную массу орудий составляют скребки и пластинки-вкладыши. Индустрия стоянки Падань 4, базирующаяся на кремневом сырье, значительно отличается от большинства памятников мезолитической соседней Обонежской культуры. Некоторые параллели материалам стоянки можно провести со стоянками Уя II, Ялбуга V, Пилдуши XIV, XIV a (7280±120), Муромское VII (7600±100; 7940±120 л.н.), в инвентаре которых прослеживается использование кремня.

Инвентарь стоянки Падань 4 имеет сходство с индустрией стоянок Лиственка III–А, Усть-Андога I, расположенных в соседнем бассейне р. Шексны, существовавших в промежуток от первой половины бореала до первой половины атлантикума. Время существования стоянки Падань 4 — VII–VI тыс. до н.э.

Памятники раннего неолита, представленные двумя культурами — сперрингс и ямочно-гребенчатой — расположены на низких участках озерных террас высотой до 1,0–1,5 м — Падань I,

Шокша II, Оранжевая II, Ащозеро I, VII, Щелейки. Выразительный материал раннего периода культуры сперрингс получен из раскопок стоянки Щелейки. Она находится на каменистом мысу берега Онежского озера, в 20 км от истока р. Свирь.

Каменный инвентарь представлен орудиями из сланца, кремня и лидита. Найдено два обломка сланцевых колец, одно из которых украшено насечками. Глиняная посуда орнаментирована преимущественно оттисками рыбьего позвонка. Выделяется сосуд, украшенный наклонными прочерченными линиями и ямками с плоским дном. Подобная керамика найдена на неолитической стоянке Хепо-ярви на юге Карельского перешейка, где получены даты 6480 ± 80 л.н. (Je-1412), 6380 ± 60 л.н. (Je-1411). Ранняя ямочно-гребенчатая керамика в сочетании с каменным инвентарем, основу которого составляют изделия на пластинах, в «чистом» виде получена на стоянке Ащозеро I.

Стоянки неолита с развитой и поздней ямочно-гребенчатой керамикой расположены на более высоких участках террас высотой 1,5–3 м, (Шокша 1, 4, Вачозеро). Памятники с ямочно-гребенчатой керамикой очень часто встречаются на островах озер. Споро-пыльцевые анализы, сделанные для неолитических памятников юго-западного Прионежья, содержат в пробах много пепла от пожаров, что свидетельствует о засушливом климате. Именно в этот период происходит интенсивное освоение территории неолитическим населением с ямочно-гребенчатой керамикой. Для комплексов с ямочно-гребенчатой керамикой стоянки Падань I получены даты 4920 ± 100 (ГА-2137); 3930 ± 120 (ГА-2138).

Эпоха энеолита представлена культурами с ромбо-ямочной и асбестовой, пористой керамикой, стоянки которой занимают, как правило, низкие участки террас высотой до метра (Падань I, Падань V, Заяцкая). Материал аналогичен памятникам Карелии, датированным III тыс. до н.э.

Впервые в бассейне р. Шокша была найдена сетчатая керамика эпохи бронзы на террасах высотой 3–4 м (Шокша I, VI).

**НЕОЛИТ И ЭНЕОЛИТ ПОСЕЛЕНИЯ ОХТА 1
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

При проведении охранных археологических исследований крепости Ниеншанц XVII в., расположенной на территории Санкт-Петербурга, были обнаружены песчаные слои с остатками объектов и находками эпохи неолита и энеолита. Памятник находится на мысу, образованном реками Невой и Охтой. Культурные слои поселения Охта 1 перекрыты слоем наносного песка мощностью до 1 м, залегающего под погребенной почвой. Основная толща культурного слоя поселения сложена слоистыми серыми песчаными отложениями с включениями конкреций орштейна и отчетливо выраженной прослойкой крупнозернистого песка с комьями глины. Мощность культурного слоя 0,30–0,80 м, в ямах — до 0,7–1,2 м. Нивелировочные отметки верха культурного слоя 3,20–2,90 по Балтийской высотной шкале. Нижние отметки культурного слоя 0,90–0,50 по Балтийской высотной шкале.

Памятник относится к типу многократно заселяемых (сезонных) поселений. Между культурными слоями имеются прослойки, не содержащие материал. На исследованной площади поселения выявлены археологические объекты. Среди них крупные ямы размером 4 х 6–8 м, глубиной 0,30–0,50 м с ямками от столбов, четко прослеживающихся в разрезах по углам котлована. Форма котлованов овальная или прямоугольная. Ямы отличаются заполнением — темной слоистой супесью с включениями угля. По краям и в центре ям находятся остатки ожелезненных деревьев длиной до 2–3 м, кора, пятна органики с углистыми включениями, фрагменты сосудов и каменный инвентарь.

Наряду с крупными объектами выявлены «жилые площадки» с мощными пятнами органики диаметром до 1,0–1,2 м, под которыми иногда находятся камни. Найдены ямы, в которых стояли очень крупные раздавленные сосуды. Рядом, как правило, находятся многочисленные фрагменты глиняной посуды, встречаются обломки шлифовальных плит, орудия из камня, сланцевые наконечники стрел, сланцевые грузила и тесла, янтарные подвески

трапецевидной, овальной или круглой (пуговики) формы, аналогичные украшениям прибалтийского типа.

Особый интерес вызывают находки четырех скоплений лучины, расположенные рядом с крупными ямами. Скопления имеют ширину 1,5–2,0 м и состоят из 2–7 тонких слоев лучины, лежащих вдоль друг под другом. Длина лучин достигает 1,6 м, ширина — 1,5–2,5 см. Скорее всего, это остатки рыболовецких вершей, развернутые водой. Подобные предметы имеются на стоянке Сарнате (Латвия).

В нижнем слое поселения обнаружены пятна гумусированного серого песка, насыщенные органикой, с включениями веток и щепок. Вокруг пятен забиты колья диаметром 10–15 см, затесанные каменными топорами и погруженные в воду до 1,0 м. В этом же слое и над ним найдена неолитическая керамика с гребенчато-ямочным орнаментом. Там же обнаружены грузила — небольшие гальки, обмотанные полосками бересты, и предметы из коры и дерева в виде невысоких емкостей очень плохой сохранности.

В верхнем слое поселения обнаружено два погребения — овальные пятна красно-коричневой супеси с включениями угля и фрагментами ожелезненных человеческих костей. Рядом с самым крупным из пятен (2,0 x 1,1 м) обнаружено ожерелье из 12 янтарных округлых пуговиц линзовидных в сечении с V-образным отверстием.

Материалы неолита представлены двумя группами керамики. К первой группе относятся толстостенные сосуды с гребенчато-ямочным орнаментом, примесью в глиняном тесте песка и дресвы. Они украшены овальными или подромбической формы ямками и рядами гребенчатого штампа. Сосуды с прямым или прикрытым горлом, венчики также украшены гребенчатым штампом.

Другую группу составляют сосуды с гребенчато-ямочным орнаментом с примесью дресвы и органики или только органики. Среди них имеются сосуды с геометрическим орнаментом. Очень часто орнамент составляют ряды небольших ямок с плоским дном. Неолитический комплекс поселения близок материалам памятников Прибалтики, Финляндии и Карелии.

Керамика эпохи энеолита также представлена двумя группами сосудов с различными примесями — органики и асбеста, последний в виде длинных игл или комочков, напоминающих пух. Тол-

щина стенок сосудов — 0,7–1,2 см, в единичных случаях до 1,5 см. Внутренняя поверхность сосудов носит следы расчесов, вероятно, гребенчатым штампом, имеются следы нагара. Сосуды имеют слегка прикрытую или прямую формы, диаметром 30–60 см. Венчики прямые, вогнутые внутрь (Г-образные) или утолщенные. На большинстве венчиков имеется орнамент в виде оттисков гребенчатого штампа или неглубоких ямочных вдавлений. Под венчиками сосудов отмечены ямки с коническим дном. Орнаментальное поле сосудов украшено наклонными оттисками гребенчатого штампа, узором в виде вертикального зигзага, в сочетании с неглубоким ямочными вдавлениями либо рядами насечек. Керамике поселений близка посуда Карелии, Ленинградской области и Финляндии.

Собрана выразительная коллекция изделий из сланца, кремня и кварца. Из кремня изготовлены многочисленные наконечники стрел листовидной формы с двусторонней обработкой ретушью. Особое внимание привлекает серия изделий из сланца: длинные шлифованные наконечники стрел (до 10 см) с уплощенным насадом; сланцевые стержни с пропилами на двух концах (грузила); шлифованные тесла, топоры, шлифовальные плиты и абразивы. Найдено украшение — обломок сланцевого кольца с зубцами по краю.

Предварительная дата поселения — IV–III тыс. до н.э.

Е.А. Кашина

ЭЛЕМЕНТЫ ЗНАКОВОЙ СИСТЕМЫ В НЕОЛИТЕ-ЭНЕОЛИТЕ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И СКАНДИНАВИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ИСКУССТВА МАЛЫХ ФОРМ

Коллекция всех известных на сегодняшний день предметов насчитывает более 600 экз., которые укладываются в хронологические рамки — конец VI — конец III тыс. до н.э. Это скульптура (из кремня, камня, глины, кости, рога, янтаря, дерева) и изображения на керамике (графические и лепные).

Круг образов очень компактен: антропоморф, птица (чаще водоплавающая), лось, медведь, бобр, выдра, змея, рыба. Те же образы хорошо известны нам по этнографическим данным о духов-

ных представлениях традиционных обществ Северной Евразии, прежде всего Сибири. Согласно наиболее универсальным данным, зооморфные образы маркировали собой уровни мироздания: птица (лось) — верх, медведь (змея, выдра, бобр) — низ. Антропоморф отображал широкий спектр персонажей: мифический предок, дух-охранитель, дух-хозяин места.

Изучение коллекции предметов искусства малых форм позволяет проникнуть в представления эпохи, когда, возможно, и происходило становление того «этнографического» комплекса воззрений. Изучение не только форм, но и археологического контекста позволяет шире и достовернее интерпретировать эти предметы, безусловно, имевшие ритуальный характер.

Не подлежат сомнению только, пожалуй, функциональные различия отдельных категорий предметов. Наборы лепной скульптуры, состоящие из изображений птиц, антропоморфов, возможно — лося, выдры, змей, входили, вероятно, в сферу женской ритуальной деятельности и отображали модель мироздания в отдельно взятом жилище. Такие яркие, крупные предметы, как роговые жезлы с головами лося, скорее всего использовались в ритуальных целях зрелыми и пожилыми мужчинами и могли отображать круг идей, связанных как с плодородием, так и с холодной половиной года.

Скульптурное оформление серий отдельных категорий бытовых предметов головой водоплавающей птицы может указывать на связь определенных хозяйственно-бытовых, а может быть, даже повседневных действий со следующими идеями: воды как основы жизни (ковши-черпаки-ложки) и творения (ретушеры). Такая категория, как орудия со скульптурными навершиями, является сравнительно малочисленной, поэтому сделать какие-либо выводы о смысловом значении этой группы пока затруднительно.

Отдельной проблемой является функционально-смысловое назначение наиболее крупной группы — скульптурных подвесок и нашивок. Обнаруженные в контексте как поселений, так и погребений, они представляют богатый материал для размышления о роли и соотношении тех или иных образов в семиотическом плане, о «конструкции» и функции того или иного знака.

Подвески и нашивки отображают тот же самый ряд образов, но при изучении контекста находок в погребениях принципы

«отбора» предметов остаются довольно загадочными. Вероятнее всего, они носились повседневно всеми членами коллектива. Есть основания видеть в этой множественности образов и их сочетаний некую систему маркировки социальных различий внутри коллектива.

Таким образом, несомненным является существование в неолите-энеолите лесной зоны Восточной Европы сложной, сформированной знаковой системы, во многом основанной на зооморфных образах. Одинаковый набор образов в зависимости от разных факторов (из чего сделан, как сделан, с каким образом рядом помещен) мог выражать самые разные понятия.

А.М. Жульников

СКУЛЬПТУРНЫЕ НАВЕРШИЯ ИЗ КАМНЯ В КОНТЕКСТЕ СВЯЗЕЙ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

В настоящее время на территории Северной Европы известно более 50 каменных изделий, в основном в виде кирки-клевца или сверленного топора с обухом, украшенным скульптурным изображением, а также в виде головы животного. Эта категория изделий, объединяемая под общим термином «скульптурные навершия», представляет интерес не только для установления характера связей древнего населения лесной полосы Европы, но и для реконструкции мировоззрения первобытных жителей Севера.

Вопросы, связанные с изучением каменных скульптурных наверший, неоднократно затрагивались в работах известных российских и зарубежных исследователей — А.Я. Брюсова, Н.Н. Гуриной, К.А. Нордмана, К. Мейнандера, К. Карпелана.

Подавляющая часть каменных наверший найдена на территории Карелии и Финляндии. Единичные экземпляры обнаружены в соседних регионах, а также в бассейне реки Печора. Большая часть этих изделий является случайными находками, что затрудняет определение их хронологии и взаимосвязи с археологическими культурами. Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о предназначении и генезисе каменных наверший.

Выполненная мною классификация каменных наверший ориентирована в первую очередь на выявление их хронологических и пространственных отличий. В ходе классификации было выделено две основных хронологических группы наверший. Первая группа относится к эпохе неолита. Вторая группа наверший имеет отчетливые признаки сверленных топоров, распространившихся в период энеолита — ранней бронзы на Севере Европы вследствие миграции сюда племен шнуровой керамики и фатьяновско-балановского населения.

Для установления генезиса и культурной принадлежности разных видов каменных скульптурных наверший было проведено их картографирование. Полоса распространения находок неолитических изделий в виде кирки-клевца, украшенного скульптурным изображением головы зверя, протянулась от центральной части Швеции на восток до бассейна Печеры. Подавляющая часть фигурных изделий в виде кирки-клевца найдена в северо-восточной части бассейна Балтийского моря. Именно здесь, видимо, зародилась традиция изготовления подобного типа наверший. Показательно широтное направление связей древнего населения, фиксируемых по распространению наверший в виде кирки-клевца.

Картографирование неолитических каменных изделий в виде головы животного показало, что мы имеем дело с сугубо локальным явлением, характерным лишь для древнего неолитического населения южной части Финляндии и Карелии. Высотные данные пунктов находок этого вида каменных наверший свидетельствуют об их раннеэнеолитическом возрасте. В южной части Финляндии и Карелии в раннем неолите распространяется культура с керамикой сперрингс, имеющая несколько локальных вариантов. Скорее всего, именно с этой культурой связаны каменные скульптурные навершия в виде головы животного.

Группа энеолитических сверленных наверший представлена в основном на территории, находящейся вне зоны культур боевых топоров, — в средней части Финляндии, южной части Карелии и Вологодской области. Единичные сверленные топоры с обухом в виде головы медведя встречены также в северо-западной части ареала фатьяновско-балановской общности. Эти данные дают основание утверждать, что возникновение этого типа наверший

является результатом взаимодействия охотничье-рыболовецкого населения восточной части прибалтийского региона и некоторых скотоводческих племен культуры боевых топоров.

В эпоху энеолита меняется и направление связей, устанавливаемых по наверхиям, — с широтного на меридиональное. Наиболее ранние фигурные сверленные топоры появились во второй половине III тыс. до н.э. (в радиоуглеродных датах) на территории Карелии и Финляндии под влиянием племен шнуровой керамики Восточной Балтии. Самые поздние экземпляры подобных изделий, не исключено, относятся к эпохе бронзы.

Среди образов зверя, представленных на каменных наверхиях (за исключением изделий в виде головы животного), доминирует медведь. В эпоху неолита при создании каменных фигурных наверхий в виде кирки-клевца изредка использовался также образ лося, рыбы, выдры, неопределенных млекопитающих. Начиная с эпохи энеолита каменные наверхия украшаются в основном только скульптурным изображением головы медведя. Единичным экземпляром представлен сверленный топор-молот с обухом в виде антропоморфной головы.

Показательно, что в кремневой и керамической скульптуре, жезлах из кости, сланцевых ножах, петроглифах лесной полосы Европы образ медведя далеко не доминирует. Представляется, что образ медведя — крупного, сильного, опасного животного — был востребован прежде всего в ситуациях военных столкновений.

В отличие от лосиноголовых жезлов из кости, найденных на ряде памятников лесной полосы Европы, фигурные наверхия из камня не встречены в погребениях, что указывает на различное функциональное предназначение этих похожих по форме изделий. Каменные скульптурные наверхия, в отличие от костяных лосиноголовых жезлов, видимо, передавались из поколения в поколение, использовались преимущественно во время военных ритуалов. Каменные наверхия в виде кирки-клевца или в виде сверленного топора-молота, судя по их форме, скорее всего являлись также парадным оружием, символом высокого социального статуса владельца.

**КЕРАМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ВАЛДАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ ВЕРХНЕГО ПОДВИНЬЯ**

Ранненеолитическая керамика валдайской культуры представляет собой достаточно однородный комплекс (Гурина, 1975), что, видимо, может свидетельствовать об отсутствии большого количества инокультурных влияний на данной территории. Керамика валдайской культуры представлена небольшими фрагментами, орнаментированными мелкими наколами каплевидной формы, зубчатыми оттисками овальной формы, крайне редко — треугольными наколами и оттисками тонкой короткой гребенки. Также есть несколько фрагментов, орнаментированных подовальными тычками в отступающей манере и «расчесами», составляющими сетку.

Орнаментальные композиции образованы, как правило, из горизонтальных рядов, диагональных. Кроме того, встречается и неорнаментированная посуда со следами лощения галькой, похожая на керамику Ракушечного Яра. Сосуды слеплены ленточным способом с добавлением лоскутов, тесто сосудов запесоченное. Керамика, как правило, тонкостенная, лощеная, очень редко — со следами «расчесов». Венчики прямые, плоские или приостренные. Подобная керамика с характерными каплевидными и подовальными наколами встречается в материалах ряда раннеолитических культур Восточной Европы, среди которых верхневолжская, средневолжская и сертейская. Однако керамика подобного типа была найдена всего на нескольких памятниках Верхнего Подвинья: Сертея 10, X, XXII.

На памятнике Сертея X отмечено несколько скоплений керамики с овальными тычками в кв. А-В / 5; Л/8, К-Л / 4-5 рядом и в наземной постройке кольевой конструкции с округлым углубленным очагом в центре. Керамика, орнаментированная оттисками овального зубчатого штампа, встречена на поселении Сертея XIV. Здесь были найдены остатки двухкамерного жилища с неорнаментированной керамикой фазы «с» и «b». Керамика фазы «с» наследует традиции изготовления ракушечноярской неорнаментированной керамики, получившей большое распространение в лесной зоне Восточной Европы, в том числе и на Валдае. Это и

наличие двухкамерного жилища, аналогичного по форме жилищам со стоянки Залесье, свидетельствует в пользу контактов между двумя этими регионами.

Второй эпизод, который роднит памятники Верхнего Подвалья с валдайскими, — это появление керамики типа слоя В Сертея VIII, X. Это посуда, сделанная лоскутно-кольцевым способом лепки типа S, на внутренней стороне был нанесен тонкий слой глины. Посуда, лощенная с внешней стороны, со следами расчесов на внутренней стороне, которые потом заглажены. Стенки сосудов толщиной 0,7 и 0,9–1 см. Тесто сосудов содержит примесь толченой раковины, органики. Сосуды орнаментированы оттисками длинной и короткой широкой гребенки, квадратными и округлыми вдавлениями. Орнаментальные геометрические композиции состоят из сочетания длинной гребенки и оттисков короткой; или подквадратных или округлых вдавлений.

Появление этой керамики датируется по обработанной древесине из культурных слоев по 14С: 5260+/-50 (Ле-5266), 5180+/-50 (Ле-5265), 5100+/-50 (Ле-5259), 4970+/-110 (Ле-2558), 4940+/-40 (Ле-5262) ВР. Сложение керамического комплекса типа слоев В Сертея VIII и X приходится на время похолодания, случившегося около 5200 ВР, сопровождавшегося регрессией водоемов после мощной трансгрессии в водоемах, начавшейся около 5600 ВР.

На время позднеатлантической трансгрессии (превышавшей современное стояние воды в водоемах на 5–6 м) практически не известно памятников, что позволяет предположить минимальную заселенность озерных котловин. В конце атлантического периода фиксируется уменьшение антропогенной нагрузки на экосистему древних озер. Эти памятники распространены в Сертейском и Усвятском археологических микрорегионах: Сертея X, VIII, XIV, Усвяты II, стоянка и селище Узмень.

Они расположены как на торфяниках, так и на минеральных берегах. К этому времени относится выявленная на Сертее XIV наземная постройка столбовой конструкции овальной формы (5,1 x 3 м). Она была вытянута с СЗ на ЮВ вдоль небольшой террасы, с входом на юго-восток. По периметру и в центре выявлены столбовые ямы, основание которых расположено на уровне материка. В западной части было зафиксировано очажное пятно с обожженными и расколотыми камнями, по его периметру про-

слежены остатки кольевых ям, которые поддерживали крышу над очагом.

Вероятно, распространение памятников типа слоя В Сертея VIII, X свидетельствует о появлении нового инокультурного населения в период похолодания, датирующегося 5200 ВР.

Ю.Б. Цетлин

О ПРОЦЕССЕ СМЕНЫ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР В ЦЕНТРЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ

Вопрос о том, как происходила в Центре Русской равнины последовательная смена носителей разных неолитических культур, в настоящее время продолжает оставаться дискуссионным. Первоначально исследователи полагали, что более поздние культуры сменяли более ранние исключительно быстро, практически не сосуществуя друг с другом (Крайнов и др.).

Некоторые исследователи полагают, что начиная с раннего неолита в центре Русской равнины обитало одно и тоже автохтонное население, культура которого постепенно трансформировалась, что нашло наиболее яркое отражение в изменении технологических и орнаментальных гончарных традиций (Урбан, Сидоров). Появление нового населения на этой территории связано, по их мнению, только с распространением здесь носителей волосовской культуры.

Наряду с этими взглядами уже более 25 лет назад была высказана точка зрения о том, что смена неолитических культур в этом регионе представляет собой сложный и многообразный этнокультурный процесс, в котором участвовали разные не только в культурном, но и в этническом отношении группы древнего населения (Цетлин).

В настоящее время представляется целесообразным еще раз вернуться к обсуждению этой проблемы, опираясь на полученные мною (Цетлин, 2008) результаты периодизации истории населения этого региона по данным изучения орнаментальных керамических традиций.

В истории неолитического населения Центра Русской равнины выделено одиннадцать последовательных периодов.

I период (последняя четверть VI тыс. до н.э.) — время обособленного бытования носителей волго-окской ранненеолитической культуры.

II период (первая половина V тыс. до н.э.) — сосуществование и смешение носителей верхневолжской и волго-окской культур.

III период (третья четверть V тыс. до н.э.). На этом этапе население верхневолжской культуры бытовало относительно обособленно вплоть до появления здесь племен культуры с ямочно-гребенчатой керамикой.

IV период (последняя четверть V тыс. до н.э.). Сосуществование и смешение носителей верхневолжской культуры и культуры с ямочно-гребенчатой керамикой.

V период (конец V — первая четверть IV тыс. до н.э.). Относительно обособленное бытование в Центре Русской равнины племен культуры с ямочно-гребенчатой керамикой.

VI период (вторая четверть IV тыс. до н.э.). Сосуществование и культурные контакты между носителями культуры с ямочно-гребенчатой керамикой и группы населения с редкоямочной (тонкостенной) керамикой.

VII период (третья четверть IV тыс. до н.э.). Выделение группы населения с редкоямочной керамикой, которая сосуществует с носителями редкоямочной (тонкостенной) керамики и носителями культуры с ямочно-гребенчатой керамикой.

VIII период (последняя четверть IV — начало III тыс. до н.э.). В это время к ранее бытовавшим здесь этнокультурным группам добавляются носители волосовской культуры, которые контактируют и частично смешиваются с населением этих групп.

IX период (начало — середина III тыс. до н.э.). В это время на исследуемой территории завершается бытование носителей культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, которые сосуществуют с племенами волосовской культуры и носителями редкоямочной (тонкостенной) керамики.

X период (третья четверть III тыс. до н.э.). Основным населением Центра Русской равнины становятся племена волосовской культуры, которые сосуществуют и контактируют с носителями редкоямочной (тонкостенной) керамики.

XI период (последняя четверть III — первая четверть II тыс. до н.э.). На этом этапе волосовская культура развивалась на этой территории уже в контакте с другими энеолитическими культурами и культурами эпохи бронзы.

Наибольший интерес для обсуждаемой проблемы представляют собой периоды сосуществования культур, т.е. периоды II, IV, VI, VII, VIII, IX и X. Картографирование данных о распространении в эти периоды поселений разных археологических культур показывает, что они располагались на территории Центра Русской равнины не какими-то изолированными локальными группами, а чересполосно. Если в общей сложности период неолита длился на этой территории с последней четверти VI до первой четверти II тыс. до н.э., т.е. около 3,5 тыс. лет, то периоды сосуществования разных культур суммарно занимали около 2,3 тыс. лет, т.е. примерно 65 % времени.

Это заставляет несколько по-иному взглянуть на традиционное определение археологической культуры, данное в свое время А.Я. Брюсовым, который писал: «Под археологической культурой я понимаю единство археологических памятников на *сплошной и ограниченной территории* (курсив мой. — Ю.Ц.), относящихся к определенному промежутку времени, обычно в несколько сот лет, реже — к тысячелетию и более» (Брюсов, 1952).

Судя по приведенным данным, носители разных археологических культур бытовали обособленно только в те периоды, когда не имели контактов с носителями других культур. В период смены культур они сосуществовали в течение длительного времени чересполосно на более или менее общей территории, занимая своими поселениями разные экологические ниши. Данный вывод не противоречит имеющимся этнографическим данным о подобном же расселении общин, принадлежавших разных племенным объединениям (Кабо, 1986).

**К ВОПРОСУ О РАННЕМ ЭТАПЕ
ВАЛДАЙСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Валдайская культура выделена Н.Н. Гуриной в 1958 г. на основе полученных коллекций со стоянок, располагающихся по берегам Верхневолжской системы озер, а также сборов П. Романченко и Г. Кандыбы. Время ее существования охватывает период от раннего неолита до конца II тыс. до н.э.

В 1977 г. Д.А. Крайновым была высказана точка зрения о том, что ранний этап валдайской неолитической культуры — это западный локальный вариант верхневолжской раннеолитической культуры. До сих пор среди исследователей нет единого мнения в этом вопросе.

Своеобразие валдайской культуры, по мнению Н.Н. Гуриной, заключается в наличии в ее инвентаре орудий и нуклеусов крупных размеров. Исследовательница представила следующие характерные черты этой культуры. Кремневый инвентарь сохраняет мезолитические традиции. В качестве заготовки выступают как пластины, так и отщепы. Характерны наконечники стрел с выделенным черешком, а также изделия ромбической формы; наконечники копий ромбовидной формы; угловые резцы; концевые скребки, скребла величиной до 10 см; ножи; многочисленные крупные рубящие орудия, двусторонне ретушированные: крупные (до 18 x 5 см) удлинненно-овальные, суженные к обуху; острообушные, обработанные с одной стороны сплошь, со второй — частично ретушью; мелкие топорики (7 x 3,5 см) с узким обухом, нередко с косым лезвием, оформленные крупной, а по краям мелкой ретушью; толстообушные топорики (7 x 3 см) подчетыреугольных очертаний с прямым лезвием; острообушковые тесла с округлой или подтреугольной, иногда шлифованной выемкой; сечения ножевидных пластин прямоугольные, трапециевидные, подтреугольные, как правило, без регулярной вторичной обработки, на углах встречается микрорезцовый скол.

Посуда представлена фрагментами небольших тонкостенных сосудов (до 0,8 см) «кочищенского» типа: с прямым краем, острым дном и широким открытым горлом; она орнаментирована

наколами, подгоризонтальными линиями, нанесенными «отступающей лопаточкой», ямчатыми вдавлениями и «пунктирным», поверхностно нанесенным гребенчатым штампом. Внешняя поверхность их, как правило, залощена, на внутренней — расчесы. Примесью к глине служит шамот.

На период интенсивных исследований в 1950–1970-х годах неолитических памятников Валдайской возвышенности выводы, сделанные Н.Н. Гуриной, представлялись чрезвычайно важными, поскольку накопленные материалы следовало проанализировать и интерпретировать. Была проделана работа по первичному накоплению материала и создана база, на основе которой стало возможным дальнейшее изучение неолитической эпохи. Но сегодня следует констатировать, что сделанные ранее выводы нуждаются в корректировке.

Сейчас известно около 200 памятников валдайской неолитической культуры; разработана ее относительная хронология. Однако необходимо отметить, что в целом неолитическая эпоха Валдайской возвышенности изучена недостаточно. Это во многом обусловлено тем, что большая часть коллекций с памятников валдайской культуры до сих пор не обработана и соответственно не введена в научный оборот. Характеристика инвентаря разных этапов развития культуры основана на анализе коллекций подъемного материала разрушенных памятников, собранных по берегам Верхневолжских озер и Волги и никак не подкрепленных естественно-научными датировками. Работы, появившиеся в печати за последние 15 лет, носят преимущественно характер публикаций материалов.

При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что из выявленных двух сотен памятников и местонахождений валдайской культуры только 23 содержат культурные остатки раннего неолита. Из них как условно «чистые» в литературе названы Заболотье I, Замошенка I, Остров Кошелев, Кочище I, Кочище II, Гринино I–III, Нижние Котицы I, III, IV, Нилова пустынь. Однако при детальном анализе их количество существенно сокращается.

Например, недавно полученная дата по углю со стоянки Гринино I (Засыпь) 3050 ± 100 BP (SPb-60) наглядно свидетельствует о том, что на памятнике содержатся смешанные материалы раннего неолита и раннего железного века.

Опорные памятники, известные в количестве двух (Кочище I и II), расположены на минеральных грунтах, и некоторые исследователи справедливо предполагают наличие финальномезолитической примеси среди находок.

Первоочередным представляется изучение коллекций с памятников раннего этапа валдайской культуры и соотнесение типов орудий с «эталонными». Так, анализ деревообрабатывающих орудий показал, что специфическими чертами (макролитойдностью) они не обладают. Прослежена высокая степень сходства с деревообрабатывающими орудиями верхневолжской культуры. Интересно, что сырьем для их изготовления служил низкокачественный моренный кремль, тогда как Валдайская возвышенность славится выходами высококачественного кремня.

Также в коллекциях «чистых» памятников раннего этапа валдайской культуры не встречаются скребки валдайского типа. По-видимому, этот тип орудий следует связывать с развитым неолитом, так как они встречены на памятниках, где содержится примесь поздненеолитического материала с ямочно-гребенчатой керамикой.

Керамика раннего, среднего и позднего этапов развития валдайской культуры существенно различается. На раннем этапе это сосуды с накольчато-гребенчатым орнаментом, а на позднем характерной становится ямочно-гребенчатая орнаментация. Это делает невозможным объединение в одну археологическую культуру двух совершенно разных традиций.

Ю.Б. Цетлиным был выполнен анализ ранней накольчатой керамики верхневолжской и валдайской культур. Итогом исследования явился вывод о том, что накольчатая керамика с Валдайской возвышенности и аналогичная раннего этапа верхневолжской культуры идентичны.

Таким образом, высказанная в свое время Д.А. Крайновым точка зрения о том, что ранний этап валдайской культуры следует рассматривать как западный локальный вариант верхневолжской раннеолитической культуры, подтверждается. К этому следует добавить, что видимые отличия в кремневом инвентаре не выходят за рамки локального варианта. По-видимому, памятники Валдайской возвышенности, содержащие культурные ос-

татки раннего неолита, — не что иное, как *группа многослойных стоянок*, подобных, в частности, сахтышским (Ивановская обл.).

Важнейшей задачей представляет поиск четко стратифицированных памятников раннего неолита на Валдайской возвышенности, отсутствие которых существенно ограничивает исследовательские возможности, оставляя открытыми многие вопросы, связанные с ранним неолитом верховьев Волги.

А.В. Уткин, Е.Л. Костылева

ХРОНОЛОГИЯ ЛЯЛОВСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Первую периодизацию льяловских захоронений, правда, только для ближнего Подмосковья, в конце 1980-х годов предложил В.В. Сидоров (1986, 1990). В основу ее он положил стратиграфию языковских могил и свою интуицию. В итоге, по его представлениям, получается, что схема развития льяловского погребального обряда состояла из двух стадий: ранней (вытянутые на спине костяки с охрой) и поздней (скорченные костяки без охры). Однако, на наш взгляд, В.В. Сидоров искусственно «развел» во времени вытянутые и скорченные погребения, открытые на одном и том же памятнике (Языково I и Ловцы I). Ныне она представляет собой лишь историографический интерес.

К началу XXI в. льяловские погребения были открыты на восьми памятниках. По С-14 датированы костяки только четырех покойников со стоянки Сахтыш ПА (Ивановская обл.). Временной интервал их захоронения составляет 6130 ± 120 — 5820 ± 200 л.н. По наблюдениям при полевых работах установлено, что большинство льяловских могил на этом некрополе было впущено из подошвы льяловского культурного слоя. Они прорезали нижележащие верхневолжские отложения. Обломки керамики, попавшие в ямы из поселенческого слоя при засыпке, относились исключительно к верхневолжской культуре и ранней стадии льяловской.

Основная масса погребенных не сопровождалась вещами. Немногочисленный инвентарь из кости присутствовал в трех погребениях из 15-ти, в одном — глиняная эмбрионовидная фигурка.

Покойников хоронили в трех позах: вытянуто на спине, вытянуто на животе и скорченно на боку. На площадке кладбища их укладывали в параллельные линии, вдоль берега реки. Сверху над могильником располагалось волосовское кладбище. Причем три льяловские могилы были перекрыты волосовскими захоронениями непосредственно, еще три разрушены волосовцами в процессе их хозяйственной деятельности. В краниологическом бланке доминирует тип с отчетливо выраженными чертами монголоидной расы.

Все эти данные дают нам основание уверенно относить льяловский некрополь Сахтыша ПА к начальной фазе среднего неолита (конец V — первая четверть IV тыс. до н.э.) и считать его эталонным.

Льяловские погребения на соседней стоянке Сахтыш II по основным признакам аналогичны выше рассмотренным захоронениям: могильные ямы фиксировались в основании льяловского слоя; в засыпке из керамики отмечены также только верхневолжские и льяловские черепки; три погребения из четырех — безынвентарные; одно сопровождалось подвесками из зубов хищника с нарезками на корневой части; структура кладбища линейно-рядовая, параллельно реке; два реставрированных черепа относятся к большой монголоидной расе; поверх располагался комплекс финальноволосовского некрополя.

Единственное отличие от Сахтыша ПА: все погребенные положены на спине вытянуто. Но это, скорее всего, обусловлено малым количеством могил: их на памятнике в четыре раза меньше, чем на Сахтыше ПА. Поэтому оба эти могильника мы считаем синхронными и датируем погребения на второй Сахтышской стоянке также концом V — первой четвертью IV тыс. до н.э.

К этому же временному диапазону типологически относятся небольшие льяловские кладбища на поселениях Ловцы I и Языково I (Ярославская и Тверская обл.). В обоих могильниках захоронения совершены с поверхности горизонта начала отложения льяловского слоя; в засыпке поселенческие артефакты отсутствовали или отмечены только мелкие фрагменты раннеल्याловской

керамики; костяки лежали или вытянуто на спине, или скорченно на боку; погребения были безынвентарными, за исключением одного в Языкове I. При антропологическом изучении одного черепа в его строении отмечены монголоидные признаки в ослабленном виде (Ловцы I).

Сложнее определить время совершения захоронений в одиночных льяловских могилах. Если исходить из типологии керамического материала, собранного в засыпке погребения на стоянке Сахтыш VIII, то оно будет определяться в пределах второй половины IV тыс. до н.э. То же можно предположить и для захоронения на Масловом Болоте II (Московская обл.), где отсутствуют обломки раннеल्याловской посуды.

На несколько более позднюю дату — рубеж IV–III тыс. до н.э. — указывают находки костяных украшений, в частности колец из погребения 13 на поселении Языково I. Хронологические рамки одиночных льяловских захоронений на данном этапе их изучения можно ограничить второй половиной IV — рубежом IV–III тыс. до н.э.

Наконец, к финалу развития льяловского погребального обряда в регионе относятся две могилы на стоянке Луково Озеро III (Московская обл.). В одной из них найдены сланцевое кольцо и языковидная подвеска из янтаря, которые, судя по финляндским аналогиям, бытовали на рубеже IV–III и в первое столетие III тыс. до н.э. (Костылева, Уткин, 2006).

Таким образом, периодизация льяловской похоронной обрядности в нашем представлении выглядит следующим образом.

Первый этап: в конце V — первой четверти IV тыс. до н.э. возникают и формируются небольшие стационарные грунтовые могильники.

Второй этап: во второй четверти IV тыс. до н.э. исчезает практика ингумации трупа в грунт.

Третий этап: во второй половине IV тыс. до н.э. (а возможно и позднее) на поселениях появляются редкие одинокие могилы.

Четвертый этап: несостоявшееся возрождение традиции устройства грунтовых могильников на рубеже IV–III — в первом столетии III тыс. до н.э.

**НЕОЛИТ НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ СУДОСТИ
ПО МАТЕРИАЛАМ МИКРОРЕГИОНА КУРОВО**

Охранные раскопки 2006 г. сразу на трех многослойных памятниках (Курово 6, 7 и 8) в нижнем течении р. Судость (крупнейший правый приток Десны) к югу от г. Погар, содержащих культурные слои неолитического времени, позволяют составить некоторое суждение о ранее не подвергавшемся широким раскопкам неолите региона. Керамика на памятниках микрорегиона представлена несколькими типами.

Наиболее широко представлена ямочно-гребенчатая керамика (ЯГК) с неглубокой ямкой, близкая к ЯГК Днепровского левобережья Украины. Ямки расположены в шахматном порядке, округлые, овальные или каплеобразные. Зоны ямочного орнамента разделены горизонтальными поясами оттисков не крупной гребенки. В ряде случаев гребенчатым штампом орнаментирован верхний край венчика. Под венчиком часто встречается ряд крупных круглых ямок или ряд «жемчужин», наколотых с внутренней стороны сосуда. Редко использовался для орнаментации у венчика и витой шнурок. Донца у горшков округлые, венчик прямой, стенка тонкая, в тесте примесь песка. Обычно изнутри сосуды заглажены гребенчатыми расчесами, иногда такие расчесы наблюдаются и на внешней поверхности. Некоторые фрагменты имеют лощеную, шоколадного цвета поверхность.

Керамика с ромбической ямкой тоже относится к ЯГК. Преобладают фрагменты с размытым оттиском ромбического штампа и с классическим четким оттиском, меньше фрагментов с отпечатками вытянутого ромба, совсем редка керамика с мелким ромбом и ромбом с вогнутыми сторонами («звездчатый ромб»). Ромб сочетается с поясами оттисков гребенки.

Опираясь на выводы А.С. Смирнова об эволюции деснинской АК, можно датировать материалы началом ее позднего этапа. К сожалению, это немного проясняет ввиду полного отсутствия абсолютных дат для деснинского неолита.

На Курово 8 также встречена ЯГК с крупной глубокой круглой конической (белемнитной) ямкой. Такая керамика весьма не-

многочисленна и встречена лишь на Курово 8. Горшки круглодонные, с прямым венчиком, пояса ямочного орнамента чередовались на стенках с поясами наклонных оттисков крупной гребенки с шестью зубчиками. Ямка сочетается с наклонными оттисками крупной гребенки и расчесами с внутренней стороны, нанесенными гребенчатым штампом. Венчик иногда дополнительно украшен косыми насечками по кромке. Ямка, нанесенная ростром белемнита, характерна для неолита среднего Поочья (ляльовской АК). На Десне он находит аналогии, например, в материалах поселения Стаево. Пик влияния традиций ляльовцев на верхней и средней Десне, по мнению А.С. Смирнова, прослеживается в период развитого неолита.

Гребенчатая орнаментация, образующая, как правило, горизонтальную «елочку», находит ближайšie аналоги в материалах позднего этапа верхнеднепровской неолитической АК, в Подесенье она представлена на стоянках Лунево 2-восточное и Бельнец (Смирнов, 1991).

Другая особенность, характерная для верхнеднепровских памятников, — «лапчатый» и «гусеничный» штампы (как правило, нанесенные по венчику). Но если на верхней Десне эти элементы фиксировались в сочетании с ромбо-ямочным орнаментом, то на стоянке Курово 8 они интегрированы в орнамент керамики ямочно-гребенчатого неолита днепровского левобережья.

Представленные в материалах микрорегиона (в первую очередь — Курово 8) разнообразные типы керамики, синкретизм, интегрированность их орнаментов ясно указывают на расположение памятника в контактной зоне деснинской, днепровской левобережной и верхнеднепровской АК при некотором влиянии ляльовской АК. По аналогиям из сопредельных регионов этот комплекс находок можно датировать развитым неолитом — рубежом IV–III тыс. до н.э.

На наш взгляд, разнотипная керамика вполне может свидетельствовать не о многократном посещении мест стоянок представителями разных племен, а, напротив, об изготовлении ее жительницами одного поселка, имевшими разное происхождение. Для контактной зоны это вполне реалистичный вариант, в пользу которого свидетельствует также интегрированность орнаментов.

Кремневый же инвентарь, изготовлением которого, согласно данным этнографии, вероятно, занималась мужская часть населения, образует, в отличие от керамики, единый комплекс, четко атрибутируемый по технологии обработки камня и набору орудий, как инвентарь Деснинской неолитической культуры.

На стоянке Курово 8 выделяется также керамика с разными вариантами накольчатого и гребенчато-накольчатого орнамента, а также с орнаментацией в т.н. отступающем стиле. К ней примыкает накольчатая керамика с мелкими и крупными треугольными наколами, также нанесенными в отступающем стиле. Часто наколы образуют пересекающиеся под углом ленты орнамента. На некоторых фрагментах наблюдаются расчесы гребенчатым штампом по внутренней поверхности. В ряде случаев накольчатый орнамент сочетается с горизонтальными лентами оттисков мелкозубого гребенчатого штампа.

Полную форму сосудов с прямым верхом восстановить трудно. В верхней части сосуда под венчиком иногда наносились крупные глубокие цилиндрические ямки. Эта группа керамики, находящая аналогии на ряде памятников Подесенья (Жерено, Жеренская протока в 30 км к востоку от Курово и др.), согласно А.С. Смирнову, относится к раннему неолиту (Смирнов, 1991) — концу V — началу IV тыс. до н.э. К этой фации материалов, вероятно, относится и небольшая часть каменного инвентаря Курово 8 с мезолитическим обликом.

О.Л. Липницкая

КРАСНОСЕЛЬСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

Красносельский археологический комплекс располагается в окрестностях г.п. Красносельский Волковысского района Гродненской области Республики Беларусь и включает в себя кремнедобывающие шахты, кремнеобрабатывающие мастерские, около 10 стоянок, селища, могильники, феодальные поместья, культовые сооружения.

Кремень издревле привлекал к себе внимание как сырье для изготовления орудий труда. А в окрестностях г.п. Красносель-

ский много отторженцев мела, которые содержат в себе кремневые конкреции, поэтому в этом регионе выявлено значительное количество памятников, связанных с добычей и обработкой кремня.

Выявлены кремнедобывающие шахты в 1920 г. геологом Б. Рыдевским, в 1925–1926 гг. их копал польский археолог З. Шмит.

Научное и организованное изучение шахт на р. Рось широкими стационарными раскопками с документальной фиксацией профилей разработок-шахт на стенках карьеров начато и выполнено доктором исторических наук Н.Н. Гуриной в 1961–1972 гг. Шахты размещались в меловых отторженцах западнее и юго-западнее поселка, были выявлены сотни шахтовых разработок, часто при наблюдениях за работой в меловых карьерах местного цементно-шиферного завода.

Многолетняя работа Н.Н. Гуриной на территории Красносельского археологического комплекса привела к фиксации 485 устьев шахт около г.п. Красносельский и около 200 устьев в районе дер. Карповцы и Новоселки. Всего было расчищено и раскопано около 200 шахтовых разработок, большое количество изучено на стенках действующих заводских карьеров. Н.Н. Гурина разработала методику поиска и исследования шахт, определила их датировку (5100–3240 л.н.), их принадлежность к культуре шнуровой керамики.

Одновременно с изучением шахт Н.Н. Гурина проводила поиски связанных с ними мастерских и поселений древних шахтеров. В 1963 г. южнее одной из линз с шахтами была выявлена кремнеобрабатывающая мастерская, а восточнее ее — временный шахтерский поселок-мастерская. Мастерские исследовались и в непосредственной близости от шахт в меловых отторженцах, и на обоих речных берегах между поселками Красносельский и Рось.

Результатом работ стал обобщающий труд Н.Н. Гуриной «Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР» (Л., 1976).

В 1962 г. М.М. Чернявским в меловом карьере были выявлены останки, по-видимому, древнего шахтера (костяк), глиняный сосуд и костяная игла. Захоронение было отнесено к культуре шну-

ровой керамики. Недалеко от шахт был выявлен и исследован могильник культуры шаровидных амфор.

Еще в 1969 г. Совет министров БССР принял постановление о создании государственного заповедника в районе красносельских шахт на восточном конце линзы-отторженца, подготовленном для этой цели Н.Н. Гуриной. Лишь через десять лет удалось законсервировать (путем накрытия бетонными круглыми блоками диаметром больше устьев шахт) более 100 шахт.

В 70–80-е годы XX в. археологические памятники вокруг г.п. Красносельский вновь привлекли к себе внимание многих ученых. В это время археологические исследования памятников, связанных с кремнем, в районе г.п. Красносельский вели белорусские исследователи М.М. Чернявский, О.Л. Липницкая, В.Е. Кудряшов.

Археологическими исследованиями установлено, что первоначальное заселение окрестностей г.п. Красносельский датируется финальным палеолитом. Об этом свидетельствуют найденные здесь наконечники стрел, аналогичные изделиям культуры бромме-лингби.

Археологическое изучение, проводившееся в 1984–1990 гг., выявило целый ряд стоянок и стоянок-мастерских. Так, на стоянке-мастерской Красносельский–5 степень насыщенности культурного пласта достигала 1440 единиц на 1 кв. м. Здесь были проведены ремонтные работы, в результате к одноплощадочному нуклеусу удалось подобрать и подклеить несколько отщепов. Три скопления расщепленных кремней было обнаружено и при раскопках стоянки-мастерской Красносельский–7. Здесь ремонтные работы позволили собрать из 144 отщепов и осколков кремня около 30 складанок (skladanec), в том числе 2 нуклеуса, 32 отщепа и 1 конкрецию. На стоянке Красносельский–6 аренбургской культуры также были выявлены три рабочих места мастера. На стоянке Красносельский–4 в культурном слое на площади 295 кв. м. было найдено около 8,5 тыс. расщепленных кремней.

Кроме большого количества остатков кремнеобработки и кремневых орудий труда, на стоянках по берегам р. Рось выявлены находки керамики позднего этапа неманской культуры и тшцинецкой культуры.

Таким образом, именно Н.Н. Гурина начала целенаправленное и систематическое исследование шахт и мастерских в районе г.п. Красносельский, дальнейшее изучение памятников этого региона привело к открытию и изучению целого комплекса археологических объектов — шахт, разнообразных мастерских, стоянок, стоянок-мастерских, могильников и поселений разных периодов.

М.М. Чернявский

УСВЯТСКАЯ КУЛЬТУРА В КРИВИНСКОМ МИКРОРЕГИОНЕ НА СЕВЕРЕ БЕЛАРУСИ

Кривинский микрорегион, расположенный на границе Бешенковичского и Сенненского р-нов Витебской обл., содержит ряд торфяниковых памятников, среди которых выдающееся место занимает поселение Асавец 2, выявленное в 1966 г.

В 60-х годах прошлого столетия автор выделил керамику типа нижнего слоя Кривины, которую позднее отнес к поздненарвской культуре. Накопление новых материалов из Асавца 2 позволяет в настоящее время считать ее принадлежащей к усвятской культуре среднего неолита, выделенной А.М. Микляевым. С 1999 г. исследуется северная часть памятника, содержащая метровой мощности прекрасно стратифицированный культурный слой. В его нижней надматериковой половине залегают лишь артефакты усвятской культуры.

Полученная керамика состоит из фрагментов остродонных шлемоподобных сосудов с примесями в тесте стенок толченых раковин и мелкой органики. Сосуды изготавливались из глиняных сложенных вдвое лент преимущественно способом торцового прилепа. Дополнительно стенки проколачивались в технике «молоточка и наковаленки», при этом иногда молоточком служила дощечка с намотанной нитью, оттиски которой не следует отождествлять с более поздними шнуровыми орнаментами. Затем внешние поверхности сосудов полировались, а иногда и покрывались темно-серой субстанцией.

Почти 80 % фрагментов керамики украшены насечками, в большинстве мелкими и средними. Около 10 % среди орнаментальных элементов занимают разнообразные наколы и, в меньшем количестве, ямчатые вдавления. Вдвое меньше оттисков палочки со шнуром — гусеничных. Известны прочерченные и бороздчатые линии, гребенчатые оттиски, но они в отдельности составляют лишь доли процента. На части фрагментов (3–4 %) встречается сочетание элементов.

Орнаментация обычно состояла из разреженных поясов. Насечки в поясах в подавляющем большинстве наклонены вправо, что соответствует распространению праворукости среди населения. Иногда они образуют горизонтальные елочки или зигзаги, а в некоторых случаях — замкнутые зоны. Встречены сетчатые узоры из прочерченных линий. Срезы обычно утолщенных венчиков всегда орнаментировались, довольно часто венчики украшались под краем и изнутри. Некоторые сосуды имели сакральные изображения уток и змей, знаки воды и утиного яйца. Третья часть найденных фрагментов, преимущественно совсем мелких, не имеет орнамента.

Из нижних слоев Асавца 2 получены коллекции орудий труда, охотничьего оружия и украшений, характерных для усятской культуры южного Поозерья: кремневая — каплевидные и короткие листовидные наконечники стрел, скребки, ножи, проколки; костяная и роговая — проколки, наконечники стрел с плоскими черешками, наконечники копий, кинжалы, проколки и ножи из клыков кабана, рубящие орудия, пронизки, подвески из зубов; янтарная — подвески с фронтальными отверстиями.

Хозяйство усятского населения Асавца 2 было присваивающим с зачатками животноводства и, возможно, земледелия. В культурном слое памятника много остатков водяного ореха.

Усятская культура Кривинского микрорегиона сформировалась на местном нарвском субстрате, что наиболее заметно в керамике (примеси толченых раковин, наличие расчесов на некоторых фрагментах, насечки, игольчатые наколы, прочерченные линии), при воздействии прибалтийской культуры гребенчато-ямочной керамики (гладкостенность, форма сосудов и особенно венчиков, примесь в некоторых случаях дресвы, наличие гибридных

ных типов керамики, гусеничный орнамент, появление изображений водоплавающих птиц).

Кроме того, на керамике заметны влияния со стороны неолитических культур Поднепровья и Понеманья, что проявилось в появлении отступающих подтреугольных и копытковых наколов и, возможно, в скорописном стиле орнаментации. Со своей стороны усвятское население оказывало воздействие на своих южных и юго-западных соседей: на керамике среднего неолита верховьев Немана и северных притоков Нижней Припяти начали встречаться гусеничные узоры.

Основной особенностью усвятской культуры в Кривинском микрорегионе является почти полное отсутствие на керамике гребенчатых орнаментов и классических оттисков шнура, чем последняя отличается от восточноусвятской (Сертея 8, Наумово) тычково/накольчато-гребенчатой орнаментальной традиции (А.Н. Мазуркевич). Отсутствием шнуровых оттисков она отличается и от материалов юго-западного региона, представленного на поселениях оз. Нарочь. Все это дает возможность говорить о существовании кривинского варианта усвятской культуры.

Проникновение на рубеже раннего и среднего неолита в западное и центральное Поозерье носителей культуры гребенчатоямочной керамики привело к возникновению здесь древних финно-угорских топонимов. Пришельцы, очевидно, оказывали на постнарвское население не только культурное, но и языковое воздействие, так как подобные топонимы известны во всем усвятском ареале.

Полученные радиоуглеродные даты по материалам усвятской культуры из северной части Асавца 2 позволяют разместить ее в пределах третьей четверти 4-го — середины 3-го тыс. до н.э. Юго-западное порубежье культуры проходило по Нарочанским озерам, Вилии, верхнему течению Березины Днепровской и далее на водораздел Двины и Днепра. Юго-восточный ее предел на территории Восточной Беларуси пока не определен.

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ СЕВЕРО-БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2000–2009 гг.)**

На сегодняшний день на территории Беларуси известно 20 памятников с материалами северо-белорусской культуры, восемь из которых размещены на Кривинском торфянике, на границе Бешенковичского и Сенненского районов Витебской области.

Наиболее исследованными являются поселения Асавец 2 (вскрыто более 400 кв. м) и Кривина 1 (вскрыто более 500 кв. м). С этих памятников происходит абсолютное большинство известных на территории Беларуси материалов северо-белорусской культуры. Однако оба этих поселения разнокультурные. Они содержат еще материалы усвятской и в незначительном количестве нарвской и среднеднепровской культур, среднего бронзового века. По этой причине точной культурной идентификации подлежит только керамический материал, а принадлежность большинства кремневых, костяных, роговых и органических частей коллекций остается под вопросом.

В 2000 г. М.М. Чернявским был обнаружен новый памятник на Кривинском торфянике — Асавец 7, материалы которого полностью относятся к северо-белорусской культуре, за исключением единичных артефактов среднеднепровской культуры и среднего бронзового века. Поселение в 2000–2008 годах исследовалось Макс.М. Чернявским. Всего на нем вскрыто 72 кв. м., обнаружена многочисленная коллекция кремневых, костяных, роговых, янтарных, деревянных, каменных изделий, медное шило; более тысячи артефактов первичной обработки кремня, более 13 тысяч фрагментов керамики, почти 17 тысяч фрагментов костей млекопитающих, птиц, земноводных и рыб.

В 2008 г. автором были исследованы 15 кв. м на южном окончании поселения Асавец 2, где также представлены почти исключительно северо-белорусские материалы. Обнаружено более двухсот кремневых, 150 костяных изделий, 6 янтарных украшений, 2 берестяные поплавок, более 4 тысяч фрагментов керамики, более 8 тысяч фрагментов костей млекопитающих, птиц и рыб.

Полученные материалы стали эталонными для культурной идентификации основных коллекций поселений Асавец 2 и Кривина 1, накопленных более чем за 40 лет исследований.

Кроме того, их анализ позволил сделать серию выводов:

1. Культурное влияние с Прибалтийского круга культур шнуrowой керамики было более значительным, чем это считалось ранее. Об этом свидетельствует следующее:

а) Для керамики северо-белорусской культуры в Кривинском регионе характерно подчеркивание венца широкой бороздкой, дополнительно украшенной редкими единичными или спаренными углублениями. Реже встречаются сдвоенные бороздки. В одном случае их было более четырех. Такие элементы украшения сосудов не встречаются в неолитических усвятской и верхнеднепровской культурах, единичны в среднеднепровской, однако распространены на поселениях Прибалтики, где связываются с носителями культур шнуrowой керамики.

б) Несколько фрагментов венчиков были украшены налепными элементами. В одном случае это остатки сложного фигурного прилепа на стенке, в другом — уплощенно-коническая шишечка, прикрепленная поверх орнамента под самым срезом венчика. Такие композиции также наиболее характерны для памятников Прибалтийского круга культур шнуrowой керамики.

в) Среди обнаруженной керамики северо-белорусской культуры обращают на себя внимание фрагменты трех сосудов — одно донце и две привенчиковые части. Они могут иметь амфоровидные очертания, однако для полной уверенности необходимо больше материала.

2. Удалось предварительно вычленить несколько этапов развития технологии подготовки глиняной массы сосудов. Наиболее ранним является использование в качестве отощителя толченых раковин (усвятская традиция), к которым вскоре начинают добавлять органику (траву). В дальнейшем органическая примесь (трава) доминирует, а количество раковин уменьшается. В тесте фиксируются частые отпечатки пуха и пухового перья, что наводит на мысль об использовании в качестве примеси птичьего помета. На финальном этапе существования культуры примесь толченой раковины исчезает полностью, а органика сочетается с

песком и, реже, мелкой дрсевой. Наиболее поздние фрагменты керамики содержат исключительно минеральные примеси.

3. На начало существования культуры приходится расцвет косторезного мастерства в Кривинском микрорегионе, однако к ее середине — второй половине происходит упадок, количество костяных и роговых изделий резко уменьшается.

4. В кремневом инвентаре двух поселений четко прослеживается преобладание изделий, изготовленных в традициях лесного неолита. Это наиболее видно по коллекциям наконечников стрел, скребках, скобелях и др. Вообще надо отметить, что количество кремневых изделий в исследованных частях памятников в сравнении с артефактами первичной обработки очень высоко, особенно если сравнивать с памятниками Понеманья или Поднепровья. В частности, количество наконечников стрел составляет в среднем 1,3–1,5 на 1 кв. м. Наиболее многочисленными являются изделия скребущее-скоблящего действия.

Еще одной типичной чертой является использование испорченных крупных изделий, преимущественно топоров, в качестве сырья для изготовления более мелких. Для обнаруженной кремневой коллекции характерно и большое разнообразие форм изделий одного функционального назначения, широкое использование комбинированных изделий — скребок-скобель, нож-резец, скребок-прокрукта и т.д.

Э.А. Ляшкевич

РЫБНОЕ ПИТАНИЕ У ЖИТЕЛЕЙ КРИВИНСКОГО ТОРФЯНИКА

Ихтиологический материал со стоянок Кривинского торфяника дает нам представление о рыбном рационе жителей северной Беларуси в позднем неолите — раннем бронзовом веке. Коллекция костей и чешуи субфоссильных рыб на этих памятниках с применением различного уровня методик собирается с 1934 г. и по сегодняшний день. Для исследования нами выбрана ихтиофауна со стоянки северо-белорусской культуры Асавец 2, 2008 г., где автором раскопок, Макс.М. Чернявским, ставилась задача

сбора и фиксации всех артефактов. В результате просеивания культурного слоя на площади 15 кв. м было выявлено более 2200 костей рыб и несколько скоплений мелкой чешуи. Это пока единственная археоихтиологическая коллекция в Беларуси со столь высокой насыщенностью в слое.

Судя по количеству костей (773 экз.) основное место в питании жителей стоянки Асавец 2 занимала щука *Esox lucius*. В пищу употреблялись рыбы длиной от 20 до 100 см, наиболее частыми были особи от 40 до 60 см (80 %). Другим популярным видом добычи были представители семейства Карповых *Cyprinidae* (476 экз.). Ведущую роль среди них играл карась *Carassius carassius*, затем следовали лещ *Abramis brama*, плотва *Rutilus rutilus*, линь *Tinca tinca*, а также редкие в уловах язь *Leuciscus idus* и голавль *Leuciscus cephalus*. Размеры большинства этих рыб достаточно велики. Так, длина карася составляла 19–28 см (средняя — 24 см), леща — 22–50 см (35 см), плотвы — 10–27 см (17 см), линя — 20–40 см (30 см).

Немногим по количеству остатков карповым уступал окунь *Perca fluviatilis* (422 экз.), занимающий после щуки вторую позицию. В коллекции представлены как мелкие особи (8 см), так и максимально крупные (40 см), средняя длина составляла 24 см. Среди семейства Окуневых *Percidae* отмечен также ерш *Gymnocephalus cernuus* (2 экз.). Ценные рыбы — сом *Silurus glanis* (15 экз.) и угорь *Anguilla anguilla* (2 экз.) — были нечасты в уловах, однако значение их как источника жира и вкусного мяса в питании было ощутимо. Сом был относительно небольшим — меньше метра длиной. В коллекции, как и угорь, он представлен преимущественно позвонками.

Таким образом, рацион жителей стоянки Асавец 2, населявших берега Кривинского палеоводоёма в раннем бронзовом веке, включал 11 видов рыб, обычных для территории современной Беларуси. Основу промысла составляли средних размеров щука и относительно крупные окунь, карась и небольшой лещ, второстепенное значение имели плотва и линь. В пищу употреблялась также и мелкая рыба.

Рыбное питание приобретало особенное значение весной, поскольку добыча на нересте была очень прибыльна и не требовала особых усилий. Промысел щуки осуществлялся весной на нерес-

те с помощью орудий ударного действия и различных ловушек, а также руками. Лов линия и карася производился летом. Карповых и окуневых добывали крючками, сетями и ловушками.

Что касается материалов с других памятников этого микрорегиона, то установлено, что в раннем неолите (Асавец 4) в уловах населения ранненарвской культуры господствовал сом (108–125 см). На стоянках раннего бронзового века (Асавец 7, Кривина 1) отмечен сходный с представленным выше видовой состав рыб (за исключением угря) с тем же устойчивым преобладанием щуки. О значении рыболовства на стоянках свидетельствует и многочисленный инвентарь: костяные гарпуны, крючки, поплавки, грузила, а также амулет из *pharingiale* линия.

А.В. Зуева

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КРЕМНЕДОБЫВАЮЩИХ ШАХТ У ДЕР. КАРПОВЦЫ

В среднем течении р. Рось, около населенных пунктов Красносельский, Карповцы и Новоселки (Волковысский р-н Гродненской обл., Беларусь) находится уникальный комплекс по добыче и обработке кремня.

Шахты около д. Красное Село (совр. г.п. Красносельский) были выявлены Б. Рыздзевским и З. Шмитом в 1920-е годы (Сенак-Нолюбовичова, 1936, S. 9). Шахты в окрестностях д. Карповцы были открыты в 1967 г. Н.Н. Гуриной (Гурина, 1976, С. 18). Археологическое изучение шахт у дер. Карповцы в 1967, 1969, 1970, 1972 гг. проводила Н.Н. Гурина, в 1973 г. — М.М. Чернявский, в 1978–1983 гг. — В.П. Чемезо, О.А. Пучко, Л.Г. Паничева, А.М. Гутовский, О.Л. Липницкая (Чарняўскі, Кудрашоў, Ліпніцкая, 1996, С. 17–20). Всего на памятнике было выявлено около 700 шахтовых устьев и изучено 60 выработок.

Для шахт у дер. Карповцы Н.Н. Гуриной были получены две радиоуглеродные даты — 1540 ± 70 гг. до н.э. и 1400 ± 80 гг. до н.э. (conv bc) (Гурина, 1976, С. 127), что соответствует диапазонам 1900–1730 гг. до н.э. и 1740–1520 гг. до н.э. (cal BC). Калибровка дат, полученных Н.Н. Гуриной, производилась с помощью про-

граммы OxCal (OxCal. Version 3.10). Далее приводится только калиброванная хронология.

Н.Н. Гурина высказала предположение об эксплуатации шахт у дер. Карповцы и пос. Красносельский носителями неманской культуры (НК) и культуры шнуровой керамики (КШК) (Гурина, 1976, С. 130). По мнению М.М. Чернявского, О.Л. Липницкой и В.Е. Кудряшова, разработка шахт у дер. Карповцы и пос. Красносельский осуществлялась представителями культуры шаровидных амфор (КША), НК, КШК и тштинецкой культуры (ТК) (Черняўскі, Кудрашоў, Ліпніцкая, 1996, С. 24–25). Выводы авторов основаны главным образом на результатах культурно-хронологической интерпретации керамики, найденной на стоянках в среднем течении р. Рось, а также погребений, выявленных на меловых линзах у пос. Красносельский.

Нами предпринята попытка определения культурно-хронологической принадлежности шахт у дер. Карповцы на основе технологическо-морфологического и сравнительного анализа их продукции.

Было проанализировано около 500 заготовок рубящих орудий разной степени завершенности (материалы исследований В.П. Чемезо (1978–1979 гг.) и О.Л. Липницкой (1983 г.). Автор благодарит О.Л. Липницкую за предоставленные материалы.

В коллекции выделено три категории изделий: топоры, долота и неопределенные бифасиальные изделия. Категории разделены на группы, каждая из которых отражает определенный технологический этап: 1) полуфабрикаты (изделия на стадии грубой обивки конкреции; 2) заготовки (изделия с оформленными поперечным сечением и боковыми гранями); 3) незавершенные изделия (артефакты с обработанным обухом и лезвием). Завершенные и шлифованные орудия в материале не представлены.

В зависимости от формы поперечного сечения артефакты групп 2 и 3 разделены на подгруппы: а) изделия прямоугольного сечения (19 экз.); б) изделия ромбовидного сечения (27 экз.); в) изделия трапециевидного сечения (41 экз.); г) изделия треугольного сечения (48 экз.); д) изделия линзовидного сечения (28 экз.). Отличия артефактов обусловлены использованием различных приемов обработки исходного материала.

Боковые грани изделий всех подгрупп равномерно расширяются в направлении от обушковой к прилезвийной части или, реже, являются параллельными. Единичным экземпляром представлен незавершенный топор, одна из боковых граней которого отогнута в прилезвийной части. Максимальная ширина артефактов подгрупп *a–г* приходится на нижнюю треть, подгруппы *д* — на нижнюю треть или середину изделия. Максимальная толщина орудий подгрупп *a–г* фиксируется в верхней трети или середине, орудий группы *д* — в середине или нижней трети изделия.

Согласно результатам экспериментального изучения технологии изготовления рубящих орудий (Barska, 2002), артефакты прямоугольного, ромбовидного, трапециевидного, треугольного сечения являются заготовками четырехгранных топоров и долот, линзовидного сечения — бифасиальных изделий.

Четырехгранные топоры и долота характеризуют кремневую индустрию культуры воронковидных кубков (КВК), КША, КШК; бифасиальные топоры — НК, культур постшнурового периода, ТК. Стилистические особенности продукции шахт и мастерских у дер. Карповцы соответствуют стандартам кремневых индустрий КША, КШК, постшнуровых культур и ТК.

Начало эксплуатации кремнедобывающих шахт у дер. Карповцы следует связывать с деятельностью носителей КША. Присутствие представителей этой культуры в бассейне среднего Немана фиксируется в 2800–2500 гг. до н.э. (Szmyt, 1999, Р. 66). Добыча и обработка кремня у дер. Карповцы могла осуществляться и носителями КШК. Общие хронологические рамки существования КШК в Понеманье — вторая четверть III — середина второй четверти II тыс. до н.э. (Лакіза, 2008, С. 163–164). Дальнейшее функционирование памятника связано с деятельностью представителей постшнуровых культур и, вероятно, ТК. Памятники ТК в Понеманье датируются первой четвертью — концом II тыс. до н.э. (Лакіза, 2008, С. 164).

Таким образом, эксплуатация шахт у дер. Карповцы могла осуществляться на протяжении первой четверти III — II тыс. до н.э. — конца II тыс. до н.э. Вопросы организации кремнедобывающего и кремнеобрабатывающего производства, а также проблемы взаимодействия различных групп населения в среднем течении р. Рось требуют дальнейшего изучения.

**МАТЕРИАЛЫ НЕОЛИТО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ОБЛИКА
ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ**

Наличие контактов между неолитическим и энеолитическим населением Донской лесостепи подтверждается имеющимся керамическим материалом синкретического облика. Впервые о неолито-энеолитических материалах Донской лесостепи написал А.Т. Синюк, выделив их по наличию своеобразной группы керамики, полученной с ряда многослойных стоянок Среднедонского региона.

Керамика, названная А.Т. Синюком черкасским типом, является, по сути, керамикой среднедонской неолитической культуры, но получившей новую форму и стиль воротничкового оформления венчика. Для этих сосудов характерны гофрировка края венчика либо насечки по его срезу, поясok из ямочных вдавлений под верхом, орнамент из линейных или геометрических композиций, выполненный треугольными наколами. Гесто плотное, с наличием песка, иногда раковинной примеси. Венчики либо воротничковые, иногда с желобками, что характерно для нижнедонской культуры мариупольской КИО, либо высокие профилированные — как отражение среднестоговской керамической традиции. Важно, что керамика черкасского типа встречается лишь на тех памятниках, где имеется керамика нижнедонской раннеэнеолитической культуры.

В Донской лесостепи керамикой черкасского типа не ограничиваются материалы смешанного неолито-энеолитического облика. Так, имеется керамика рыбноозерской культуры (стоянки Университетская–3 и Курино–1) как с воротничковым утолщением венчика, так и с относительно высокими желобчатыми венчиками (последнее характерно для репинской керамической традиции).

О контактах неолитического и энеолитического населения Донской лесостепи свидетельствуют также материалы стоянки Шапкино–6 и Шапкино–3, где сочетаются неолитическая дронинская традиция прочерченной орнаментации с воротничковым

(иногда желобчатым) утолщением венчика, в единичном случае — с прочерченными волнистыми линиями.

Достаточно интересные материалы встречены на стоянке Ямное под г. Воронежем (раскопки А.В. Суркова), где на поздне-неолитической накольчатой, гребенчато-накольчатой и ямочно-накольчатой керамике имеется высокий (4–5 см) резко отогнутый раструбовидный венчик, срез которого, как правило, орнаментирован гребенкой. Важно, что в культурном слое памятника встречена среднестоговская керамика, украшенная (помимо традиционного среднестоговского орнамента) ямочно-гребенчатым орнаментом, ямочно-жемчужным пояском под венчиком. Срез либо внутренняя сторона венчиков такой керамики почти всегда орнаментированы.

По сообщению Р.В. Смольянинова, на территории Верхнего Дона выявлено порядка сорока памятников «с проявлением синкретичных неолитических и нео-энеолитических традиций», среди них — три памятника с керамикой черкасского типа (Смольянинов, 2006). Отметим, что керамика с Верхнего Дона, отнесенная Р.В. Смольяниновым к черкасскому типу, значительно отличается от керамики черкасского типа среднедонских стоянок. Так, на ней нет воротничковых утолщений венчиков, традиция профилировки венчика также не распространена, раструб встречен лишь единожды.

Из типично энеолитических черт на этой керамике имеется лишь примесь органики и иногда дробленной ракушки. Но примесь органики, а иногда и раковины в тесте неолитических сосудов (например, накольчатая керамика Монастырской и Копаниценской стоянок, прочерченная и гребенчатая керамика стоянки Дрониха) при отсутствии остальных технологических и типологических признаков энеолитической керамики не всегда выступает показателем синкретичности керамического материала. С керамикой черкасского типа Среднего Дона верхнедонские материалы безоговорочно сближает лишь традиция гофрировки или украшения насечками среза венчика.

Сложен вопрос датировки смешанных неолито-энеолитических материалов Донской лесостепи. Самыми ранними можно считать керамические комплексы черкасского типа. Воротничковая керамика региона датируется исследователями

по-разному: рубежом V–IV — третьей четвертью IV тыс. до н.э. (Котова, 1994), первой половиной IV тыс. до н.э. (Гурин, 1998), серединой — концом IV тыс. до н.э. (Синюк, 1999).

Для воротничковой керамики Донской лесостепи есть всего одна радиоуглеродная дата со стоянки Курино–1: 5920±90 л.н. (Kі-13327), значение некалиброванное. Логично предположить, что несколько позднее должны датироваться неолито-энеолитические материалы с отражением традиций среднестоговской культуры (стоянка Ямное).

Пока остается открытым вопрос о датировке материалов рыбоозерского облика с энеолитическими признаками. С одной стороны, наличие воротничка указывает на их синхронизацию с культурами мариупольской КИО. С другой стороны, при традиционно поздней датировке рыбоозерских материалов (III тыс. до н.э.) с учетом наличия желобчатых «репинских» венчиков можно говорить о постмариупольском возрасте данного типа керамики. Возможно, что в таком случае воротничок является более поздней реминисценцией, как, например, на керамике иванобугорской и воронежской культур.

Р.В. Смольянинов

РАННИЙ НЕОЛИТ ВЕРХНЕГО ДОНА

На исследованной территории сегодня известно 140 разной степени изученности неолитических памятников. Верхнее Подонье относится в настоящее время к географической зоне типичной лесостепи, которая в девственном состоянии представляла чередование открытых разнотравно-луговых степей с массивами дубрав; тот и другой типы растительности не преобладали резко друг над другом, размещение их зависело от геолого-геоморфологических условий. Территория изучения расположена в центре Русской равнины, на стыке Среднерусской возвышенности и Окско-Донской равнины.

Начало неолиту на Верхнем Дону было положено в начале VI тыс. до н.э. населением елшанской культуры, проникшим в Лесостепное Подонье из Среднего Поволжья. Оно и явилось са-

мым первым носителем традиции изготовления керамической посуды.

Донское население быстро перенимает готовый рецепт ее изготовления. Этим объясняется появление практически сразу сформировавшегося керамического комплекса среднедонской культуры. Памятников елшанской культуры на Верхнем Дону известно четыре: Устье реки Излегоща 2, Ярлуковская Протока, Липецкое Озеро, Университетская 3.

На четырех стоянках выделяются керамические коллекции первого и второго этапов верхневолжской культуры. К раннему этапу, который датируется 6000–5600 лет до н.э. (Зарецкая, Костылева, 2008, С. 5–14), относится поселение Березовка 4Б. По выявленному в нем слою с верхневолжской керамикой О.А. Чичаговой получена радиоуглеродная дата 6780 ± 140 BP (1 σ 6000–5450 BC) (ИГАН-2007). Все калибровки выполнены в программе OxCal v 3. 9 Bronk Ramsey (2003).

К началу второго этапа культуры относится стоянка Куликовка 2. Типологически близки подобной керамике фрагменты сосудов со стоянки Монастырщина ПА на р. Непрядва (приток р. Дон). Из аналогичных старичных отложений получена радиоуглеродная дата 6340 ± 30 BP (1 σ 5380–5250 BC) (ИГАН-517). Чуть более поздним временем второго этапа, по нашему мнению, из-за наличия гребенчатой орнаментации на посуде датируется поселение Студеновка 3.

На Верхнем Дону мы фиксируем южную периферию верхневолжской культуры. Памятники немногочисленны, с мало насыщенным культурным слоем. Но при этом донская часть их не является оторванной от остального ареала распространения культуры. Нам представляется, что, к примеру, такое поселение, как Городок 1 на р. Ранове (бассейн р. Ока), может служить маркером пути продвижения ее носителей на р. Дон.

Как редкое явление отметим, что на поселениях Карамышево 9 и Очистные Сооружения г. Липецка выделяются материалы днепро-донецкой культурно-исторической общности, датируемые V тыс. до н.э. По ним также имеются радиоуглеродная дата, полученная по керамике со стоянки Карамышево 9 — 5650 ± 90 BP (1 σ 4580–4350 BC; 2 σ 4710–4330 BC) (Ki 15191).

Далее, по нашему мнению, на территории Верхнего Подонья складывается ситуация, когда здесь сосуществуют две археологические культуры, одна из которых — автохтонная среднедонская. Ее памятники территориально локализуются в Среднем Подонье и южной части Верхнего и по времени существуют со второй половины VI до середины III тыс. до н.э. На Верхнем Дону таких поселений 61. Появление второй стало результатом продолжения притока населения уже средневожской культуры на исследуемую нами территорию. Это выразилось в появлении новых памятников с керамическими комплексами, отличными от среднедонской культуры. На сегодняшний день таких поселений 20, на их основе нами выделяется новая карамышевская археологическая культура, занимающая бассейн р. Воронеж.

Взаимодействие этих культур, видимо, было мирным, не исключено, что это выразилось в совместном проживании на ряде памятников, что нашло отражение в появлении смешанной керамики на поселении Карамышево 19. Развитие керамических традиций этого населения, скорее всего, повторяет путь большинства раннеолитических культур от слабо орнаментированной, накольчатой (преобладающий овальный накол) к удельному росту и все большему присутствию на сосудах гребенчатой орнаментации.

Кремневый комплекс отщеповый. Начало первого этапа датируется так же (или чуть позже), как материалы елшанской культуры по аналогии с керамикой на стоянке Городок 1 (около 40 км к северу от Верхнего Подонья), которая датируется 6760 ± 90 BP (1σ 5930–5610 BC) (Ki 14075) и 6870 ± 100 BP (1σ 5810–5510 BC) (Ki 14114). На Верхнем Дону для материалов этого этапа получена радиоуглеродная дата по керамике стоянки Карамышево 5 — 6570 ± 160 BP (1σ 5635–5230 BC; 2σ 5790–5230 BC) (Ki 11088), в калиброванных величинах — первая половина VI — начало V тыс. до н.э.

Конец существования этой культуры ограничивается радиоуглеродными датами по керамике третьего этапа, полученными для стоянки Карамышево 9 — 5790 ± 100 BP (1σ 4725–4535 BC; 2σ 4850–4450 BC) (Ki 12160), 5630 ± 100 BP (1σ 4550–4350 BC; 2σ 4710–4325 BC) (Ki 12161). В калиброванных величинах это около 4850–4325 лет до н.э. Отличительным признаком третьего этапа

карамышевской культуры, существовавшей, видимо, до середины V тыс. до н.э., становится появление гребенчатых отпечатков в орнаментации керамики.

А.В. Сурков

НЕОЛИТ С ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ НА ДОНУ

Изучение неолитических памятников в центральной части Восточной Европы находится сейчас на пороге нового этапа, но дискуссия о культурном статусе памятников с ямочно-гребенчатой керамикой остается открытой. Абсолютные датировки, полученные в последние годы, доказывают нам появление ямочно-гребенчатой керамики на рубеже V и IV тыс. до н.э. в Поволжье, на севере Украины, на Верхнем и Нижнем Дону.

Ямочно-гребенчатые комплексы Верхнего и Среднего Поволжья и Поочья образуют своеобразный культурный массив, а столь широкое распространение идентичных признаков позволяет их рассматривать вслед за В.П. Третьяковым в рамках единой культуры ямочно-гребенчатой керамики (Третьяков, 1972). Данное название более содержательно по сравнению, например, с «ляляловской», отражающей лишь локальные особенности одной из групп керамики.

В лесостепном Подонье ямочно-гребенчатая керамика встречается практически на всех известных памятниках. Вопрос о ее культурном статусе был решен В.П. Левенком выделением двух самостоятельных культур — рязанско-долговской и рыбоозерской (Левенок, 1969). А.Т. Синюк в своих работах также рассматривает ямочно-гребенчатую керамику Подонья в рамках двух культур, датируя их развитым и поздним этапами неолита соответственно. Происхождение рыбоозерской культуры, в отличие от В.П. Левенка, он объяснял не смешением ямочной и накольчатой традиций, а новой волной переселенцев с севера, выделяя ямочно-накольчатую керамику в самостоятельный тип, более близкий среднедонской культуре (Синюк, 1986).

Рыбноозерская керамика рассматривалась как ямчато-зубчатая. Поздняя датировка ямочно-гребенчатой керамики была

сделана, в первую очередь, на основании результатов раскопок стоянки Университетская 3, где в верхнем горизонте зафиксировано наибольшее количество сосудов рыбоозерской культуры, что является относительным хронологическим репером.

Фиксация двух культурных образований с ямочно-гребенчатой керамикой в Подонье фактически может быть сведена к разделению по характеру теста — на плотную с примесью дресвы и запесоченную, иногда с небольшим количеством органики и шамота. В их рамках по характеру орнаментации выделяются большое количество типов, можно отметить лишь их вариации для разных памятников и наличие в каждой группе накольчато-ямчатых (ямчатых). В том, что две эти группы следует рассматривать самостоятельно, в качестве отдельных культурных образований, нет сомнений, другое дело — их название и статус.

В самых общих чертах можно отметить, что керамика рыбоозерской культуры имеет аналогии в культуре ямочно-гребенчатой керамики. В Подонье наблюдается более широкое использование накола и ямчатых вдавлений, на ряде сосудов большие зоны остаются неорнаментированными. Самостоятельный статус имеют и памятники рязанско-долговской культуры, которые следует рассматривать в рамках массива аналогичных древностей с ямчато-зубчатой керамикой лесостепной и степной зон Восточной Европы.

Объединять эти два явления, на наш взгляд, неправомерно, поскольку они имеют яркие специфичные и самобытные черты, развиваясь параллельно на разных территориях. Уточнить датировку и внутреннюю периодизацию этих материалов сегодняшнее состояние источниковой базы позволяет сделать лишь в самых общих чертах.

С.Н. Гапочка

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА НЕОЛИТА ЮГА ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

В последние годы на юге донской Лесостепи было выявлено и исследовано несколько новых неолитических памятников. Мате-

риалы позднего мезолита Лесостепного Дона пока не находят генетических аналогий в круге местных памятников развитого мезолита. Керамический комплекс среднедонской культуры, имея яркую специфику, отличается от сопредельных культур. В свое время А.Т. Синюком был сделан вывод о формировании местного неолита на базе традиций, зародившихся достаточно далеко — в Восточном Прикаспии (А.Т. Синюк), на что научное сообщество реагировало крайне сдержанно.

Последние исследования комплексов позднего мезолита и раннего неолита на юге Донской Лесостепи демонстрируют большую микролитичность и пластинчатость последних (И.В. Федюнин). Наряду с ранними среднедонскими материалами выявлены елшанские. Близость признаков ранних елшанских и среднедонских комплексов не раз отмечалась исследователями (А.В. Выборнов, И.Е. Мамонов и др.). Вероятность близости елшанских материалов традициям Закаспийского неолита также отмечается исследователями (А.В. Выборнов). Елшанские материалы нигде на юге лесостепи стратиграфически не предшествуют среднедонским и, вероятно, занимают близкие хронологические позиции (что нуждается в подтверждении методами точного датирования).

Таким образом, исходя из существующих на сегодняшний день разработок, можно предположить возникновение елшанских и ранненеолитических среднедонских комплексов на близком хронологическом отрезке времени под влиянием закаспийских традиций.

Н.С. Котова

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ СУРСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сурская культура является одной из древнейших неолитических культур Европы. Ее памятники занимают степное Поднепровье и западное Приазовье. Однако влияние сурских традиций, в первую очередь в керамике, прослеживается на юге лесостепного Поднепровья и Подонья, в бассейне Северского Донца. Этот факт

вызывает постоянное внимание исследователей, которые пытаются объяснить сурским влиянием распространение своеобразной керамики с прочерченно-накольчатый или прочерченно-ямочным орнаментом в различных регионах Украины и европейской части России. Однако неполная публикация сурских памятников затрудняет любые сопоставления.

На основании серии радиоуглеродных дат и синхронизации с памятниками азово-днепровской культуры были уточнены хронология и периодизация сурской культуры.

В рамках этой культуры, видимо, следует рассматривать и ту часть могильников степного Поднепровья, которая отличается от могильников азово-днепровской культуры. Ранее они соотносились с днепро-донецкой культурой (Котова, 1994). Однако изучение поселений этого региона показало присутствие лишь единичных фрагментов днепро-донецкой керамики при преобладании азово-днепровских и сурских материалов. Это факт заставил поставить вопрос о сурской принадлежности этих памятников (Котова, 2002).

В развитии сурской культуры выделяется три периода. Первый период (6300–6000 BC) представлен поселениями Сурской Остров 1 и 2, возможно Виноградный и Кодачок. Их керамика обнаруживает сходство с посудой наиболее ранних памятников ракушечной и буго-днестровской культур и не имеет черт, свидетельствующих об азово-днепровском влиянии (крупных гребенчатых оттисков, косо срезанного внутрь венчика, воротничка).

В настоящее время не известны могильники, относящиеся к этому времени. Однако Васильевский 2 и Марьевский могильники имеют возраст около 7000–6500 лет до н.э. Если предположить влияние на имеющиеся даты резервуарного эффекта, который в экологически близком регионе Железных Ворот на Дунае для погребений эпохи позднего мезолита и раннего неолита составляет от 300 до 500 лет (Borčić et al., 2008), то они окажутся синхронными древнейшим сурским поселениям.

Второй период включает нижний слой Семеновки 1, сурской слой Каменной Могилы 1, Игрень 5, Енакиево и датируется около 6000–5600 лет до н.э. В его материалах прослеживается влияние традиций периода 1а азово-днепровской культуры

(отдельные сосуды с орнаментом в виде коротких, но широких гребенчатых оттисков и/или с косо срезанным внутрь венчиком).

Третий период объединяет большинство исследованных сурских памятников (поселения Стрильча Скеля, Игрень-городок, Вовчок, Кизлевый 5, Раздольное, Семеновка 2 и др.), в том числе и могильники Вильнянский, Вовнигские 1 и 3, Ясиноватский 1 (первая и вторая хронологические группы). В его материалах прослеживаются контакты с населением второго периода нижнедонской культуры, периодом 1б и началом второго периода азово-днепровской культуры (сосуды с воротничковым венчиком и / или гребенчатым орнаментом).

Судя по радиоуглеродным датам, к концу третьего периода (около 5200–5000 лет до н.э.) относятся Вовнигский 3 могильник, вторая и третья группы Вильнянского могильника. Они синхронны наиболее ранним памятникам второго периода азово-днепровской культуры. Вероятно, в это же время существовали Вовнигские правобережное и левобережное поселения, керамика которых имеет ряд черт посуды второго периода азово-днепровской культуры. Конец существования сурской культуры определяется около 5100–5000 ВС.

Г. Мотузайте-Матузевичюте, С.А. Телиженко

**КЕРАМИКА И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ИЛИ ТОЛЬКО КЕРАМИКА?
ОСОБЕННОСТИ НЕОЛИТА БАСЕЙНА СЕВЕРСКОГО ДОНЦА**

**(ПО МАТЕРИАЛАМ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЫ СТАРОБЕЛЬСК-I
И НОВОСЕЛОВКА-III)**

Возникновение гончарства и оседлости в Европе в неолитическое время часто сопровождалось появлением таких феноменов, как культивация злаков (земледелия) и скотоводства. В то же время систематические исследования, которые проводятся на Балканах, в долине Нижнего Дуная и Скандинавии, показывают, что одновременное возникновение указанных явлений не всегда имело место. Что касается Украины, то здесь эти процессы проходили неравномерно вследствие многих факторов, в первую

очередь природных. Отчасти причиной этому было и отсутствие междисциплинарных исследований, что привело к пробелам в научных знаниях.

В данной работе мы попытались в сжатом виде представить результаты исследований двух поселений, расположенных в степной зоне Восточной Украины, и акцентировать внимание на то, что существование гончарства необязательно сопровождалось земледелием или оседлостью. Более того, как показали наши исследования, несмотря на наличие достаточно развитого гончарства, оно мало повлияло на образ жизни неолитического населения. Из этого может следовать, что жизнедеятельность неолитического населения (шестое тыс. до н.э.) указанного региона в хозяйственном аспекте мало чем отличалась от мезолитического.

На протяжении трех лет на территории Луганской области (восточная часть Украины) в бассейне р. Северский Донец проводились археологические раскопки на поселениях Старобельск–I и Новоселовка–III. Цель исследований — определить время появления земледелия на территории Восточной Украины в неолитическое время. Исследования заключались в отборе образцов археологического контекста для проведения макроботанического анализа и AMS радиоуглеродного датирования.

Кроме того, были осмотрены керамические коллекции более пяти неолитических объектов из этого же региона. Часть фрагментов со Старобельска–I и Новоселовки–III, а также все археоботанические образцы проанализированы в Археоботанической лаборатории Джорджа Питт-Риверса Кембриджского университета Гедре Мотузайте Матузевичюте.

Старобельск–I, многослойный памятник, расположенный на пойменной возвышенности левого берега р. Айдар. Особенностью раннеолитического слоя Старобельска–I было наличие одиннадцати очагов, в районе которых концентрировалась основная масса находок (кости, фрагменты лепной керамики, изделия из кремня и т.д.). За пределами исследований остались участки с раковинными кучами, в которых концентрировались находки. Грунт из каждого очага, а также в местах наибольшего скопления фрагментов керамики, местах скопления отдельных угольков и просто с отдельных участков отбирался на флотацию. С

одиннадцати очагов промыто 1704 литров грунта, в итоге получено 37 образцов.

Новоселовка–3, неолитическое поселение, которое, судя по кремневому и керамическому комплексам, существовало позже Старобельска–1, располагается на правом берегу р. Айдар. Неолитический слой представляет собой большие участки скопления речных моллюсков, среди которых выявлено большое количество развалов лепной посуды, орудия из кремня, камня и кости и т.д. Грунт для флотации отбирался только с тех участков, где концентрировалось наибольшее количество фрагментов лепной посуды, с небольших ямок и зольников. Промыто около 1060 литров грунта, в итоге отобрано 13 образцов.

К информации о поселениях следует, видимо, добавить, что над ними возвышаются крутые меловыми склоны правого коренного берега, которые, вполне возможно, служили для наблюдения за передвижением дичи.

Результаты археоботанических исследований поселений и анализ фрагментов керамической посуды не позволяют нам на данном этапе говорить положительно о возможном существовании земледелия в данном регионе. Не было обнаружено ни одного зерна культивированного растения, только древесные угли и отдельные семена диких растений.

Следует также отметить, что ни на одном из раскопанных поселений не выявлено каких-либо признаков, указывающих на существование жилищ: ни углубленных, ни наземных. Отсутствие долговременных конструкций домов или очагов, углубленных хранилищ, а также достаточно тонкий культурный слой, который свидетельствует об однократном заселении, позволяет нам сделать предположение, что эти поселения служили в качестве временных лагерей (стоянок), которые были заселены небольшими группами рыбаков и охотников. Этому выводу не противоречат и данные по кремневым комплексам поселений, основу которых составляют орудия для охотничьего промысла и для разделки дичи.

Таким образом, имеющиеся на сегодняшний день данные показывают, что особенностью неолитизации Восточной Украины было отсутствие одновременного развития земледелия и гончарства. Вопрос этот дискуссионный, на что мы и рассчитывали, по-

скольку тема требует обсуждения и дополнительных исследований в данном направлении.

Д.Л. Гаскевич

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КЕРАМИКИ С ГРЕБЕНЧАТОЙ ОРНАМЕНТАЦИЕЙ В НЕОЛИТЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Традиция гребенчатой (в самом широком значении этого термина) орнаментации керамики распространена в неолите почти всей территории Украины за исключением Верхнего Поднестровья и Закарпатья. Местом ее формирования Д.Я. Телегин считал Среднее Поднепровье. В.Н. Даниленко связал ее генезис с территорией между Днестром, Валдайской возвышенностью и Десной, откуда она распространилась на юг — в лесостепь.

Появление гребенчатой керамики в степной зоне исследователь относил к раннему энеолиту, а ее истоки видел на востоке — в Поволжье, Прикамье и Южном Зауралье. В 1990-х годах эту гипотезу развила и конкретизировала Н.С. Котова, очертившая путь распространения гребенчатой орнаментации из Среднего Зауралья на запад в Среднее Поволжье и далее на юго-запад в Нижнее Подонье и Восточное Приазовье.

Серии радиоуглеродных дат, полученные в Киевской радиоуглеродной лаборатории по образцам органической примеси в формовочной массе керамической посуды ряда неолитических культур Украины и Российской Федерации, позволяют усомниться в состоятельности описанных гипотез. По данным Т.Д. Белановской, гребенчатая орнаментация присутствует на керамике самого нижнего — 23 слоя — поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону. Три даты керамики 20-го слоя этого поселения относятся к первой половине 7 тыс. cal BC.

Гребенчатая керамика была найдена и на памятнике Гиржево, исследованном В.Н. Станко в степном Поднестровье. Радиоуглеродные даты позволяют относить ее ко второй половине 7 тыс. cal BC. Таким образом, наиболее раннее появление гребенчатого орнамента зафиксировано на юге — в степном Причерноморье и Приазовье, что позволяет исключить ее северное происхождение.

В то же время опубликованные А.А. Выборновым радиоуглеродные даты гребенчатой керамики Среднего Поволжья относятся к 5–4 тыс. cal BC, что исключает гипотезу о северо-восточном генезисе гребенчатой керамики Северного Причерноморья.

Наиболее близким к Северному Причерноморью регионом, где уже в 7 тыс. cal BC керамика украшалась гребенчатым орнаментом, является Анатолия. Правда, ее доля там очень незначительна, что позволяет исследователям не считать этот регион ее родиной. На роль таковой может претендовать Северо-восточная Африка, где гребенчатый орнамент широко использовался в еще более раннее время. Возможно, традиция гребенчатой орнаментации керамики практически одновременно распространилась из Африки и в Малую Азию, и в Северное Причерноморье.

Сделанное предположение отвечает концепции «leapfrog colonisation», основанной на морском каботажном плавании. При такой колонизации усредненная скорость распространения неолитических новаций, по некоторым оценкам, могла достигать 10 км в год. По мнению Жуана Зильяна, именно так приблизительно в 5400 г. cal BC вдоль побережий Западного Средиземноморья расселились носители культурных традиций «кардиумной» керамики *Impresso*. Следствием такого расселения стало почти одновременное появление на большом расстоянии друг от друга поселений с практически одинаковой керамической посудой — т.н. «настоящий Кардиал» («*Le Vrai Cardial*», или «*true Cardial*»).

Позднее вследствие разрыва связей с материнскими общинами отдельные группы этого неолитического населения начали производить специфичные виды посуды, что археологически фиксируется в появлении ряда локальных культур (горизонт «*Epicardial*»).

Если за появлением гребенчатой керамики в Северном Причерноморье стояли те же процессы, что и за появлением кардиумной в Западном Средиземноморье тысячелетием позднее, следует признать, что поселения собственно средиземноморских мигрантов в регионе пока не известны. Возможным объяснением этого может быть их немногочисленность и расположение в непосредственной близости от береговой линии, впоследствии затопленной морем. В то же время характер керамических и кремневых материалов Ракушечного Яра, Гиржева, самчинских памятников буго-днестровской культуры, ранних периодов азово-

днепровской, днепро-донецкой и нижнедонской культур позволяют рассматривать их как единый культурный горизонт (сродни «Эпикардиалу»), несущий следы влияния одного располагавшегося в непосредственной близости более развитого центра неолита.

Модель морской колонизации Северного Причерноморья подразумевает, что пресноводное Эвксинское озеро к моменту ее начала уже объединилось с Мировым океаном. Наиболее вероятной датой этого события считается 6700 г. cal BC. Обращает на себя внимание, что приблизительно этим временем датируются первые неолитические памятники Северного Причерноморья. К середине 7 тыс. cal BC относится появление в Горном Крыму мурзак-кобинской кремневой индустрии, ближайшим аналогом которой С.Н. Бибиков считал «капсий» Северной Африки, а Л.Л. Зализняк — «кастельновьен» Адриатики и Западного Средиземноморья.

В это же время в Северном Причерноморье распространяется кремневый комплекс «тарденуазского» типа, характеризующийся массовым производством трапеций, изготовленных из тонких, параллельно огранных отжимных пластин. Тогда же в регионе появляются и первые могильники мариупольского типа. Происхождение похороненных в них носителей нового для этой территории краниологического варианта гиперморфных европеоидов — мезокранов с широким высоким слабопрофилированным лицом — до сих пор однозначно связывалось с Прибалтикой и Прионежьем. Однако, по данным И.Д. Потехиной, носители этого типа известны и в Горном Крыму (Мурзак-Коба), и в Северной Африке (Тафоральт).

Близкие аналогии другого краниологического варианта гиперморфных европеоидов Причерноморья — долихокранов с очень широким и хорошо профилированным лицом — также известны не только на севере, но и в мезолите Крыма (Фатьма-Коба), Северной Африки (Афалу-Бу-Руммель), Палестины (Эйнар, Вади Фалла, Эль Вад), Западной Европы (Гоедик).

Рассмотрение неолита Северного Причерноморья как своеобразного проявления средиземноморского неолита с керамикой *Impresso* кажется перспективным и ввиду того, что и в более поздние времена этот регион был постоянным объектом колонизации средиземноморских цивилизаций, распространявшихся морским путем (античная Греция, Рим, Византия, Генуя).

**КОНТАКТЫ НОСИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНО-ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ
С НЕОЛИТИЧЕСКИМИ И ЭНЕОЛИТИЧЕСКИМИ
ПЛЕМЕНАМИ ПОДНЕПРОВЬЯ**

VI и V тыс. до н.э. ознаменованы в Европе сложными этно-историческими процессами. Образовываются новые этносы, оставившие яркие древнеземледельческие культуры. На востоке кукутено-трипольской мегаобщины (Побужье, Поднепровье) происходит становление восточно-трипольской культуры (ВТК). На протяжении многовекового существования ее этнографическим своеобразием было декорирование сосудов углубленным орнаментом, при отправлении культов почти не употреблялась антропоморфная пластика. Внутренние процессы развития и приток нового населения с Днестра вынуждает местные восточно-трипольские общины продвигаться на новые земли. В ходе их освоения они столкнулись с неолитическими и энеолитическими племенами Поднепровья.

Этнокультурные контакты племен киево-черкасской неолитической культуры днепро-донецкой этнокультурной общности с носителями ВТК документируются находками импортов. На ее ранних поселениях выявлены фрагменты сосудов, аналогичные керамике неолитических поселений Грини, Вита Литовская, Никольская слободка. Трипольские импорты зафиксированы на неолитических памятниках: Бузьки, Пищики, Каменные Потоки, Успенка. Малочисленность этой керамики на поселениях Черкасского Поднепровья дает возможность считать их свидетельством обменных связей. Анализ вышеуказанных артефактов позволяет датировать время контактов этапом VI Триполья, а не, как считалось ранее, этапом А.

Несколько иной характер взаимоотношений поселения ВТК с племенами неолита фиксирует Е.Н. Титова в Поросье. Материалы поселения Староселье носят синкретический характер (наземные жилища, инокультурные керамические традиции, окраска сосудов охрой). В настоящее время такого типа выявлено десять поселений. Автор исследования предлагает их выделить в поросский вариант в рамках киево-черкасской культуры. Подтверждением столь близких контактов с трипольскими общинами явля-

ются находки на поселении неолита Староселье-Дижова фрагментов с росписью. Е.Н. Титова относит время этих контактов к периоду раннего Триполья. Наши разработки позволяют их перенести на этап VI.

В конце развитого Триполья племена ВТК выходят на Днепр. В плане их связей с местным неолитом интересны материалы многослойного поселения Вашенки, исследованного Д.Я. Телегиным и Е.Н. Титовой. Если в первом неолитическом слое фрагменты ВТК являются импортами, то второй неолитический слой перекрыт материалами поселения лукашевского типа трипольской общности. Переплетение двух керамических традиций (неолитической и трипольской) в морфологии и орнаментации сосудов, по мнению Е.Н. Титовой свидетельствует о взаимодействии днепро-донецких и трипольских племен.

На этапе СІ Триполья лукашевское население переходит на левый берег Днепра. В районе Киева появляются племена западно-трипольской культуры. На большинстве неолитических поселений этого времени, что подтверждается стратиграфически, является трипольское население (Титова). Возможно, доказательством взаимной ассимиляции днепро-донецкого и трипольского населения следует считать новый для Триполья обряд трупоположения в Чапаевском могильнике (Круц).

О сложности ассимиляционных процессов, проходивших в этом районе, говорят и материалы не так давно выявленного Киевского святилища, в артефактах которого отражены сакральные традиции разных групп населения трипольской общности.

Не менее интересно взаимодействие общин ВТК с населением Степи. Находки каменных наконечников-булав и скипетров в виде стилизованной головы коня, обычно трактуемых как символ власти, на поселениях ВТК (Березовка) свидетельствует об определенной инфильтрации степного населения в восточно-трипольскую среду. Следует также подчеркнуть значительный процент домашней лошади в стаде вышеупомянутого поселения (Журавлев).

В нижнем слое Березовки встречена импортная керамика из кукутенских центров: Извоар II, Берешти, Фрумутика, Скантия и др. Все перечисленные поселения бытуют почти одновременно Кукутени АЗ — Триполье VI. Находки степных импортов в жи-

лице № 7 документируют начало контактов со Степью, а кукутенская керамика определяет время их бытования.

Не менее интересен и керамический комплекс двухкамерной постройки № 13. В одном из ее помещений наряду с традиционной для Березовки керамикой выявлены кубки кукутенской культуры (5 %), сосуды с ракушкой в тесте (4 %), каменные изделия лесостепных и степных культур. Орнаментация вышеупомянутых выше сосудов напоминает декор энеолитических памятников Северского Донца типа Новоселицы (Гурин), а ряды полулуночных отпечатков характерны для энеолитических слоев Ракушечного Яра (Белановская). В других жилищах Березовки также выявлены фрагменты степных сосудов скелянского типа.

В самом верхнем слое памятника найдена импортная степная керамика и кукутенская. Последняя аналогична декору сосудов поселения Молдовы Жоры (Сорокин).

Следы контактов общин ВТК со степью и днестровскими племенами трипольской общности можно проследить и на материалах поселений Красноставка и Оноприевка. Некоторые традиции их керамических комплексов близки западно-трипольским поселениям типа Жур. Весьма знаменательно, что и в Красноставке, и Журах выявлена однотипная импортная керамика скелянского типа из Степи. Племена ВТК в этот период, вероятно, становятся посредниками между западно-трипольскими общинами и племенами Степи.

Особенно усиливаются контакты со Степью в конце развитого Триполья, когда население ВТК продвигается в пограничные с нею районы. На поселениях этого периода (Мирополье и др.) вновь распространяется импортная степная керамика, но уже среднестоговского типа (Цвек, Рассамакин). На поселениях ВТК типа Гарбузина выявлены новые по форме сосуды с ракушкой в тесте, увеличиваются их размеры, они декорируются «веревочным» и «гусеничным» орнаментом. Появление этого декора на поселениях трипольской общности Т.Г. Мовша объясняет как последствие культурных контактов трипольского населения со степными племенами культуры Средний Стог.

На последнем этапе существования племен ВТК, когда ее население под давлением западно-трипольских общин переселяется

в Поднепровье, в керамике коломийщенских памятников степное влияние ослабевает.

Находки импортных изделий в разных поселениях ВТК помогут синхронизации кукутенских, трипольских, неолитических и степных памятников и уточнят их хронологические позиции в энеолите.

Н.Н. Скакун

ОСОБЕННОСТИ КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩЕГО ПРОИЗВОДСТВА РАЗВИТОГО ЭТАПА ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На территории Юго-Восточной Европы в V–IV тыс. до н.э. миграционные процессы привели к образованию нескольких крупных земледельческих историко-культурных общностей. Одна из них — Кукутени — Триполье, располагавшаяся на территории Румынии, Молдовы и Украины, — отличалась высоким уровнем развития в различных областях материальной и духовной жизни. В ее хозяйстве, несмотря на использование медных инструментов, важную роль продолжали играть орудия труда из кремня.

В это время начинают осваиваться месторождения высококачественного волынского сырья, возникают его крупномасштабные разработки открытым способом, появляются памятники, население которых специализировалось на кремнеобработке. Одним из значительных кремнеобрабатывающих центров стало поселение Бодаки, находившееся на крайнем северо-западе культуры.

Памятник состоял из нескольких десятков жилищ, окруженных рвом. Первичная обработка сырья, подготовка нуклеусов производилась вне поселения, а расщепление кремня и изготовление инструментов происходило на поселении в специальной мастерской и на открытых рабочих площадках вблизи жилищ. В кремнеобрабатывающем производстве использовались новые технологии расщепления, позволявшие получать крупные пластины и разнообразных орудия из них.

Широкое распространение изделий из волынского кремня среди памятников Триполья и соседних одновременных культур,

а также большое количество не утилизированных инструментов, найденных в Бодаках, свидетельствует о том, что на подобных поселениях кремневые изделия производились не только для внутреннего потребления, но и на обмен. Качество продукции и уровень развития кремнеобрабатывающего производства в Бодаках позволяют рассматривать его как одну из отраслей общинного ремесла.

Б. Матева

ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ В НИЗОВЬЯХ ДУНАЯ

Река Дунай в своем нижнем течении является границей между современными территориями Болгарии и Румынии. В эпоху неолита население, обитавшее по обоим берегам, было частью балканско-анатолийского блока культур, развивалось в тесной связи как с другими дунайскими сообществами, так и с представителями современных им культур Добруджи, Северо-восточной Болгарии и Фракийской долины.

Поздний неолит и переход к энеолиту в этом районе — сложное во всех отношениях явление, так как в его формировании и развитии принимали активное участие ряд культур: локальные варианты Дудешти, ранние фазы Хаманджии — Блатница и Головица, а также I и II фазы Боян. При этом в недрах культур Боян II и Хаманджия (фаза Головица) отмечаются наиболее ранние признаки перехода к энеолитической эпохе.

На памятниках обоих берегов Дуная фиксируется ряд общих изменений: смена топографии поселений, эволюция керамических формы от остро биконических к овально биконическим и цилиндрическим, врезной орнамент меняет свой характер. Эти общие тенденции развития в дальнейшем приводят к унификации культур, что особенно ярко проявилось в энеолитическое время.

Несколько по-другому развивались кремневые орудийные комплексы. Если в конце неолита в северо-восточной Болгарии уже наметились признаки перехода к новым способам расщепления кремня и получению пластинчатых заготовок, то на Нижнем Дунае сохранялись традиционные способы его обработки.

Отдельные авторы считают, что инновации были принесены на северо-восток Болгарии еще в раннем неолите населением, переселившимся из Фракийской долины. Однако этому противоречит тот факт, что основным сырьем на памятниках северо-восточной Болгарии был местный добруджский кремний, и новые технологии расщепления появляются именно здесь в поздне-неолитическое время. На нижнем Дунае эти новшества были восприняты только энеолитическими сообществами.

Дальнейшее исследование этого вида археологического материала, возможно, даст новую информацию в разрешении вопроса о хронологической и культурной границе между поздним неолитом и ранним энеолитом данной территории.

З. Мацкевич, Т. Мешвелиани

ПЕРЕХОД К НЕОЛИТУ В ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В силу своего географического положения на стыке Ближнего Востока и Европы Южный Кавказ представляет собой одну из наиболее интересных областей с точки зрения перехода к сельскому хозяйству. В то же время необходимо признать, что на сегодняшний день эта тема изучена совершенно недостаточно.

Раннеземледельческие культуры на востоке региона представлены прежде всего шулаверско-шомутепинской группой памятников (восточная Грузия — западный Азербайджан). Несмотря на то что проблема генезиса этой культуры и, в частности, роли местных и ближневосточных элементов в ее сложении представляется нерешенной, в целом переход к земледелию в этой части Кавказа надежно датируется концом VII — началом VI тысячелетия до н.э., с учетом калибровки (Kiguradze, Menabde, 2004).

В западной части Южного Кавказа (западная Грузия) ситуация куда менее определена. Усилиями грузинских археологов, в 1960–1980-х годах здесь были обнаружены и исследованы памятники, отнесенные к докерамическому неолиту (Анасеули I, Кобулет, Дарквети, Палури и др.), керамическому неолиту (Одиши, Кистрики, Анасеули II и др.) и энеолиту (Сагварджиле, Самеле

кде, Дзудзуана и др.). Абсолютная и относительная хронология этих памятников и ансамблей проблематична. Более того, сельскохозяйственный характер экономики этих поселений и присутствие на них остатков одомашненных растений и животных вызывают серьезные сомнения. Следовательно, характер процесса перехода к земледелию в этом районе не ясен.

Отсутствие надежной синхронизации с культурами восточной Грузии, восточной Турции и северо-западного Ирана препятствует решению вопроса о характере взаимодействия между раннеземледельческими и охотничьими культурами в регионе, а также о роли этого взаимодействия в процессе перехода к земледелию.

С середины 1990-х годов совместная грузино-американо-израильская экспедиция под руководством д-ра Т. Мешвелиани (Государственный музей Грузии), проф. О. Бар-Йозефа (Гарвардский университет) и проф. А. Бельфер-Козн (Еврейский университет в Иерусалиме) проводит серию стационарных раскопок двух пещерных памятников в западной Грузии: Дзудзуана и Котиас кде, позволивших установить и уточнить характер и хронологию культур в промежутке от верхнего палеолита до энеолита (Meshveliani et al. 2004). Кроме того, разведки и пробные раскопки были проведены авторами на ключевых памятниках западногрузинского неолита — Анасеули I, Урте и Гурианте.

Пещера Котиас кде (Бар-Оз и др., 2009; Meshveliani et al., 2007) расположена в бассейне реки Квирилы в Верхней Имеретии. Раскопки, проведенные в 2004–2006 гг., позволили установить следующую стратиграфическую последовательность слоев:

A1 — от энеолита до настоящего времени;

A2 — «докерамический неолит»;

B — мезолит;

C — верхний палеолит.

Мезолитический и неолитический материал из Котиас кде находит близкие параллели в ансамблях близлежащего памятника Дарквети (Ниеберидзе, 1978). Серия радиоуглеродных дат указывает на временной промежуток 12,850–10,240 лет назад для мезолита и 9,690–9,300 лет назад для неолита (с учетом калибровки). Великолепная сохранность фаунистических материалов позволяет провести детальный анализ использования животных ресурсов в течение перехода к неолиту. Предварительные результаты ана-

лиза показывают полное отсутствие останков одомашненных животных как в мезолитическом, так и в неолитическом слоях.

Открытая стоянка Анасеули I находится в Гурии, на левой террасе реки Бжу́жа. Памятник был исследован и опубликован Л. Ниеберидзе (1972, 1986) в 1960-х годах. Исследования, проведенные авторами в 2008 г., показали наличие сохранившегося культурного горизонта толщиной 5–10 см. Исключительной находкой является концентрация пяти длинных (11–13 см) целых обсидиановых пластин и других экзотических изделий. Исключительно высокая (около 50 %) пропорция обсидиана, доставленного с расстояния по крайней мере в 150 км, позволяет напрямую поставить вопрос о характере культурных и экономических контактов на Кавказе в период перехода к земледелию. На памятнике получена радиоуглеродная дата 7,746–7,595 лет назад (с учетом калибровки).

Таким образом, представляется возможным сформулировать следующие положения касательно неолитизации западной Грузии:

1) Присутствие одомашнения и других признаков производящей экономики в раннем неолите не может быть подтверждено. Более того, имеющиеся данные указывают на интенсивное использование охотничьих ресурсов, по крайней мере в начальной части раннего неолита (Котиас клде, слой А2).

2) Характер экономики в более поздней фазе раннего неолита (Анасеули I) неясен. Тем не менее, как явствует из данных о массовом импорте обсидиана, интенсификация контактов с восточной частью Кавказа, по-видимому, заселенной к этому времени шулаверско-шомутепинскими земледельцами, свидетельствует о значительных изменениях в экономике и культуре западногрузинских охотников-собирателей.

Е.Л. Лычагина

ХУТОРСКАЯ СТОЯНКА — ЭТАЛОННЫЙ ПАМЯТНИК КАМСКОГО НЕОЛИТА

Хуторская стоянка является одним из наиболее известных неолитических памятников Прикамья. Она была открыта в 1952 г.

В.П. Денисовым (Памятники..., 1994, С. 25). Крупные исследования на памятнике проводились в 1954, 1975–76 гг. В результате этих работ было исследовано два жилища эпохи неолита.

Материалы поселения были использованы О.Н. Бадером для характеристики развитого этапа камской неолитической культуры (Бадер, 1978). Последние по времени исследования были проведены Е.Л. Лычагиной в 2006 и 2008 гг.

Памятник расположен в 9 км к северу от г. Березники Пермского края, в урочище Бабушкин Хутор на высоком дюнообразном всхолмлении в южной оконечности Чашкинского озера.

Так как материалы раскопок 1954 и 1975–76 гг. уже опубликованы (Денисов, 1960; Денисов, Мельничук, 1991), остановимся подробнее на раскопках 2006 и 2008 гг. К сожалению, изучение культурного слоя не выявило наличия сколько-нибудь значительных сооружений неолитического времени. Поэтому перейдем к характеристике материальной культуры.

Неолитический комплекс представлен 410 фрагментами 20 сосудов. В результате технико-технологического анализа керамики мы пришли к следующим выводам.

Керамика толстостенная, 75 % сосудов имеют толщину от 0,8 см. Основной примесью в формовочной массе во всех случаях выступает шамот, часто встречается песок, в единичных случаях дресва и раковина. Цвет фрагментов варьируется от светлорыжевого до красного, в зависимости от обжига. 2/3 сосудов имеют наплыв на внутренней стороне венчика, толщиной 2–5 мм. В основном сосуды полуяйцевидные, со слегка округлым или коническим дном и незначительно суженым горлом.

Орнаментация большинства сосудов достаточно плотная, нередко один орнамент шел поверх другого. Узоры располагались горизонтальными поясами. Орнамент наносился тремя основными способами — шаганием, накалыванием и штампованием (в редких случаях фиксировалось прокатывание и прочерчивание). В некоторых случаях поверх основного узора встречались округлые или овальные наколы, нанесенные углом штампа.

Орнаментальные зоны отделялись друг от друга путем нанесения узора не на полную длину штампа, с использованием диагональных рядов короткого штампа или просто путем смены направления рядов штампа. Характерным мотивом можно считать

ряды вертикальных оттисков гребенчатого штампа, «шагающую гребенку» и ряды наклонных оттисков.

В целом для описанной нами керамики характерны все те черты, которые О.Н. Бадер выделял в качестве основных при характеристике развитого этапа камской неолитической культуры (Бадер, 1978, С. 72–74). К ним относится использование шамота и песка в качестве примеси в формовочной массе, полуяйцевидная закрытая форма сосудов, широкое распространение венчиков с наплывом на внутренней стороне, плотная орнаментация внешней поверхности сосудов гребенчатым штампом, активное использование при орнаментации такого мотива, как «шагающая гребенка».

Таким образом, рассмотренная нами коллекция керамики может рассматриваться в качестве эталонной при характеристике развитого неолита Прикамья.

Комплекс каменного инвентаря состоит из 900 предметов. Основную часть коллекции составили отходы производства — 702 экз. (78 %). Нуклевидные формы представлены незначительной группой, состоящей из четырех нуклеусов и одного поперечного скола (таблетка). Отсутствие четко выраженной группы нуклеусов свидетельствует о том, что для изготовления орудий очень часто использовались плитки кремня и случайные сколы с галек.

К изделиям с вторичной обработкой (орудиям) относится 135 предметов. Для их изготовления использовались пластины, отщепы, сколы с нуклеусов, плитки, гальки. Соотношение орудий на пластинах и отщепах 35 % / 65 %. Таким образом, мы можем говорить о том, что для памятника характерна отщепово-пластинчатая индустрия. Необходимо отметить, что наличие столь крупной группы орудий на пластинах отмечено на памятнике впервые. Наиболее крупные категории орудий составляют скребки, режущие орудия, пластины с ретушью, скобели, остря.

В целом выявленный нами орудийный комплекс характерен как для развитого этапа камской неолитической культуры в целом, так и для данного памятника в частности. К особенностям описанного нами комплекса можно отнести наличие значительной группы орудий на пластинах.

Таким образом, новые исследования Хуторской стоянки подтвердили, что памятник может считаться эталонным для развитого неолита Прикамья.

Благодаря усилиям целого ряда исследователей удалось получить 3 даты на основе радиоуглеродного анализа керамического материала (Выборнов и др., 2008, С. 36-45). Судя по полученным данным, памятник может быть датирован в пределах первой половины V тыс. до н.э. Этим же временем, по всей видимости, можно датировать и развитый неолит Прикамья.

М.Ш. Галимова, В.Н. Карманов

КРЕМНЕВАЯ ИНДУСТРИЯ СТОЯНКИ ПЕЗМОГТЫ 3 В КОНТЕКСТЕ ПАМЯТНИКОВ С ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНОЙ КЕРАМИКОЙ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В неолите Европейского Северо-востока в последние десятилетия выявлен широкий круг памятников раннего и развитого неолита, среди которых выделены комплексы, представляющие разные технико-типологические традиции в каменном инвентаре и керамике. Памятники с гребенчато-ямочной керамикой льяловского типа (Эньты I, III, VI, Половники II, Пезмогты 1, 3 и др.) бытовали в первой половине IV тыс. до н.э. (Карманов, 2008).

В отличие от пластинчатой каменной индустрии памятников раннего неолита ЕСВ, в комплексах развитого неолита льяловского типа отмечается преобладание технологии изготовления «тонких» бифасов. Для этих стоянок характерно разнообразное по форме и качеству кремневое сырье (гальки, плитки, конкреции). Отмечено намеренное рассечение и переоформление вышедших из употребления орудий, что, возможно, было связано с дефицитом сырья. Переоформление и подживление также активно использовалось и в бифасиальном технологическом контексте.

На стоянке Пезмогты 3, открытой в 1989 г. Э.С. Логиновой и раскопанной в 2003 г. В.Н. Кармановым, на площади 153 кв. м. были изучены остатки наземного жилища подпрямоугольной формы и получена крупная коллекция кремневых артефактов (более 4 тысяч), в том числе 312 морфологически выраженных орудий. Опираясь на данные геоморфологии, планиграфии и ре-

монтажа каменных артефактов, памятник можно охарактеризовать как сезонную неспециализированную стоянку, на которой осуществлялась разнообразная хозяйственная деятельность.

Первичное расщепление кремня на памятнике не производилось. Кремневая индустрия была направлена на производство двусторонне обработанных орудий («тонких» бифасов). Об этом свидетельствует преобладание среди дебитажа сколов оформления бифасов, а также серия завершенных двусторонне обработанных орудий (наконечников стрел, ножей, перфораторов) и их заготовок. Вместе с тем найдено небольшое число пластин неправильной огранки, половина из которых была утилизирована. Приемы вторичной обработки представлены различными типами ретуши, техникой резцового скола и намеренной фрагментацией изделий.

В орудийном наборе доминируют листовидные наконечники стрел (50) и ножи-бифасы асимметричной листовидной и сегментовидной формы (52), присутствуют угловые резцы (22) концевые скребки (9) и два бифаса-перфоратора, а также крупная серия отщепов и пластин с ретушью утилизации (150). Трасологическое изучение инвентаря показало, что эти предметы, как и морфологически выраженные орудия, несут на поверхности следы использования в разнообразных трудовых операциях по мягким (шкура, дерево) и твердым (кость, рог, твердое дерево) материалам. Достоверные метательные повреждения имеются на трех целых наконечниках и двадцати семи фрагментах. Небольшим числом представлены сечения пластин — вкладыши режущих и скоблящих орудий. Таким образом, спектр хозяйственной деятельности обитателей поселения был достаточно широким.

Н.Н. Гурина и Д.А. Крайнов, анализируя памятники льяловской культуры, справедливо отмечали специфику керамических комплексов и каменного инвентаря внутри общности культурных образований разного ранга лесной зоны Восточной Европы, характеризующихся керамикой с гребенчато-ямочной орнаментацией (Неолит Северной Евразии..., 1996, С. 173–182). Эта специфика отчетливо проявляется в различиях кремневых индустрий этих памятников — пластинчатой и бифасиальной направленности. Так, можно отметить значительное сходство в структуре кремневого инвентаря Пезмогты 3 с «бифасиальными отщеповы-

ми» комплексами стоянок с Векса-М и Векса III (слой 7) (Недомолкина, 2004), Саконовской стоянки (Ставицкий, 2002), а также многочисленными памятниками льяловской и балахнинской культур (Неолит Северной Евразии, 1996; Никитин, 1996).

Вместе с тем в кремневом инвентаре памятников с гребенчато-ямочной керамикой Среднего Поволжья доля орудий на пластинах достаточно ощутима (Халиков, 1969; Никитин, 1996; Ставицкий, 1999). В связи с этим возникает вопрос о том, связаны ли различия в каменном инвентаре с особенностями керамических комплексов внутри общности памятников с гребенчато-ямочной керамикой либо здесь играли роль факторы разницы в хронологии, качестве каменного сырья, хозяйственной деятельности, сезонности памятников.

В неолите лесной зоны Восточной Европы бытовали разнокультурные группы населения, практиковавшие разные стратегии отбора каменного сырья и его расщепления, направленные на получение пластинчатых заготовок либо бифасиальных форм. Вместе с тем на практике пластинчатые и бифасиальные технологии в редких случаях были взаимоисключающими. В большинстве индустрий они дополняют друг друга, превалируя одна над другой в зависимости не только от культурно-технологической традиции и качества каменного сырья, но и от типа памятника и характера хозяйственной деятельности его обитателей.

Целенаправленное изучение разных аспектов сырьевой стратегии, технологии и хозяйственной деятельности носителей каменных индустрий играет важную роль в реконструкции адаптивных процессов первобытного населения ЕСВ. Каменный инвентарь монокультурного жилищного комплекса Пезмогты 3 дает возможность при комплексном анализе подойти к решению поставленных выше вопросов.

**НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ХРОНОЛОГИИ ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ
КЕРАМИКИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**

Проблемам изучения ямочно-гребенчатой керамики и неолита в целом большое внимание уделяла Н.Н. Гурина. Непосредственно на территории Среднего Поволжья вопросами, связанными с культурой ямочно-гребенчатой керамики, занимались А.Х. Халиков, В.П. Третьяков, В.В. Никитин, А.А. Выборнов и В.В. Ставицкий. Вопрос о хронологии остается наименее разработанным. Связано это с тем, что из-за отсутствия памятников с надежной стратиграфией и радиоуглеродных дат, хронология ямочно-гребенчатой керамики данного региона устанавливалась по материалам аналогичных памятников сопредельных территорий, для которых такие данные имелись. И если по Волго-окскому междуречью для памятников соответствующего типа были получены радиоуглеродные даты, которые позволили определить время бытования как культуры в целом, так и ее отдельных периодов, то для Среднего Поволжья таких данных не было.

К настоящему времени получена серия радиоуглеродных дат по ямочно-гребенчатой керамике Марийского Поволжья, Верхнего Примокшанья и Среднего Посурья. Для керамики, орнаментированной горизонтальными рядами наклонных оттисков гребенчатого штампа, разделенных ямками, с поселения Дубовское III, получена дата 5930 ± 80 л.н. (Ki-14535). Это определение хорошо соотносится с датами по керамике Отарского VI поселения, которая имеет аналогичный орнамент и датируется 5810 ± 90 л.н. (Ki-14425) и 5930 ± 80 л.н. (Ki-14449). Эти даты подтверждают предположение В.В. Никитина о появлении памятников с ямочно-гребенчатой керамикой в данном регионе в начале IV тыс. до н.э. (Никитин, 2004).

С поселения Дубовское VIII продатирована керамика, орнамент которой представлен одиночными рядами конических ямок, которые разделяют зоны, украшенные горизонтальными поясками гребенчатого штампа и плюсневыми оттисками («собачий нос») в четыре ряда. Для описанной керамики Дубовского VIII получены даты 5880 ± 90 л.н. (Ki-15735) и 5720 ± 80 л.н. (Ki-15736).

Керамика Дубовского XII дала дату 5970 ± 90 л.н. (Ki-15737). Фрагменты были орнаментированы горизонтальными поясками оттисков гребенчатого штампа, разделенными одиночными рядами ямок.

По периодизации В.В. Никитина, поселение Галанкина Гора II относится к развитому этапу и датируется третьей четвертью IV тыс. до н.э. (Никитин, 2004). Это подтверждают радиоуглеродные даты, которые из всех памятников Марийского Поволжья на данный момент являются наиболее поздними. Фрагменты имели орнамент в виде рядов вертикально и наклонно поставленных оттисков гребенчатого штампа, разделенных ямками в один ряд. Для этой керамики получены определения — 5430 ± 90 л.н. (Ki-15734) и 5610 ± 80 л.н. (Ki-15733).

Для памятников с ямочно-гребенчатой керамикой Примокшанья до недавнего времени имела только одна радиоуглеродная дата, полученная по углю — 5660 ± 100 л.н. (Le-2313). В настоящее время еще одна радиоуглеродная дата получена по материалам стоянки Озименки II на Верхней Мокше. В орнаментации посуды этой стоянки распространены оттиски наклонно и горизонтально поставленного гребенчатого штампа, короткоовального зубчатого. Присутствуют оттиски плюсневого и косозубого штампов, практически отсутствуют полулунные вдавления. Композиция имеет строгую горизонтальную зональность, зоны орнаментированные штампом, разделены ямками в один или два ряда. Радиоуглеродное определение по керамике стоянки Озименки II — 5840 ± 90 л.н. (Ki-14571).

В Среднем Посурье исследовано несколько памятников с ямочно-гребенчатой керамикой, по трем из них получены даты. Посуда этих памятников по ряду признаков очень близка. Основную долю орнаментальных мотивов составляют оттиски гребенчатого штампа, которые нанесены наклонно, горизонтально, реже вертикально либо образуя косую решетку. Часто применялись наклонные овальные ямчатые вдавления, в единичных случаях прерченные линии и плюсневые оттиски.

Радиоуглеродные даты были получены для образцов, в орнаменте которых присутствуют мотивы, наиболее характерные для этой группы памятников: Утюж I (горизонтальные оттиски гребенки, разделенные одним рядом конических ямок) —

5940 \pm 90 л.н. (Ki-15640), 6080 \pm 90 л.н. (Ki-15641); Черненькое озеро III (ряды наклонных оттиском гребенчатого штампа, разделенные одним рядом конических ямок) — 5840 \pm 80 л.н. (Ki-15195), 6040 \pm 90 л.н. (Ki-15200); Вьюново озеро II (ряды наклонных оттисков гребенчатого штампа и наклонных овальных ямчатых вдавлений, разделенных одним рядом ямок) — 5965 \pm 90 л.н. (Ki-15620), 6085 \pm 90 л.н. (Ki-15626).

Таким образом, полученные даты дают основание предполагать, что время бытования памятников с керамикой ямочно-гребенчатого типа в Среднем Поволжье соотносится с первой половиной IV тыс. до н.э. Эти новые данные мало отличаются от датировок ямочно-гребенчатой керамики Волго-окского междуречья, особенно связанных с ее начальными этапами, что еще раз подтверждает правильность данного метода датирования и позволяет проводить синхронизацию материалов этих двух регионов. Однако помимо общих моментов есть и отличие. Так, дат позднее середины IV тыс. до н.э. в Среднем Поволжье пока практически не получено.

И.Н. Васильева, А.А. Выборнов

О ВРЕМЕНИ И ХАРАКТЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

Одной из самых актуальных в отечественной археологии всегда была проблема хронологии и взаимоотношений культур. Данная проблематика занимала большое место в исследованиях Н.Н. Гуриной (1973). Разработкой этих вопросов в археологии неолита Поволжья в разное время занимались археологи поволжского региона (Васильев, Пенин, 1977; Васильев, Выборнов, 1988; Выборнов, 1990, 2000, 2008; Кольцов, 2005; Юдин, 2004, 2006; Моргунова, 1997, 2004; Козин, 2002).

В настоящее время стала очевидной необходимость дальнейшей разработки указанной проблематики, в первую очередь ее направленности на конкретизацию и уточнение полученных (зачастую гипотетических) выводов, а также их доказательность и проверяемость.

Представляется, что определенных успехов в данном направлении можно добиться, лишь применяя новые подходы и методы анализа накопленного материала. Наш доклад посвящен изложению результатов исследования неолитической керамики Поволжья, основанного на объединении двух методик: абсолютного датирования керамики и ее технико-технологического анализа. В последние годы в Киевской лаборатории было получено около 100 радиоуглеродных дат для неолитических памятников Поволжья. Разработанная методика направлена на получение дат непосредственно самих анализируемых фрагментов керамики по органике, содержащейся в формовочной массе черепка (Ковалюх, Скрипкин, 2007).

В результате многолетнего технико-технологического исследования неолитической керамики Поволжья и сопредельных регионов по методике А.А. Бобринского к настоящему времени создана солидная база данных по технологии изготовления этой керамики (около 1,5 тыс. образцов, т.е. условных сосудов) (Васильева, 1999, 2002, 2006, 2007, 2008).

Обобщение полученных данных по технологии керамики позволило сделать важные заключения о появлении и развитии гончарных традиций в изучаемом регионе и выявить следующие исторические процессы.

1) Зарождение гончарства в Поволжье на базе предшествующего опыта работы с илами и использование в гончарстве населения изучаемого региона в эпоху неолита не глин, а глиноподобных илистых материалов (Васильева, 1994; Бобринский, Васильева, 1998).

2) Существование в неолите двух ареалов неолитических культур, выделяемых на территории Поволжья и сопредельных регионов, гончарство которых характеризуется существенными различиями в области представлений о пластичном сырье. К первому ареалу относятся культуры с накольчато-прочерченной керамикой, которые были распространены в южных (степной и лесостепной) зонах европейской части России и Украины. Второй ареал неолитических культур Поволжья представлен памятниками елшанского типа (Волго-Уралье, правобережье Волги в пределах Ульяновской области и Примокшанье). Выделение этих ареалов основано на специфике первичного пластичного сырья,

которое использовалось в гончарстве населения выделяемых ареалов, а именно «пелогеновых» илов, насыщенных животной и растительной органикой — в первом ареале, и илистых глин (близких к водоемам уплотненных осадочных пород, сохраняющих некоторые особенности илов) — во втором (Васильева, 2006). По нашему мнению, использование того или другого сырья отражало разные этапы эволюционного развития представлений об илах как сырье для изготовления емкостей, а возможно и существование разных центров и векторов распространения гончарных традиций.

3) Эволюция представлений о сырье в гончарстве населения культур с прочерченно-накольчатой керамикой шла по линии: илы — илистые глины — глины. Параллельно с изменением взглядов на сырье происходило формирование одной и той же традиции введения в составы формовочных масс искусственной добавки дробленой раковины, по-видимому, с целью придания массам привычных свойств и внешнего вида илистого сырья. Традиция введения шамота в рамках данных неолитических культур на современном уровне исследования материалов не зафиксирована (Васильева, 2009).

Исследование елшанской керамики позволило сделать следующие выводы. Во-первых, предполагается пришлый характер елшанского населения. Этот вывод базируется (исключая традиционные археологические источники) на заключении об эволюционном характере развития представлений об илах как сырье для изготовления посуды: от пелогеновых илов — к илистым глинам — и далее к глинам. Елшанские гончарные традиции появились в Волго-Уралье, будучи уже на более высоком этапе развития, чем развивающееся (практически одновременно) на юге гончарство культур прочерченно-накольчатой керамики. По-видимому, начальные звенья эволюции елшанского гончарства находились за рамками изучаемого региона. Во-вторых, четко фиксируется неоднородность елшанских гончарных традиций: выделяются две группы населения, которые изготавливали керамику елшанского типа. Одна группа использовала илистые глины в качестве моносырья (к ней относится большая часть материалов Самарского Поволжья). Вторая группа добавляла к илистой глине минеральную дробленую примесь — шамот (Ивановка, Елшан-

ка 10, Вьюново озеро). С точки зрения развития гончарства, последняя традиция отражает существенные изменения в представлениях о пластичном сырье. Следуя за А.А. Бобринским, в этом явлении можно видеть следующий шаг в эволюции взглядов на илистое сырье по нисходящей линии — переход от моносырья к смеси сырья и искусственных добавок (Бобринский, 1999; Васильева, 2008).

Объединив информацию об абсолютных датах керамики и особенностях неолитического гончарства, можно проследить выявленные по гончарной технологии процессы во времени и пространстве (в докладе используются некалиброванные даты).

В Северном Прикаспии (юг Поволжья) со второй четверти и до конца VI тыс. до н.э. бытовали памятники каиршаковского типа, плоскодонная посуда с прочерченно-накольчатый орнаментом которых изготовлена полностью из илов. Позднекаиршаковская керамика и керамика из нижних слоев стоянок Джангар и Варфоломеевка датируется последней четвертью VI тыс. до н.э. (эти даты совпадают с определениями по органике иного типа).

В это время в среде неолитического населения Северо-западного Прикаспия и степного Поволжья при сохранении традиции использования илистого сырья появились и получили распространение новые представления о пластичном сырье (илистые глины) и тесно связанная с ними традиция введения в формовочные массы дробленной раковины (что не зафиксировано для этого времени в Северном Прикаспии). Можно предполагать, что с началом аридизации (около 7500 л.н.) группы каиршаковского населения продвигались в северные и северо-западные районы, что приводило к переходу части населения на новое пластичное сырье. Причиной данного процесса могла быть именно аридизация климата и высыхание традиционных (священных и магических) источников пластичного сырья, что заставляло гончаров использовать привычное сырье в новом (высушенном) состоянии.

В южной части лесостепного Поволжья в первой четверти VI тыс. до н.э. (даты по керамике и кости совпадают) появилось население елшанской культуры, остродонная керамика которого изготовлена чаще всего из илистой запесоченной глины без включений раковины. На современном этапе исследования можно предполагать пришлый характер этой культуры в Поволжье и

изначальную неоднородность групп населения (ранняя елшанская керамика с шамотом из слоя Ивановской стоянки также датируется первой четвертью VI тыс. до н.э.). Неоднородность елшанских гончарных традиций может быть объяснена по-разному. Во-первых, вероятно, существовали не одна, а как минимум две одновременные миграционные волны «елшанского» населения из близких между собой, но различных районов распространения гончарных традиций. В одном из них бытовали представления об илестых глинах как моносырье, а во втором уже появилась традиция добавления к ним шамота — порошка из раздробленных сосудов. Во-вторых, вероятно наличие двух разновременных миграционных волн из одного центра: первая была связана с периодом до появления традиции добавки шамота, вторая, более поздняя, — с периодом распространения данной традиции. Во второй четверти VI тыс. до н.э. в Самарском Поволжье получила распространение плоскодонная посуда, изготовленная в соответствии с елшанскими традициями.

Исследование керамики Ивановской стоянки (Оренбургская обл., р. Ток) показало признаки контакта и процесса смешения населения с накольчатой традицией орнаментирования, продвинувшегося, по-видимому, из районов степного Поволжья, и елшанских групп (Васильева, 2007). В первой четверти V тыс. до н.э. в Волго-Уральском регионе формируется накольчатая традиция орнаментирования. Керамика Ивановской стоянки с накольчатым орнаментом состоит из двух групп. Первая группа изготовлена из илов и аналогична по типологии и технологии керамике Варфоломеевской стоянки. Подобная керамика Варфоломеевской стоянки датируется концом VI тыс. до н.э., что указывает на ее более ранний, чем ивановская группа, возраст, а соответственно и возможность прямого продвижения варфоломеевского населения на новую территорию. Вторая группа Ивановки с накольчатым орнаментом изготовлена из илестой глины аналогично позднеелшанской. Время бытования позднеелшанской керамики по полученным абсолютным датам — начало V тыс. до н.э.

В целом можно предполагать формирование средневожской неолитической культуры на местной (позднеелшанской) и пришедшей (варфоломеевской) основе, что подтверждается анализом

типологии и технологии керамики, а также полученными радиоуглеродными датами.

В заключение хотелось подчеркнуть отсутствие в неолите четкой однолинейности и однонаправленности исторических процессов. Так, в южной части Нижнего Поволжья керамика тентексорского типа, датированная первой половиной V тыс. до н.э., сохраняет технологические традиции «каиршакцев». Типологически сходная с тентексорской и поздневарфоломеевской, посуда Орловской стоянки изготовлена тоже в основном из илов (80 % от всего количества посуды). Керамика с накольчатой орнаментацией южной части лесостепного Поволжья (Ивановка, Виловатое) сделана также преимущественно в соответствии с древнейшими нижневолжскими гончарными традициями. В Волго-Уральском регионе постепенно утрачиваются местные позднеелшанские гончарные традиции и возобладают традиции изготовления керамики с прочерченно-накольчатой орнаментацией.

Что же касается северной части лесостепи, то со второй четверти V тыс. до н.э. в неолитических материалах представлен луговской тип керамики, а с середины этого тысячелетия — накольчатые комплексы, характеризующиеся технологией илистых глин и введения в формовочные массы примеси шамота и восходящие к елшанской АК. Аналогичный рецепт присущ и посуде с оттисками короткого зубчатого штампа с Ивановской стоянки, что позволяет предполагать определенную культурную преемственность населения данного региона. По-видимому, последующие гончарные технологии поволжского населения получили в «наследство» из нижневолжского ареала традицию добавления в формовочные массы дробленой раковины, из «елшанского» ареала — традицию введения шамота.

А.И. Юдин

СООТНОШЕНИЕ ДАННЫХ СТРАТИГРАФИИ И РАДИОКАРБОННЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ДЛЯ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Стратиграфические данные на поздненеолитических-энеолитических стоянках Нижнего Поволжья немногочисленны.

Это поселение Кумыска, где прослежен следующий порядок залегания находок: поздний неолит — прикаспийская керамика — хвалынская керамика — керамика кумысского типа — ямно-репинская керамика. На Варфоломеевской стоянке три неолитических слоя орловской культуры — поздненеолитический орловский слой с примесью прикаспийской керамики. На стоянках Алтата и Царица 1 алтатинская керамика залегала в одном слое с немногочисленной хвалынской. Это подтверждает предложенную ранее схему развития на рубеже эпох: орловская неолитическая культура — прикаспийская культура — хвалынская культура — памятники алтатинского типа с возможным сосуществованием культур. Данная схема развития также соответствует стратиграфии Раздорской 1 стоянки на Нижнем Дону. Новые радиоуглеродные данные, полученные по органике, содержащейся в керамике (Юдин, 2008; Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2008), подтвердили стратиграфические наблюдения, сделанные ранее.

Верхняя дата поздненеолитического слоя Варфоломеевки определена серединой VI тыс. до н.э. в калиброванном значении. Прикаспийские памятники степной зоны, сформировавшиеся на основе орловских, радиоуглеродных дат не имеют. Но стоянки этой культуры, расположенные южнее, в низовьях Волги (Буровая 41, Курпеже-молла) укладываются в промежуток времени от второй четверти VI тыс. до н.э. до первой четверти V тыс. до н.э. (калиброванные — 1σ), сосуществуя с поздними местными неолитическими памятниками и хронологически смыкаясь с ранними хвалынскими. Хвалынские памятники, расположенные в том же регионе и также продатированные по керамике, относятся к первой четверти V тыс. до н.э.

Это подтверждает два этапа развития прикаспийской культуры, которая на позднем этапе своего развития синхронна хвалынским. Хвалынские памятники сосуществуют некоторое время с алтатинскими и затем сменяются ими. О возможности более длительного времени существования хвалынских могильников свидетельствуют погребения кургана Паницкое VIБ, где полученная калиброванная дата (последняя четверть IV тыс. до н.э.) представляется несколько омоложенной, но погребальный обряд и инвентарь свидетельствуют о несомненной связи с хвалынской культурой (Мимоход, 2009).

Новые радиоуглеродные даты для Нижнего Поволжья хорошо согласуются с данными стратиграфии и показывают, что между неолитической орловской и энеолитической хвалынской культурами существовал хронологический интервал, который может быть заполнен только раннеэнеолитическими памятниками прикаспийской культуры, сформировавшимися на основе местных неолитических культур нижеволжской культурно-исторической общности: орловской, джангарской и сероглазовской.

В.С. Мосин

КЕРАМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ УРАЛА И ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ В НАЧАЛЕ НЕОЛИТА

Процесс неолитизации Урало-Сибирского региона прежде всего связан с появлением керамической посуды. Единичные, наиболее древние даты по углю: 7950 ± 1290 и 8400 ± 400 ВР для жилища 1 Исетского Правобережного; 7701 ± 120 и 9025 ± 70 ВР для жилищ 1 и 2 поселения Юртобор 3 и 8760 ± 280 и 8630 ± 180 ВР для поселения Амня I — пока явно выпадают из общего контекста большинства имеющихся радиоуглеродных дат, полученных по углю и керамике. Основной массив дат показывает стабильное существование керамического производства в регионе с рубежа $6600-6500$ ВР.

На раннем этапе технико-технологические установки изготовления керамической посуды (ручная лепка кольцевым или лоскутным налепом округло-остродонных и плоскодонных сосудов, орнаментация техникой прочерчивания и отступающего накола естественным орнаментом — челюстью или костью животного, иногда — зубчатые оттиски этой же челюсти) формируют две-три родовые традиции керамического производства, которые мы фиксируем как козловско-полуденскую (на юге региона — чебаркульско-полуденскую) и кошкинско-боборыкинскую линии эволюции керамического комплекса.

Радиоуглеродные датировки керамики показывают сосуществование в промежутке $6100-5800$ ВР всех выделенных к настоящему моменту типов раннеэнеолитической керамики: козловской,

евстюнихской, кокшаровско-юрьинской, чебаркульско-полуденской, басьяновской, кошкинской, боборыкинской (часть дат опубликована, есть устные сообщения А.Ф. Шорина и Н.М. Чаиркиной). Самые ранние даты 6620 ± 620 BP (Исток IV) и 6470 ± 80 BP (Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая) получены из слоев с совместным залеганием прочерченно-накольчатой (кошкинской) и прочерченно-гребенчатой (козловско-полуденской) — Исток IV; кошкинской, боборыкинской и козловско-полуденской — Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая. Боборыкинский тип, на рубеже 5960 ± 80 BP (Ук VI) сосуществуя с кошкиным, имеет бытование до 5270 ± 80 BP (Кочегарово I), где зафиксирован в энеолитическом жилище.

При всей кажущейся непохожести козловско-полуденская и кошкино-боборыкинская традиции имеют много общих черт: на Урале примесь талька в тесте, в Притоболье — песка и шамота; орнамент нанесен гладким прочерчиванием, отступающими наколами без отрыва орнамента от поверхности, отдельными наколами, эпизодическим использованием оттисков зубчатого орнамента. Важной общей чертой является использование в кошкинской и боборыкинской традиции т.н. «двузубого штампа», характерного для орнаментации козловско-полуденской керамики.

Среди орнаментальных мотивов общими являются самые простые: горизонтальные волнистые линии, вертикальные зоны, заполненные наклонными линиями, взаимопроникающие треугольники. В коллекциях присутствуют и отдельные симбиотические сосуды: басьяновские и басьяновско-сосновоостровские (гребенчатые). При полевых исследованиях неоднократно было зафиксировано совместное залегание керамики выше названных традиций.

Одним из ярких фактов является находка на озере Увильды, на дне которого были найдены два целых сосуда, причем один из них (меньшего размера, кошкинского облика) был вложен внутрь сосуда козловского типа. Таким образом, можно констатировать, что около 6500 BP на территории Центрального Урала и лесостепного Притоболья, которая являлась единым историко-культурным регионом еще с мезолита, появляются технологии изготовления керамической посуды, представленные несколькими традициями: прочерченной, отступающе-накольчатой, накольчатой, эпизодически-зубчатой.

Эти традиции сосуществовали в рамках человеческих коллективов как родовые в составе общин и семей. Очень близкие по содержанию процессы проходили в это же время по другую сторону Уральского хребта — в Предуралье и на Средней Волге в среде населения средневожского неолита.

В.Т. Ковалева, С.Ю. Зырянова

О РОЛИ КЕЛЬТЕМИНАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НЕОЛИТИЗАЦИИ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Начало неолитической эпохи в лесной зоне Северной Евразии исследователи связывают с распространением керамики (Ошибкина, 2006). В Среднем Зауралье процесс неолитизации имел свою специфику. Эта территория была освоена в мезолите, что дает возможность предполагать участие аборигенного населения в сложении неолитических культур. На ранненеолитических поселениях Нижнего Притоболья сохраняются мезолитическая традиция расщепления камня, обработка орудий краевой ретушью, техника резцового скола (Ковалева, Ивасько, 1991). В то же время в развитии керамики не зафиксировано каких-либо начальных стадий. Она появилась в Зауралье с уже устоявшимися технологическими и декоративными традициями.

Сопоставление материалов неолитических поселений на Андреевском озере у г. Тюмени — Козлов Мыс I, «VIII–пункт» и Джанбас-Кала IV в Приаралье — привело В.Н. Чернецова к выводу об их генетической близости. Он выдвинул тезис о единой этнокультурной общности Средней Азии и Зауралья.

По мнению исследователя, неолит Урала восходит к кельтеминарской культуре, которой отводилась первостепенная роль в финно-угорском этногенезе (Чернецов, 1968). Эта точка зрения была подвергнута справедливой критике. Во-первых, на неолитических памятниках Зауралья отсутствовали наконечники стрел с боковой выемкой, характерные для кельтеминарской культуры. Во-вторых, неолит Урала датировался почти на тысячу лет раньше кельтеминарской культуры (Старков, 1980).

В связи с открытием новых памятников в Приаралье — Учаси 131 выделен ранний этап кельтеминарской культуры — дарьсайский, который исследователи датируют VI тыс. до н.э. Кремневая индустрия на раннем этапе имела пластинчатый характер со значительной долей микролитизма при отсутствии наконечников стрел кельтеминарского типа (Виноградов, 1981).

В Среднем Зауралье также исследованы более ранние неолитические поселения, чем Козлов Мыс I — Ташково I (жилище 4), ЮАО—XV, Исетское Правобережное I (жилище 1) и др. Новые открытия заставили нас вернуться к точке зрения В.Н. Чернецова об участии населения кельтеминарской культуры в сложении зауральского неолита.

Сходство раннекельтеминарской керамики и зауральской козловской культуры (стадии по В.Н. Чернецову) проявляется в преимущественно прочерченной технике орнаментации, в сочетании волнистого и линейного орнамента, в наличии таких характерных мотивов как «лесенки» — ямочные вдавления, заключенные между параллельными вертикальными прямыми или волнистыми линиями, объемные налепы по краю сосудов и др.

В то же время посуда кельтеминарской культуры более разнообразна по форме, для нее не характерны наплывы на внутренней стороне венчика, днища сосудов часто не орнаментировались. По-видимому, инфильтрация отдельных групп населения кельтеминарской культуры в Зауралье началась на раннем — дарьсайском — этапе, этим и объясняется отсутствие наконечников стрел кельтеминарского типа на раннеолитических памятниках, которые в настоящее время датируются концом VI—V тыс. до н.э.

Присутствие единичных сосудов с гребенчатым орнаментом на зауральских раннеолитических поселениях не является свидетельством контактов населения с разными орнаментальными традициями, поскольку в орнаментации керамики кельтеминарской культуры наряду с прочерченной техникой всегда определенное значение имел орнамент, выполненный зубчатым штампом, насечками, ямочными вдавлениями.

В раннем неолите Среднего Зауралья нами выделено две культуры — козловская и кошкинская. Поскольку для козловской культуры в качестве субстратной основы предполагается культура зауральского мезолита, мы эту линию развития называем ав-

тохтонной. Козловская культура раннего неолита на позднем этапе (IV тыс. до н.э.) трансформировалась в полуденскую.

На соседних территориях — Прикамье, Южный Урал, Казахское Притоболье — господствующей была гребенчатая орнаментальная традиция, поэтому появление керамики с преимущественно прочерченной техникой орнаментации в Среднем Зауралье в результате диффузии не подкреплено фактами. Процесс неолитизации Среднего Зауралья связан, по всей вероятности, с инфильтрацией отдельных групп населения или миграцией из южных и юго-западных районов.

На территории Западной Сибири выделены памятники чэстыйягского типа (по стоянке Чэс-тый-яг на Приполярном Урале). В настоящее время памятники чэстыйягского типа исследованы в бассейне р. Конды. Посуда в основном, округлодонная, орнаментированная преимущественно в прочерченной технике. Орнамент сильно разрежен и занимает верхнюю половину сосуда. Края у некоторых сосудов оформлены редуцированными головками или выступами («ушками»), от которых спускаются расходящиеся волнистые линии. Встречаются сосуды ладьевидной формы, а также сосуды без орнамента. Эта посуда по многим признакам сопоставима с кельтеминарской, что отмечают Е.А. Васильев и А.С. Виноградов (Васильев, 1987, 2004; Виноградов, 2007). Для чэстыйягского типа керамики бассейна р. Конды получена абсолютная дата по керамике с поселения Большая Умытъя 57 – Кі-15078 – 5680±80 л.т.н. (раскопки А.А. Погодина). Таким образом, контакты с населением кельтеминарской культуры происходили, судя по всему, в течение по меньшей мере двух тысячелетий.

На раннеэнеолитических поселениях Зауралья (конец IV – начало III тыс. до н.э.) найдены серии наконечников стрел кельтеминарского типа, что является отражением контактов между населением Средней Азии и Зауралья уже в посленеолитическое время.

**ХРОНОСТРАТИГРАФИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ
КОКШАРОВСКОГО ХОЛМА В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ**

В докладе обсуждаются данные, полученные по хронологии неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм, расположенного на южном берегу Юрьинского озера в Верхнесалдинском районе Свердловской области. В физико-географическом отношении памятник находится в лесной зоне на стыке Зауральского пенеблена и восточных отрогов Уральских гор. На святилище, расположенном в центре Юрьинского поселения, жители которого его и возвели, представлены все основные типы неолитической керамики, распространенной в Зауралье: кошкинский, кокшаровско-юрьинский (вариант козловской культуры), басьяновский (вариант боборыкинской культуры), полуденский. Это позволяет на основе анализа хроностратиграфии одного памятника ставить вопросы относительной и абсолютной хронологии неолитических культур, распространенных в обширном регионе Среднего и Южного Зауралья.

Анализ относительной хронологии и планиграфии Кокшаровского холма (его диаметр около 40 м, максимальная высота достигала 3,5 м), осложняется тем обстоятельством, что этот памятник насыпной и подсыпка его велась с использованием земли (культурного слоя) Юрьинского поселения. Поэтому в целом стратиграфическое и планиграфическое распределение неолитических типов керамики на памятнике не дает однозначного представления об их относительной хронологии. В центральной части холма фиксируется тенденция тяготения кошкинской и кокшаровско-юрьинской керамики к нижнему и среднему слоям насыпи, а полуденской — к среднему и верхнему. Более равномерно по слоям распределяется полуденская керамика в восточной периферийной части холма. Больше этой керамики и в районе рвов, особенно второго.

Басьяновская керамика концентрируется в основном в центре холма, здесь ее явно больше в нижних слоях. Но на восточной периферии памятника эта керамика тяготеет к верхним слоям насыпи. То есть налицо неявная тенденция тяготения кошкинской и

кокшаровско-юрьинской керамики к нижним и среднему, а полуденской — к среднему и верхним слоям холма. Позиция басьяновских комплексов в структуре насыпных слоев холма пока однозначно не определяется.

Обсуждение абсолютного возраста носителей отмеченных типов керамики Кокшаровского холма можно вести на основании радиоуглеродных данных, полученных в разных лабораториях, и на основе анализа различных материалов.

Восемь дат (Le — 7879–7884, 7886, 7887), полученных по углю из заполнения объекта 15, сопровождавшегося кошкинской керамикой, укладываются в интервал от 7560 ± 200 BP до 6900 ± 160 BP (R Combine: 7037 ± 56 BP; 68,2 % probability: 5990 BC (65,4 %) — 5870 BC, 5860 BC (2,8 %) — 5840 BC; 95,4 % probability: 6020 BC — 5780 BC). И только одна (Le — 7885) дала дату 5920 ± 60 BP или 68,2 % probability: 4880 BC (2,6 %) — 4870 BC, 4850 BC (65,6 %) — 4710 BC; 95,4 % probability: 4960 BC (94,3 %) — 4670 BC, 4640 (1,1 %) — 4610 BC.

Даты же, полученные по керамике, имеют следующие значения.

Фрагмент басьяновской керамики — 2 даты с одного образца Kі — 15589: 5670 ± 90 BP (1σ 4620–4440 BC, 4430–4360; 2σ 4720–4340 BC); Kі — 15538: 5750 ± 80 BP (1σ 4690–4490 BC, 2σ 4790–4440 BC).

Фрагмент кошкинской керамики Kі — 15535: 5960 ± 80 BP (1σ 4940–4770 BC, 2σ 5060–4670 BC).

Фрагмент полуденской керамики — 2 даты с одного образца Kі — 15539: 5980 ± 90 BP (1σ 4960–4770 BC; 2σ 5250–4600 BC); Kі — 15540: 6070 ± 80 BP (1σ 5070–4840 BC, 2σ 5300–4700 BC).

Фрагмент кокшаровско-юрьинской керамики — 2 даты с одного образца Kі — 15537: 6045 ± 90 BP (1σ 5060–4800 BC; 2σ 5300–4700 BC); Kі — 15536: 6225 ± 90 BP (1σ 5300–5060 BC, 2σ 5500–4850 BC).

То есть более ранними по этим основаниям являются комплексы кокшаровско-юрьинского, полуденского и кошкинского типов, более поздними — басьяновского типа.

Сопоставление данных, полученных по разным основаниям датирования, выявляют следующие несоответствия.

Во-первых, относительная хронология, построенная на тенденциях залегания разных типов керамики в насыпных слоях святилища, и хронология этих же типов керамики, базирующаяся на датах, полученных в Киевской радиоуглеродной лаборатории НАН Украины, имеют определенные несоответствия. Особенно это касается комплексов полуденского и басьяновского типов. Радиоуглеродные даты по полуденской керамике — одни из самых ранних на холме, в то время как в относительной хронологии есть тенденция тяготения этих комплексов к поздним слоям насыпи.

Басьяновская керамика имеет самые поздние радиоуглеродные даты. Но в центральной части холма она явно преобладает и концентрируется в нижних слоях насыпи. В то же время, если учитывать искусственный характер формирования насыпи, можно допускать и определенные искажения естественной стратиграфии неолитических комплексов в насыпных слоях святилища, тем более что эти несоответствия, как и комплекс немногочисленных пока радиоуглеродных дат, не исключают относительную синхронность существования всех этих комплексов в культурных слоях Кокшаровского холма.

Во-вторых, бросается в глаза явное несоответствие радиоуглеродных дат, полученных из заполнения объекта 15, с одной стороны, по углю, а с другой — по фрагменту кошкинской керамики. Разница, если не учитывать дату Le — 7885, между ними разительная и достигает почти 1000 лет. Либо здесь присутствует ситуация хронологического несоответствия образцов угля и керамики, не понятая нами во время раскопок объекта; либо есть проблемы, присущие методам радиоуглеродного датирования.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Истоки культурного наследия древнего населения Урала».

**КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
НЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СЕВЕРНОГО ЗАУРАЛЬЯ**

До недавнего времени исследования комплексов эпохи неолита на территории Северного Зауралья не проводились. В бассейне р. Конды основные культурно-хронологические построения базируются на материалах памятников, раскопанных довольно давно. Новые северо-зауральские комплексы (поселения Нижнее озеро III, Каквинские печи и Усть-Вагильский холм) по конструктивным особенностям построек, наличию однотипных культовых комплексов — холмов, отчасти по характеру каменного инвентаря находят большее количество аналогий в западно-сибирских неолитических памятниках бассейна р. Конды — Сумпанья III, IV, VI, Чертова Гора, Канда (Ковалева, Устинова, Хлобыстин, 1984; Крижевская, Гаджиева, 1991; Хлобыстин, 1993), чем в памятниках Среднего Зауралья.

Наибольшее количество сопоставлений обнаруживается в керамическом материале, технико-морфологические характеристики и культурно-хронологическая специфика которого дискутируются. Poleмика, отчасти, обусловлена разными методологическими подходами к анализу керамического материала, определению понятий *тип керамики* и *орнаментальная традиция*. Применительно к Южному, Среднему и Северному Зауралью, Тюменскому Притоболью и бассейну р. Конды исследователи оперируют ограниченным кругом типов керамики разных периодов неолита: кошкинский, боборыкинский, кокшаровско-юрьинский, полуденковский, сосновоостровский, сумпаньинский, сатыгинский. Нежелание исследователей вводить новые типы понятно.

Однако вновь получаемые материалы зачастую не вписываются в существующие дефиниции. Очевидно, что, например, кошкинская посуда Северного, Среднего Зауралья или Западной Сибири и керамический комплекс эпонимного памятника Кошкино V (Курганская обл.) или памятники полуденковского типа Среднего Зауралья и Тюменского Притоболья, даже учитывая традиционность и определенную закрытость культурных типов, не могут быть очень похожи друг на друга. Между ними 500—

1000 км и явная, большая или меньшая, хронологическая не одновременность.

Рассмотрение керамики с позиции орнаментальной (комплекс технико-морфологических признаков) традиции, распространенной довольно широко и включающей близкие типы керамики, отражающие ее локальные территориальные и хронологические варианты, возможно, приведет к некоторой систематике материала.

Накольчато-прочерченная традиция в неолитических комплексах Северного Зауралья представлена керамикой *сатыгинского типа*, выделенной по материалам бассейна р. Конды (Сумпанья III, IV, VI). На пос. Нижнее озеро III она залегала вместе с сумпаньинским и кошкинским (?) типом посуды на дне трех неолитических построек (некалиброванные даты по углю — первая половина VI — рубеж VI–V тыс. до н.э.).

Технико-морфологические индексы ее сходства с керамикой сатыгинского типа бассейна р. Конды очень высоки, что предполагает их включение в одну орнаментальную традицию, и, вероятно, одного — сатыгинского — культурного типа. Меньшее количество аналогий эта посуда находит с керамикой боборькинского типа, которую можно рассматривать как локальный, распространенный на территории Среднего Зауралья и Тюменского Приоболья, возможно, хронологический (сатыгинский тип керамики поселения Нижнее озеро III — 6230 ± 100 ВР или 5310–5050 и 5500–4850 ВС (Ki–15396); боборькинский тип — IV (?) тыс. до н.э.) вариант накольчато-прочерченной традиции.

Прочерченно-отступающая орнаментальная традиция представлена керамикой (Сумпанья III, Леуши I, Нижнее озеро III), которая при некотором отличии, сопоставима и условно (до детального сопоставления с посудой кошкинского типа Среднего Зауралья) обозначена как *кошкинская*. По посуде поселения Нижнее озеро III для нее получена радиоуглеродная дата — 6510 ± 90 ВР или 5560–5360 и 5630–5310 ВС (Ki–15394).

В формировании *сумпаньинского типа* керамики (Сумпанья IV и VI, Нижнее озеро III) с *прочерченно-отступающе-гребенчатым* декором, вероятно, приняли участие разные группы населения — с прочерченно-отступающей (кошкинского? типа) и гребенчатой орнаментальной традицией. По одному из сумпань-

инских сосудов поселения Нижнее озеро III получена радиоуглеродная дата — 6250 ± 90 BP или 5320–5200 и 5190–5060 BC (K1-15394). Менее определено в этих комплексах характеризуется «гребенчатый» компонент, который некоторые исследователи (Ковалева, Устинова, Хлобыстин, 1984) сопоставляют с полуденковской посудой, другие (Глушков, 1998) керамику с прочерчено-гребенчатой орнаментацией пос. Чертова Гора и Канда определяют как кошкинско-полуденскую.

Радиоуглеродные даты, полученные по глиняной посуде и углю из сооружений поселения Нижнее озеро III и Сумпанья IV, а также стратиграфические условия залегания керамики сатыгинского, кошкинского (?) и сумпаньинского типа предполагают их одновременное бытование на территории Северного Зауралья и в бассейне р. Конды пока (до получения новых данных) в рамках довольно широкого хронологического интервала, в середине VI — первой половине V тыс. до н.э.

В этот период рассмотренные орнаментальные традиции, вероятно, были распространены в Среднем и Северном Зауралье, бассейне р. Конды и Тюменском Притоболье, включали разные типы керамики, образующие их локальные варианты. Наблюдаемая многокомпонентность керамических комплексов, с одной стороны, своеобразная «закрытость» орнаментального стиля, с другой, сосуществование с иной традицией являются, вероятно, отражением социального контекста гончарства.

Л.Л. Косинская

**О НЕКОТОРЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В АРХЕОЛОГИИ
СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СЕВЕРО-ЗАПАДА ЕВРОПЫ:
ЛОВЧИЕ ЯМЫ КАМЕННОГО ВЕКА**

На северо-западе Европы с глубокой древности существовал способ охоты на дикого северного оленя и лося с использованием стационарных промысловых сооружений — ловчих ям. Древнейшие из исследованных объектов относятся к позднему мезолиту (Суоминен, 2002). На Русском Севере (бассейны Северной Двины, Мезени, Печоры) объекты подобного рода не выявлены.

Ближайшим к востоку от Фенноскандии районом распространения ловчих ям является таежная зона Западной Сибири.

В обоих районах существование охоты на лесных копытных с применением ям, в том числе в сочетании с засеками-«огородами» зафиксировано в письменных источниках нового и новейшего времени и в устной традиции коренного населения (Косарев, 1984). Археологическими разведками в бассейнах рек Обь и Пур выявлено значительное число промысловых комплексов с остатками ям-ловушек. Впервые как ловчие ямы они были опознаны в 1980-х годах в бассейне р. Конда в результате раскопок нескольких объектов, по косвенным признакам датированных эпохой бронзы (Кокшаров, 1993).

Остатки ловчих ям на поверхности выглядят как впадины округлой и овальной формы, иногда с обваловкой. По внешним признакам они часто напоминают жилищные впадины, отличаясь главным образом своей топографией и планиграфией. Впадины промысловых комплексов образуют цепочки разной длины и конфигурации и обычно увязываются с элементами мезорельефа (Косинская, 2000).

Результаты раскопок показывают, что признаками ловчих ям являются их форма (подпрямоугольный или подквадратный котлован с крутыми стенками и плоским дном), небольшие размеры (2 x 1 м, 2 x 2 м у дна) при глубине до 1–1,7 м и полное или почти полное отсутствие находок. Последнее обстоятельство существенно затрудняет культурно-хронологическую атрибуцию памятников этого типа. Судя по внешним особенностям (разная степень археологизации) и C^{14} датам, промысловые комплексы могут иметь самый разный возраст: от эпохи камня до этнографической современности.

Древнейшие объекты выявлены в бассейне р. Пур. Одиноклая ловчая яма Вора-яха I на основании радиоуглеродных дат (6670±90, 6000±80; ЛЕ-7005, ЛЕ-7004 соответственно) может быть отнесена к середине атлантического периода голоцена, что на севере Западной Сибири соответствует раннему неолиту. Неолитический возраст объекта косвенно подтверждает канавка в дне котлована по его периметру, служившая для закрепления основания деревянной обшивки стенок ямы. Такая конструктивная деталь типична для многих неолитических жилищ Среднего и

Нижнего Приобья. На дне ямы в центре прослежена столбовая ямка от вертикального кола.

Еще более глубокие даты получены для ловчей ямы памятника Харампур 4: 7720 ± 50 , 7810 ± 110 , 8200 ± 150 , 8200 ± 200 (ЛЕ-7790, 7789, 7791, 7792 соответственно). Они соответствуют концу бореала — началу атлантика, т.е. позднему мезолиту. Это сооружение отличает уступ-ступенька в длинных стенках на высоте 1 м от дна. Ловушка входит в состав небольшой системы из девяти впадин, предварительно определенных как ловчие ямы, и перекрыта полой культурного слоя наземного жилища поздней бронзы или раннего железа. Являются ли остальные впадины целостным промысловым комплексом, не установлено.

Примечательно, что поселения мезолитического и неолитического возраста в окрестностях обоих промысловых объектов и в целом на р. Пур пока не выявлены, и ловчие ямы являются единственным свидетельством обитаемости района в эпоху камня. Открытие столь древних промысловых объектов позволяет предполагать, что способ охоты ловчими ямами возник на севере Западной Сибири в местной культурной среде не позднее конца мезолитической эпохи.

Н.А. Алексащенко

ХОЗЯЙСТВО НАСЕЛЕНИЯ ЦИРКУМПОЛЯРНОЙ ЗОНЫ ЯМАЛА: ОБРАБОТКА ШКУР

Хозяйство как инструмент адаптации населения в высоких широтах является темой многих исследований. Доклад посвящен методике и результатам изучения кожевенного производства, которое тесно связано с основными занятиями — охотой и оленеводством.

Обычно при описании древних технологий мы придерживаемся хронологического принципа: от древности к современности. При этом между археологическими вещами и их этнографическими аналогами существуют значительные пробелы во времени. В Нижнем Приобье и на Ямале накоплены материалы, к которым можно применить другой исследовательский маршрут: от

знания современного традиционного способа выделки шкур к изучению более архаичного производства.

Применение трасологического анализа к этнографическим предметам дает нам верифицированные образцы следов изнашивания, которые служат эталонами при изучении артефактов. Мы получаем шанс выяснить, до какой хронологической «глубины» мы можем погружаться, основываясь на фактах, а где наши выводы гипотетичны. Оснований для такого подхода несколько.

Во-первых, обработка шкур и сейчас является важным занятием населения региона, ведущего традиционный образ жизни (ненцы и ханты). Орудия и последовательность операций подробно описаны этнографами XX–XXI веков (Н.Ф. Прыткова, Л.В. Хомич, В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Е.Г. Федорова, А.М. Сязи, З.И. Рандымова и др.). В музейных коллекциях Салехарда, Тобольска, Омска, Санкт-Петербурга хранятся одежда и кожаные инструменты, доступные не только для визуального знакомства с ними, но и для микроанализа.

Во-вторых, есть письменные источники XVII–XIX веков с характеристикой домашних занятий остяков и самоедов (М.П. Алексеев, В.Ф. Зуев).

В-третьих, смыкаются и дополняют друг друга письменные и вещественные источники. Исследуются раскопки (или уже раскопаны) городища и городки со слоями XV–XVIII веков (Усть-Войкарское, Надымское), XI–XII веков (Ярте-6), поселения XII–XIV, VI–VIII веков (Тиутей-сале I), городище (жертвенное место) I в. до н.э. — I в. н.э. (Усть-Полуй), могильник VIII–IX и XIII веков (Зеленый Яр).

В-четвертых, в мерзлотных культурных слоях северных археологических памятников сохраняются фрагменты изделий и одежды из шкур и кожи.

В ходе ретроспективного исследования необходимо проанализировать орудия и производимые ими операции.

Инструменты. Для снятия мездры ненцы, ханты, селькупы используют железный подпрямоугольный или S-образный скребок, вставленный в длинную деревянную оправу с двумя рукоятками. Для разминания шкур применяют приспособление в форме лопаточки или дуги (иногда косу, вставленную в рукоять).

Иногда всю обработку женщина производит одним скребком. До XIX в. были широко распространены костяные скребки.

На поселении Ярте обработка шкур и изготовление кожаных ремней были основными домашними занятиями, о чем свидетельствует большое число каменных скребков разных размеров, орудий из костей ног и лопаток северного оленя, зубчатых инструментов из рога и дерева, лопаточек из рога.

В обоих слоях стоянки Тиутей-Сале I коженных инструментов немного: два кинжала из кости моржа, скребки из камня и кости, проколки, инструмент для разглаживания швов, игла из кости оленя и одно металлическое шило с рукоятью из рога оленя. Этот набор не отражает реальных масштабов коженного производства на поселении (часть памятника разрушена), но позволяет говорить о некоторых операциях.

На городище (жертвенном месте) Усть-Полуй орудия коженного производства являются одними из самых многочисленных категорий находок: скребки из камня и кости в форме дисков, лопаточек, длинные дулезвийные инструменты.

Каменные дисковидные скребки были найдены при раскопках поселений эпохи бронзы и неолита Хальмер-яха I, Усть-Войкарское I, Пяку-то I. Мелкие каменные скребки обнаружены на мезолитической стоянке Пямали-яха IV, а также на памятниках Войкарский Сор III и Юган-Горт VI, которые, возможно, имеют палеолитический возраст (Косинская, Федорова, 1994).

Основным коженным инструментом на протяжении многих эпох был скребок. Он служил для снятия мездры, размягчения шкуры. В археологических памятниках найдены каменные, костяные и деревянные скребки. Изготовление каменных скребков зафиксировано на севере Западной Сибири на протяжении от XIV в. н.э. до 10-9 тысячелетия до н.э. Костяные инструменты известны в памятниках от XIX в. до первого тысячелетия до н.э. (в более ранних костях сохраняется плохо). Деревянные скребки известны пока только на поселении Ярте-6.

Операции. Сравнительный трасологический анализ этнографических и археологических инструментов из памятников эпохи металла позволил четко восстановить следующие операции в коженном производстве: *снятие шкуры, ее сушка, снятие мездры, размягчение, волососгонка, растягивание и разминание ре-*

мешков и полосок кожи. Пока с меньшей долей достоверности эти процедуры реконструируются для памятников более ранних эпох. Фиксируются следы сушки, мездрения, разглаживания. Предстоит дальнейшая работа по углубленному трасологическому изучению коллекций каменного века.

Ю.П. Чемякин

О СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ НЕОЛИТА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В 1960-х годах В.Н. Чернецовым была предложена периодизация уральского неолита с тремя последовательными фазами развития, при разработке которой автор широко использовал материалы из таежной зоны Западной Сибири (1963; 1968). Эта схема была принята большинством исследователей, уточнявших и детализировавших ее. В первую очередь здесь следует назвать работы О.Н. Бадера (1970) и В.Ф. Старкова (1980).

Несмотря на некоторые разногласия, суть всех схем сводилась к признанию единой восточно-уральской культуры (общности), распространенной на восточных склонах Урала и прилегающей территории Западной Сибири.

Выявление памятников с прочерченно-накольчатый орнаментом (кошкинского типа) и переосмысление боборыкинских древностей позволило В.Т. Ковалевой поднять вопрос и обосновать мнение о двух этапах в развитии уральского (и зауральского) неолита и наличии двух параллельных культурных традиций на указанной территории (1981; 1989). Поздний этап, по Ковалевой, представлен полуденской и боборыкинской культурами.

С иной (противоположной) трактовкой последовательности смены культур выступил В.А. Зах (1987; 1995; 2006), которого поддержал И.Г. Глушков (1998). Причем характеристики культур у этих авторов несколько различаются. В частности, у В.А. Заха трактовка боборыкинских древностей более расширительная, чем у первых исследователей данной культуры.

Широкие работы на севере Западной Сибири выявили в неолите региона по крайней мере десять культурных типов (Косин-

ская, 2006; Чемякин, 1994, 2008), из которых два (быстринский и каюковский), по мнению авторов раскопок, претендуют на статус культуры (Поселение Быстрый Кульеган..., 2006; Ивасько, 2002, 2008). При этом ряд типов выделен на основании разведочных сборов или небольших раскопок вне жилищных комплексов (сатыгинский, немнелский). Дискутируются генезис, датировка, культурная принадлежность тех или иных памятников или керамических комплексов.

На наш взгляд, одной из проблем урало-сибирского неолитоведения является недостаток монографических публикаций раскопанных памятников, в т.ч. опорных. Для уральских и южно-таежных памятников проблема также в их многослойности и неоднозначном понимании стратиграфии одних и тех же стоянок разными авторами. По-разному интерпретируются и культурная принадлежность отдельных фрагментов керамики внутри исследованных жилищных комплексов, и причины инокультурных включений в последние (особенно ярко это видно по дискуссии о соотношении кошкинских, боборыкинских и полуденских древностей).

Остро ощущается недостаточность источниковой базы, незначительный объем раскопок. На севере Западной Сибири выявлены десятки неолитических и энеолитических памятников, нередко состоящих из большого числа объектов. Но изучались из них единицы, и часто раскопки ограничивались одним объектом. В результате чуть ли не каждое раскопанное жилище содержало, по мнению исследователей, керамический комплекс оригинального типа. Парадоксальность ситуации в том, что со временем тип керамики без особой аргументации начинал трактоваться как культурный тип памятников.

Раскопки большими площадями, охватывавшие несколько объектов и проводившиеся в первую очередь на Барсовой Горе, показали, что многие жилища существовали короткое время и комплексы артефактов, сохранившиеся в их заполнении, сравнимы с закрытыми. Так, в десяти раскопанных на стоянке Барсова гора IV/5 постройках были обнаружены обломки всего от трех до девяти сосудов барсовогорского типа. Среди признаков, характеризующих данный керамический комплекс, отметим сочетание отступающе-накольчатой, прочерченной и шагающей (гребенча-

тым или гладким штампами) техники орнаментации, иногда встречающееся даже на одном сосуде. В одном из объектов найдены фрагменты трех емкостей, украшенных только отступающе-накольчатой техникой, но не выпадающие по всем признакам из керамической коллекции памятника в целом. Если бы на стоянке было раскопано только это жилище, она была бы причислена к древностям с «отступающе-накольчатой» керамикой.

И такие примеры не единичны (дискуссию о сатыгинском типе керамики, выявленном на памятниках сумпаньинского типа, или культуры, такого же рода см.: Косинская, 2006; Ковалева, Зырянова, 2008).

Надо учитывать, что суровые условия Севера могли приводить к голоду, эпидемиям среди аборигенов западно-сибирской тайги и заставляли выживших представителей разных культурных традиций объединяться. Свидетельством этого могут быть памятники с синкретической культурой, характеризующиеся в первую очередь разнообразной керамикой. Каменный инвентарь в этом плане менее информативен, так как бедная и некачественная сырьевая база заставляла приспособливаться к ней, в т.ч. меняя традиционные технологии обработки камня.

Исправить сложившуюся ситуацию в неолитоведении региона может скорейшее введение в научный оборот уже раскопанных памятников, появление полноценных публикаций с качественными иллюстрациями, монографических исследований отдельных культур, а также целенаправленное увеличение источниковой базы за счет новых раскопок.

Необходимы и полевые семинары с привлечением заинтересованных специалистов. Важным представляется работа по созданию базы абсолютных дат. С появлением метода радиоуглеродного датирования керамики желателен отбор проб с памятников и комплексов, относительно которых ведутся острые споры, дискуссии, с публикацией фрагментов, подвергнутых анализу. При этом следует понимать, что и этот метод не панацея. Необходима корреляция датировок, полученных всеми возможными методами.

**РАДИОУГЛЕРОДНАЯ АНОМАЛИЯ В ДАТИРОВАНИИ
ПОЗДНЕГО МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА ЗАБАЙКАЛЬЯ**

Радиоуглеродные даты конкретны, но не самостоятельны. Если изотопное датирование не контролировать другими методами, например стратиграфическим или типологическим, то возможны существенные ошибки в определении возраста культурных горизонтов и археологических культур. Древние поселения в бассейне р. Чикой (Забайкальский край) отличаются высокой степенью многослойности: Алтан — 19 культ. гор., Усть-Менза-1 — 25, Студеное-1 — 36 (Константинов, 1994, Константинов и др., 2003).

Памятники связаны с 1-ой надпойменной террасой высотой 6 м. Дробная система палеопочв в соотношении с разновозрастными мерзлотными клиньями, яркая литологическая цветность и заметные разности по мехсоставу делают стратиграфическую картину всех памятников представительной и наглядной. Коллизия возникает на уровне радиоуглеродного датирования, при этом собственно пойменные отложения в основании рыхлых отложений 1-ой террасы уверенно датируются в пределах 12,7–10,3 тыс. л.н. (позднесартанские интерстадиалы, норильский период — поздний палеолит, ранний мезолит). Затем фиксируется геохронологическая лакуна, связанная с бореальным размывом (10,3–8 тыс. л.н.; отсутствует средний мезолит). А вышележащая пачка, представленная серией иловато-гумусовых прослоек яркого черного цвета, по внешним характеристикам явно соответствующая атлантическому оптимуму и содержащая культурные горизонты позднего мезолита и неолита, вдруг дает запредельные даты, повторяющие плейстоценовые, удревняющие эти горизонты на 6–8 и даже 10 тыс. лет.

Всего получено 13 дат по углю или гумусу в трех лабораториях — ГИН, ЛОИА, СОАН, что вроде бы должно свидетельствовать об их бесспорности. К примеру, по горизонту Студеного-1 с архаичной раннеолитической керамикой получена дата 17 700±400 (ГИН-5494). Отталкиваясь от нее, вполне возможно объявить, что нами найдена древнейшая в мире керамика! Одна-

ко по геоархеологическим расчетным данным возраст этого культурного горизонта не более 7,0–6,5 тыс. л.н. По моим представлениям, поздний мезолит датируется в пределах 8–7 (6,5), а неолит — 7 (6,5)–3,8 тыс. л.н.

Радиоуглеродная аномалия имеет место и на поселении Усть-Каренга-12, расположенном на противоположном от р. Чикой крае Забайкалья — на его севере. На этом памятнике (р. Витим, 25-метровая цокольная терраса) в горизонте 7 найдена керамика, которая, по мнению В.М. Ветрова, является древнейшей в Восточной Сибири (Ветров, 2006, С. 173–175; Ветров, Кузьмин, 2005). Действительно для этого горизонта получено семь дат по углю и органическому веществу из керамики) в лаборатории ГИН и АА, приходящихся на период 11 180–10 750 тыс. л.н., то есть на позднесартанские интерстадиалы. Однако интерпретация возраста Усть-Каренги-12 может быть принципиально иной. На мой взгляд, палеопочва, с которой связан горизонт 7, по характеру, цвету и позиции в разрезе соответствует не позднесартанской интерстадиальной, а голоценовой, причем относящейся где-то ко второй половине оптимума. Если же указанную палеопочву (с горизонтом 7) признать за позднесартанскую, то потребуются существенно изменить представления об этом интерстадиале, точнее, двух интерстадиалах, добавив к их характеристикам тепло и влажность. По характеру и технике изготовления (параболоидная форма, приостренное дно, технический декор, зубчатая гребенка) керамика из горизонта 7 Усть-Каренги-12 ближе всего к керамике белькачинской культуры Якутии, существовавшей в пределах 5200–4100 л.н. (Мочанов, 1969, С. 165–184; Алексеев, 1996, С. 48–49).

Формируется следующий вывод: на Усть-Каренге (горизонт 7) представлен выразительный комплекс средненеолитического времени, приходящийся примерно на III тыс. до н.э. и связанный со второй половиной голоценового оптимума. Керамический комплекс этого объекта относится к вполне обычному для Сибири времени и никакого отношения к плейстоцену не имеет. Археологи могут выявить радиоуглеродную аномалию, но разобравшись в ее причине под силу только физикам-изотопщикам.

**К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР
В БАССЕЙНЕ ЯПОНСКОГО МОРЯ**

Одной из основных проблем археологии традиционно считается поиск возможного культурно-исторического содержания так называемых керамических ареалов, лежащих в основе выделения большинства археологических культур, начиная с эпохи неолита. Один из немногих путей решения этой задачи связан с выяснением того места, которое занимала керамическая посуда в культуре древнего человека. Для этого исследователи, как правило, обращаются к этнографическому опыту, но немало интересных выводов можно сделать и при анализе собственно археологических источников.

Перспективной в этом отношении представляется, например, древнейшая керамика, отражающая не только самые ранние этапы в развитии собственно гончарного производства, но и процессы формирования того социального или культурного статуса керамической посуды, который она в конечном счете приобрела. Исследования древнейшей керамики бассейна Японского моря приводят к нескольким интересным, с этой точки зрения, наблюдениям.

Во-первых, в конце палеолита регионы, входящие в бассейн Японского моря, развивались в целом по одной траектории и были объединены не только общей цепью технологических и хозяйственных новаций, но и в ряде случаев непосредственными контактами и культурными связями. Первые керамические контейнеры, появившись, сразу раздробили это единство на несколько самостоятельных областей — Японский архипелаг, Приамурье, Сахалин, — в рамках которых становление керамических индустрий пошло уже своим собственным путем, закладывая тем самым основы их последующего своеобразия. При этом зарождавшиеся различия в сырьевых стратегиях, морфологии и декоре лишь в малой степени были обусловлены действием экологических и хозяйственных факторов. В основном они проистекали из неутилитарной сферы жизнедеятельности древнего человека,

сферы случайного выбора, индивидуальных или коллективных предпочтений.

Во-вторых, дальнейшая эволюция керамического производства шла не только по линии совершенствования технологии изготовления керамических контейнеров, но и по линии кристаллизации и унификации технологических, морфологических и декоративных стереотипов. Керамическая посуда постепенно приобретает устойчивость и повторяемость основных своих характеристик, складываются наборы форм керамических емкостей, декоративных мотивов и технических приемов.

При этом отчетливо проявились две тенденции. С одной стороны, шел процесс дальнейшего обособления трех регионов, выделившихся еще на заре становления керамического производства, который, в конце концов, привел к окончательному их разделению с точки зрения особенностей керамического производства. С другой стороны, процесс дробления не остановился, теперь уже в рамках каждого из этих трех больших регионов начинают выделяться небольшие коллективы людей, объединенных общими керамическими стереотипами.

В-третьих, в процессе становления и зарождения производства керамической посуды обнаружилась отчетливая тенденция к несовпадению ареалов каменных и керамических индустрий. Уже первые керамические емкости могли объединять носителей разных каменных индустрий, что хорошо заметно в материалах Японского архипелага, а могли и разъединять единые, с точки зрения каменных индустрий, культуры, что прекрасно иллюстрируют материалы громатухинской и осиповской культур Нижнего Амура.

В дальнейшем эта тенденция усилилась. На примере культур раннего неолита Дальнего Востока России и Хоккайдо можно увидеть, как единая керамическая традиция оказалась связана с двумя совершенно различными каменными индустриями — призматической пластинчатой и бифасиальной отщеповой.

Все это подсказывает, что керамическая посуда и производство каменных орудий труда занимали разное место в жизни древнего населения и до определенного момента мало соотносились друг с другом. Эти наблюдения, по-видимому, должны насторожить исследователей, изучающих процессы формирования ран-

неолитических культур, так как по крайней мере в раннем неолите ареалы каменных и керамических индустрий могли отражать разные коллективы людей.

Оценивая перемены, происходящие из бассейна Японского моря в процессе становления керамического производства, мы видим, что их главный тренд заключался в перекраивании сложившихся в палеолите культурных контекстов. И происходило это, что для нас самое важное, посредством внедрения в культуру древнего человека совершенно нового элемента — керамической посуды.

Вопрос в том, с чем была связана такая роль керамики. Стала ли она простым средством воплощения меняющихся взаимоотношений между людьми или выступила катализатором последних? И здесь мы действительно убеждаемся в том, насколько важно понимать всю совокупность перемен, происшедших в человеческом обществе при переходе от палеолита к неолиту.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
<i>И.Ф. Витенкова.</i> Исследования Н.Н. Гуриной и проблемы неолита и энеолита Карелии	8
<i>Е.Г. Калечиц.</i> Вклад Н.Н. Гуриной в археологию Беларуси	10
<i>C. Carpelan, P. Uino.</i> Julius Ailio — a brilliant researcher of Finnish and Russian Stone Age a hundred years ago: sketches on the history of study.....	13
<i>Ю.Л. Шапова.</i> Мезолит и неолит в макроструктуре археологической эпохи	14
<i>Л.Л. Зализняк.</i> Западная культурно-историческая провинция Восточной Европы.....	16
<i>Г.В. Синицына.</i> Финальный палеолит Восточной Европы.....	17
<i>Е.А. Кошелева, Д.А. Субетто.</i> Реконструкция ландшафтов и инициальное заселение Фенноскандии в раннем голоцене	20
<i>T. Rankama, J. Kankaanpää.</i> Sujala, an early Post-Swiderian site in northern Lapland	22
<i>В.Я. Шумкин, Е.М. Колпаков, А.И. Мурашкин.</i> Некоторые итоги археологического изучения Кольского полуострова.....	23
<i>L. Janik.</i> Weaving the pattern — chronology of White Sea carvings revisited.....	25
<i>А.В. Лудикова, Т.В. Сапелко, Д.Д. Кузнецов, А.И. Мурашкин, Е.М. Колпаков.</i> Новые данные об изменениях уровня Онежского озера в связи с палеогеографическими исследованиями в районе Оленеостровского могильника	25
<i>Г.Н. Поплевко.</i> Данные трасологического исследования кремневых изделий мезолитической стоянки Южный Олений Остров 2.....	27
<i>К.Э. Герман, И.В. Мельников.</i> Поселения мезолита — раннего неолита южного Заонежья (Республика Карелия)	29
<i>А.Ю. Тарасов.</i> Технология изготовления сланцевых макроорудий на Оленеостровской мезолитической стоянке	32
<i>А.В. Уткин, Е.Л. Костылева.</i> Еще раз о сланцевых “ножах” Оленеостровского могильника	34
<i>K. Nordqvist, O. Seitsonen.</i> Chronology of the multi-layered Stone Age and Early Metal Period site Puhäjärvi Kunnianniemi (Ru. Komsomol’skoe 3), Karelian Isthmus, Russia.....	36
<i>А.В. Волокитин.</i> Некоторые итоги исследований мезолита европейского Северо-востока.....	37
<i>А.Ф. Мельничук.</i> Проблема взаимодействия древних общин Среднего Приуралья с населением центральной части Восточной Европы на грани позднего плейстоцена — раннего голоцена.....	39
<i>Л.С. Андрианова.</i> Стоянка Березовая Слободка-4 на нижней Сухоне	41

<i>Н.В. Косорукова, Н.Б. Васильева.</i> Мезолитическая стоянка Сазоново 9 на реке Ратце	44
<i>М.В. Иванничева.</i> Памятники раннего неолита Вологодской области	93
<i>I. Zagorska.</i> The role of Zvejnieki archaeological complex in the chronology of the East Baltic Stone Age	47
<i>О.А. Дружинина.</i> Заселение территории Юго-восточной Прибалтики на рубеже плейстоцена и голоцена (по материалам Калининградской области)	48
<i>И.Н. Сходнов.</i> Археологические исследования на Виштынецкой возвышенности (Калининградская область)	49
<i>П.М. Васильев.</i> О проблемах сопоставления памятников верхнего палеолита и мезолита (на примере мезолитического поселения Боровка)	51
<i>А.В. Колосов.</i> Новые материалы по бутовской культуре в бассейне р. Сож	52
<i>Н.Н. Скакун, В.В. Терехина.</i> Короткие сечения из поселения Черная Речка и их функции	55
<i>В.М. Лозовский.</i> Новые данные по технологии кремневых индустрий мезолита Волго-окского междуречья	56
<i>О.В. Лозовская.</i> Изделия из дерева многослойной стоянки Замостье 2	59
<i>В.А. Манько.</i> Вопрос о финальнопалеолитических и мезолитических корнях неолитических культур Украины	61
<i>Л.Г. Мацкевой, Г.И. Панахид.</i> Мезолит и палеоэкосистема территории современного города Львова	62
<i>Е.В. Смынтына.</i> Экологический кризис в северо-западном Причерноморье на рубеже плейстоцена и голоцена: основные компоненты и динамика во времени	65
<i>И.В. Пиструил.</i> Стоянка Катаржино 1 и ее место среди памятников позднего каменного века Северо-западного Причерноморья	67
<i>Д.В. Киосак.</i> Техника расщепления кремня стоянки Белолесье (Юго-восточная Украина)	70
<i>P. Biagi, C. Franco.</i> The blade and trapeze complexes of western Europe: where did they originate from and when?	72
<i>И.В. Федюнин.</i> Мезолитическая стоянка Четвериково на юге Среднего Дона	73
<i>А.Н. Бессуднов.</i> Проблемы хронологии мезолитических древностей Поосколья	75
<i>М.Г. Жилин, С.Н. Савченко.</i> Хронология некоторых типов костяных наконечников стрел в мезолите лесной зоны Восточной Европы и Зауралья	78
<i>С.А. Кулинич.</i> Сравнительный анализ мезолитических погребальных комплексов Европы	79

<i>А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова.</i> Распространение керамических традиций в раннем неолите на территории Восточной Европы.....	80
<i>А.Ю. Городилов, Л.Г. Шаяхметова.</i> Неолитическая керамика Кольского полуострова.....	82
<i>Т.В. Сапелко, А.В. Лудикова, Д.Д. Кузнецов, Д.А. Субетто.</i> Палеогеографические исследования археологических памятников Кольского полуострова.....	84
<i>В.И. Хартанович, В.Г. Моисеев.</i> Антропологический состав древнего населения Кольского полуострова (по краниологическим материалам могильника эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове Баренцева моря).....	85
<i>Е.М. Колтаков, В.Я. Шумкин, А.И. Мурашкин.</i> Наскальные изображения Кольского полуострова.....	87
<i>Т.А. Хорошун.</i> К вопросу о жилищах эпохи неолита — раннего энеолита в бассейне Онежского озера.....	89
<i>В.Н. Карманов, Н.Е. Зарецкая.</i> Хронология неолита Европейского Северо-востока.....	91
<i>М.В. Иванничева.</i> Памятники раннего неолита Вологодской области.....	93
<i>Н.Г. Недомолкина.</i> Костяные изделия из ранненеолитического слоя поселения Векса III (к вопросу о заселении территории Верхней Сухоны).....	94
<i>Н.В. Косорукова, Н.Б. Васильева.</i> Каменный инвентарь ранненеолитической стоянки Караваяха 4 в бассейне озера Воже.....	95
<i>Т.М. Гусенцова.</i> К вопросу об особенностях памятников эпохи камня и бронзы в бассейне р. Свирь (северо-восток Ленинградской области).....	98
<i>П.Е. Сорокин, Т.М. Гусенцова, А.А. Екимова.</i> Неолит и энеолит поселения Охта 1 в Санкт-Петербурге.....	101
<i>Е.А. Кашина.</i> Элементы знаковой системы в неолите-энеолите лесной зоны Восточной Европы и Скандинавии по материалам искусства малых форм.....	103
<i>А.М. Жульников.</i> Скульптурные навершия из камня в контексте связей древнего населения Северной Европы.....	105
<i>А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова.</i> Керамические традиции валдайской культуры в ранненеолитических комплексах Верхнего Подвинья.....	108
<i>Ю.Б. Цетлин.</i> О процессе смены неолитических культур в центре Русской равнины.....	110
<i>Н.А. Цветкова.</i> К вопросу о раннем этапе валдайской неолитической культуры.....	113
<i>А.В. Уткин, Е.Л. Костылева.</i> Хронология льяловского погребального обряда на территории Верхнего Поволжья и Волго-окского междуречья.....	116
<i>А.А. Чубур, Е.А. Шинаков.</i> Неолит нижнего течения Судости по материалам микрорегиона Курово.....	119

<i>О.Л. Липницкая.</i> Красносельский археологический комплекс	121
<i>М.М. Чернявский.</i> Усвятская культура в Кривинском микрорегионе на севере Беларуси.....	124
<i>Максим М. Чернявский.</i> Новые материалы северо-белорусской культуры (по результатам исследований 2000–2009 гг.)	127
<i>Э.А. Ляшкевич.</i> Рыбное питание у жителей Кривинского торфяника.....	129
<i>А.В. Зуева.</i> К вопросу о датировке и культурной принадлежности кремнедобывающих шахт у дер. Карповцы	131
<i>А.М. Скоробогатов.</i> Материалы неолито-энеолитического облика Донской лесостепи	134
<i>Р.В. Смольянинов.</i> Ранний неолит Верхнего Дона.....	136
<i>А.В. Сурков.</i> Неолит с ямочно-гребенчатой керамикой на Дону.....	139
<i>С.Н. Гапочка.</i> Проблема генезиса неолита юга Донской лесостепи	140
<i>Н.С. Котова.</i> Хронология и периодизация сурской неолитической культуры.....	141
<i>Г. Мотузайте-Матузевичюте, С.А. Телиженко.</i> Керамика и земледелие или только керамика? Особенности неолита бассейна Северского Донца (по материалам неолитических поселений Восточной Украины Старобельск–I и Новоселовка–III)	143
<i>Д.Л. Гаскевич.</i> Происхождение керамики с гребенчатой орнаментацией в неолите Северного Причерноморья	146
<i>Е.В. Цвек, И.И. Мовчан.</i> Контакты носителей восточно-трипольской культуры с неолитическими и энеолитическими племенами Поднепровья.....	149
<i>Н.Н. Скакун.</i> Особенности кремнеобрабатывающего производства развитого этапа трипольской культуры.....	152
<i>Б. Матева.</i> Поздненеолитические культуры в низовьях Дуная	153
<i>З. Мацкевич, Т. Мешвелшани.</i> Переход к неолиту в Западной Грузии: проблемы хронологии и культурных взаимодействий.....	154
<i>Е.Л. Лычагина.</i> Хуторская стоянка — эталонный памятник камского неолита	156
<i>М.Ш. Галимова, В.Н. Карманов.</i> Кремневая индустрия стоянки Пезмогты 3 в контексте памятников с гребенчато-ямочной керамикой лесной полосы Восточной Европы	159
<i>С.А. Кондратьев.</i> Новые данные по хронологии ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья.....	162
<i>И.Н. Васильева, А.А. Выборнов.</i> О времени и характере взаимодействия неолитического населения степного и лесостепного Поволжья	164
<i>А.И. Юдин.</i> Соотношение данных стратиграфии и радиоуглеродных определений для памятников позднего неолита — энеолита Нижнего Поволжья.....	169
<i>В.С. Мосин.</i> Керамические традиции Урала и лесостепного Притоболья в начале неолита	171

<i>В.Т. Ковалева, С.Ю. Зырянова.</i> О роли кельтеминарской культуры в неолитизации Среднего Зауралья и Западной Сибири	173
<i>А.Ф. Шорин.</i> Хроностратиграфия неолитических комплексов Кокшаровского холма в Среднем Зауралье	176
<i>Н.М. Чаиркина.</i> Культурно-хронологическая специфика неолитических комплексов Северного Зауралья	179
<i>Л.Л. Косинская.</i> О некоторых параллелях в археологии севера Западной Сибири и северо-запада Европы: ловчие ямы каменного века	181
<i>Н.А. Алексащенко.</i> Хозяйство населения циркумполярной зоны Ямала: обработка шкур	183
<i>Ю.П. Чемякин.</i> О современной ситуации в изучении неолита Западной Сибири	186
<i>М.В. Константинов.</i> Радиоуглеродная аномалия в датировании позднего мезолита и неолита Забайкалья	189
<i>О.В. Янишина.</i> К проблеме формирования неолитических культур в бассейне Японского моря	191

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ХРОНОЛОГИЯ КУЛЬТУР МЕЗОЛИТА
И НЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

*Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию Н.Н. Гуриной*

Редактирование
и компьютерный макет М.А. Ильиной

Подписано в печать 15.10.2009.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 12. Усл. п. л. 11,5. Тираж 300 экз.

РИО МАЭ РАН.
199034. Санкт-Петербург, В.О., Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199034. Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24